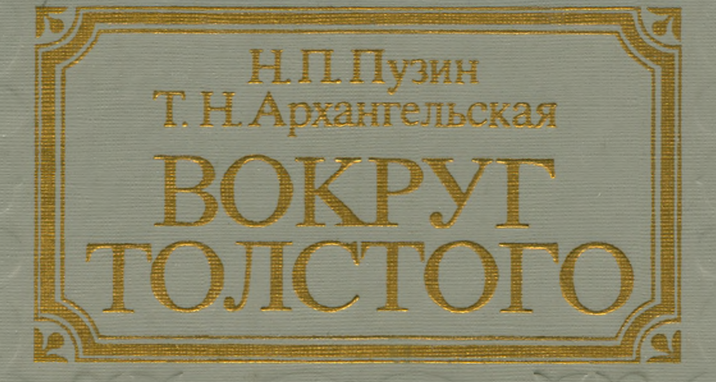

Вокруг
Толстого

Н. П. Пузин
Т. Н. Архангельская
Вокруг
Толстого

ПОТОМКИ Л. Н. ТОЛСТОГО

МУЖЧИНЫ / ЖЕНЩИНЫ

- ДЕТИ
- ВНУКИ
- ПРАВНУКИ
- ПРАПРАВНУКИ
- ПРАПРАПРАВНУКИ

Н. П. Пузин
Т. Н. Архангельская

ВОКРУГ ТОЛСТОГО

Издание второе

ТУЛА
ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

83.3Р1
П88

В книге научных сотрудников Музея-усадьбы «Ясная Поляна» исследуются различные стороны жизни и творчества Л. Н. Толстого, рассказывается о его окружении и потомках, о том интересе, который проявлял великий русский писатель к деятельности русских революционеров.

Книга рассчитана на исследователей-толстоведов и всех интересующихся жизнью и творчеством гения русской литературы.

Рецензенты: канд. фил. наук Э. Г. Бабаев,
канд. фил. наук Л. Д. Опульская

Художник М. Г. Рудаков

П $\frac{4603010101-38}{М154(03)-88}$ 38.88

Посвящается светлой памяти
моей матери Марии Алексеевны
Кологривовой-Пузиной

Н. П. Пузин

I

СПУТНИКИ, ВЕЩИ, ПОТОМКИ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО И С. Т. АКСАКОВА

В огромной литературе о Толстом нет специальной работы, посвященной взаимоотношениям Толстого и Аксакова. Настоящая статья является первой попыткой осветить этот вопрос.

Знакомство Л. Н. Толстого с С. Т. Аксаковым и их дружеские отношения завязались в 1856—1858 гг., в тот период, когда Толстой, вернувшись из Петербурга, сначала поселился в Москве, а затем, живя в Ясной Поляне, часто наезжал в Москву.

С конца 1830-х годов дом С. Т. Аксакова был хорошо известен театральной и литературной Москве. Н. В. Гоголь становится частым посетителем его и читает здесь все свои новые произведения. Здесь бывают представители самых различных общественных направлений: молодой В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, М. С. Щепкин, с конца 1840-х годов И. С. Тургенев; с другой стороны — С. П. Шевырев, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, близкие по своим убеждениям сыновьям писателя, принадлежавшим к лагерю славянофильства.

Выдающиеся общественные деятели и писатели собирались в доме Аксакова не только потому, что С. Т. Аксаков горячо интересовался вопросами литературы и те-

атра,— они любили его и за высокие нравственные качества, о чем свидетельствуют многочисленные высказывания: «Верь... я уважаю твоего отца искренне,— писал 10 января 1840 г. В. Г. Белинский К. С. Аксакову.— Наши лета и понятия разнят и рознят нас, но я тем не менее уважаю его за верное чувство поэзии и за добрый и благородный характер»[1].

А. И. Герцен пишет в 1864 г. И. С. Аксакову: «...Вы носите имя чистое, имя честное, имя, которое мы привыкли уважать в вашем отце»[2].

В годы оживления общественной жизни, наступившие после Крымской войны, дом Аксакова привлекает еще большее количество посетителей; только в зиму 1856 г. «прибавилось 77 новых знакомых». Сам С. Т. Аксаков становится в это время одним из самых видных писателей эпохи. После трех его книг: «Записки об уженье» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852) и «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855), высоко оцененных критикой за прекрасное изображение русской природы, в 1856 г. выходит «Семейная хроника», получающая всеобщее признание.

«Семейная хроника» вышла в эпоху ожесточенной борьбы вокруг вопроса об освобождении крестьян и возбудила большой интерес среди читающей публики и в литературной критике. «...Чрезвычайный успех «Семейной хроники» остается фактом...»[3],— отмечал Н. Г. Чернышевский. Журналы всех направлений восторженно отозвались о ней[4]. Впоследствии Добролюбов на материале «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука» написал одну из своих самых сильных статей, направленных против крепостного права[5]. Салтыков-Щедрин писал: «Достаточно указать на литературные попытки гг. Тургенева <Писемского> и Островского и в особенности на «Семейную хронику» Аксакова, чтобы убедиться, что последние годы должны занять весьма почетное место

в истории русской литературы»[6]. Герцен назвал «Семейную хронику» книгой «огромной важности»[7].

Естественно желание Толстого, приехавшего в Москву, после знакомства с петербургскими литературными кругами, группировавшимися вокруг журнала «Современник», познакомиться с автором «Семейной хроники».

К началу знакомства имя Толстого было уже хорошо известно Аксакову. «Детство» было им давно прочитано, и в 1854 г. Аксаков писал Тургеневу о «нетерпеливом желании прочесть «Отрочество», а 11 августа 1855 г., после прочтения первого из «Севастопольских рассказов», Аксаков сообщал Тургеневу: «Статью Толстого я прочел с восхищением и так же мысленно кричал ура и сочинителю, и тому, что она напечатана»[8].

Знакомство писателей произошло во второй половине января 1856 г. В недатированном письме С. Т. Аксакова к сыну, написанном между 19 и 26 января 1856 г., Аксаков писал: «Я сделал несколько интересных знакомств; сегодня ожидаю гр. Толстого (Л. Н. Т.)»[9].

Тогда же Аксаков сообщил М. П. Погодину: «Всякий день пребывает у меня человек десять, а сегодня вдруг сошлась дюжина. Между прочим приезжал познакомиться со мною граф Л. Н. Толстой и завтра читает у меня свою новую пиесу из крестьянского быта и просит, кажется искренно, самых строгих замечаний»[10].

На другой день Толстой читал главы своего произведения «из крестьянского быта», т. е. «Роман русского помещика». Толстому, несомненно, была известна репутация Аксакова как человека с большим художественным чутьем; еще Белинский говорил о «верном чувстве поэзии», присущем Аксакову; критические суждения Аксакова высоко ценили Гоголь и Тургенев.

29 января 1856 г. Толстой уехал в Петербург. Скорее всего к этим первым дням знакомства с Аксаковым должно быть отнесено недатированное и неотосланное письмо

Толстого к К. С. Аксакову: «Я до такой степени загулял последнее время в Москве, что даже не мог выбрать минутки приехать к вам... и извиниться перед вашим батюшкой за мою неаккуратность, да и вообще приехать туда, куда мне больше всего нужно, полезно, приятно было приехать. Я завтра еду. Поэтому, до свидания. Повторяю просьбу прислать вам на суд то, что выйдет из моего романа; ежели же завтра не уеду, то непременно буду у вас»[11].

Л. Н. Толстой произвел на Аксакова самое благоприятное впечатление, о чем говорится в ряде писем. 7 февраля 1856 г. С. Т. Аксаков пишет Тургеневу: «Мы оба с Константином очень рады знакомству с графом Толстым. Он умен и серьезен; он способен понимать серьезные мысли, в какие бы пустяки ни вовлекла его пошлая сторона жизни. Я ставлю его очень высоко по задаткам, которые он дал нам, и, узнав его лично, еще более надеюсь на его будущую литературную деятельность»[12].

В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской (племяннице С. Т. Аксакова) от 21 февраля 1856 г. сообщает: «Он/Л. Н. Толстой.— *Н. П.*/ очень хорошо познакомился с отесенькой /С. Т. Аксаковым.— *Н. П.*/, Константином и в восхищении от книги /«Семейная хроника».— *Н. П.*/. ...Он точно человек с талантом и серьезный»[13].

В письме от 12 марта 1856 г. Аксаков просит Тургенева передать Толстому свое мнение о «Метели». Он называет «Метель» «превосходным рассказом», но считает, что «подробностей слишком много...» «Хотя я мало с ним знаком, но не боюсь сказать ему голую правду»,— пишет он[14].

18 мая 1856 г. Толстой приезжает из Петербурга в Москву. 21 мая обедает у Аксакова, а на другой день слушает чтение четвертого отрывка «Семейной хроники», отмечая в Дневнике: «Хорош, но старика захвалили»[15].

Интересно, что на рукописи «Семейной хроники»

/автограф рукой О. С., В. С. и И. С. Аксаковых с авторской правкой и добавлениями/, в пятом отрывке «Жизнь в Уфе» 1856 г., на обороте последнего листа черным карандашом рукой С. Т. Аксакова сделана запись: «Не забыть... Замечания гр. Толстого: 1) Старик Зубин может в тайне думать так дурно о Калмыке, но не выскажет своей дочери. 2) Рассказ о похищении Сальме можно выпустить: он рассказан без любви и задерживает ход. 3) После эпилога остальное примыкает. 4) В эпилоге сказать как-нибудь иначе; нежели, что предки вызваны из мрака забвения и пр. пр., о могуществе письма и печати и о самочувствии»[16].

С. Т. Аксаков внимательно отнесся к замечаниям Толстого и некоторые из них учел в процессе последующей работы над «Семейной хроникой»[17].

Когда, после полугодового отсутствия, Толстой приезжает 13 января 1857 г. в Москву, он делается частым гостем дома Аксакова и в течение своего двухнедельного пребывания в Москве посещает этот дом девять раз.

В течение пяти вечеров Толстой слушает чтение «Детских годов Багрова-внука», работу над которыми Аксаков начал осенью 1856 г., и записывает в Дневнике: «20, 21, 22, 23, 24, 25 января. Чтение у С. Т. Аксакова. Детство прелестно»[18].

В письме к В. П. Боткину 29 января 1857 г. Толстой дает более подробный отзыв об этом произведении: «Слышал я две замечательные литературные вещи: Воспоминания детства С. Т. Аксакова и «Доходное место» Островского. Первая вся мне показалась лучше лучших мест «Семейной хроники». Нету в ней сосредотачивающей, молодой силы поэзии, но равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему, вследствие чего может казаться иногда скучным, на зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения»[19].

29 января 1857 г. Толстой уезжает за границу, и уже после его отъезда, несомненно по его совету, с С. Т. Аксаковым знакомится сестра Толстого, Мария Николаевна, и присутствует при следующих чтениях «Детских годов Багрова-внука», о чем сообщает 9 марта 1857 г. В. С. Аксакова М. Г. Карташевской: «На чтении у нас было много дам, и в том числе две почти в первый раз. Одна — из них — граф. Толстая, сестра автора *Детства.* Она замужем тоже за Толстым, она нехороша, но очень умные глаза, музыкантша, очень простая и умная женщина. Чтение было очень удачно, я, признаюсь, не ожидала, чтоб такое сильное могло возбудить участие и произвести такое впечатление именно это начало. Чем далее, тем более растет интерес». В письме от 26 марта В. С. Аксакова сожалеет, что на последнем чтении, собравшем около 50 человек, не была М. Н. Толстая[20].

О Толстом, находившемся за границей одновременно с И. С. Аксаковым, последний сообщает в письме к отцу из Парижа 19 апреля 1857 г.: «Толстой в Женеве. То, что мне рассказали про него, очень характеризует его, и с хорошей стороны... Париж его возмутил и оскорбил до глубины души; он не мог в нем оставаться. Кто-то посоветовал ему посмотреть казнь. На него вид, как публично зарезывают человека, произвел такое впечатление, что гильотина снилась ему во сне... он вдруг исчез — и уже написал с берегов Женевского озера, где живет и наслаждается видом чудной природы, проклиная Париж с его удовольствиями»[21].

В ответном письме С. Т. Аксаков пишет сыну 4 мая 1857 г.: «Я очень рад, что Тургеневу лучше, а также тому впечатлению, которое произвел Париж на гр. Толстого; это укрепляет мои надежды на него»[22].

В августе Толстой возвращается в Ясную Поляну, в октябре по пути в Петербург останавливается на пять дней в Москве и в это время два раза посещает Аксакова,

а затем, поселившись на зиму в Москве, часто бывает у него.

23 ноября Толстой читает Аксакову переработанную повесть «Альберт», делая в Дневнике запись: «Кажется, понравилось старику»[23]. Толстой отправил рукопись «Альберта» Некрасову в «Современник» для напечатания, но Некрасову повесть не понравилась, о чем он сообщил Толстому в письме от 16 декабря 1857 г. Отвечая ему 18 декабря 1857 г., Толстой писал: «...Я доволен был этой вещью; читал ее переделанной одному старику Аксакову, который остался ею очень доволен»[24]. После исправлений и переписки Некрасов напечатал ее в восьмой книге «Современника» за 1858 г. Спустя два дня после чтения у С. Т. Аксакова Толстой записывает в Дневнике: «К Аксаковым и у них обедал. Очень милы они были»[25]. 20 декабря 1857 г. Аксаков пишет Тургеневу: «С Толстым мы видаемся часто и очень дружески. Я полюбил его от души; кажется, и он нас любит»[26].

В аксаковском доме Толстой встречался со многими литераторами, артистами. В 1858 г. он познакомился там с великим русским актером М. С. Щепкиным. Еще до личного знакомства Толстой в ноябре 1855 г. в Петербурге в числе других писателей подписывает адрес по случаю пятидесятилетнего юбилея Щепкина. В Москве торжественно был отпразднован этот юбилей. Друг Щепкина, страстный театрал, С. Т. Аксаков принял горячее участие в торжестве, а на обеде был оглашен адрес и прочитана статья Аксакова о сценической деятельности Щепкина. Об этом юбилее упоминает Толстой в начале романа «Декабристы».

Большое количество дневниковых записей о посещении Толстым аксаковского дома с несомненностью свидетельствует, что были какие-то причины, которые влекли Толстого к Аксакову: каждый раз, когда Толстой приезжает в Москву, он посещает Аксаковых уже на другой

день после приезда: иногда бывает у них по два раза в день. Но в то же время многие записи содержат отрицательную оценку Аксаковых, говорят о раздражении Толстого против них: **14 января 1857 г.** — «У Аксакова очень мне были рады... Опять к Аксаковым. Тупы и самолюбивы». **19 октября 1857 г.**— «Вечер у Аксаковых. Отвратительная литературная подкладка». **17 ноября 1857 г.**— «Вечер у Аксаковых, гордость страшная»[27]. Необходимо, конечно, принять во внимание, что записи делались в годы формирования мировоззрения Толстого, в период, когда, вырабатывая свои взгляды по самым основным жизненным вопросам, Толстой относился с большой требовательностью и к себе, и к другим. Отсюда частые отрицательные отзывы и противоречивость многих записей.

Но записи Толстого свидетельствуют и о принципиальных несогласиях и спорах с Аксаковыми.

В Дневнике Толстого отмечены три темы споров у Аксаковых: спор о сельском чтении с К. С. Аксаковым, спор о Гоголе и спор об аристократии.

Естественным было столкновение взглядов славянофила К. С. Аксакова со взглядами Толстого, который не мог принять предлагавшегося К. Аксаковым ограничения круга народного чтения.

Вполне понятно, что Гоголя Л. Н. Толстой и К. С. Аксаков должны были оценивать по-разному. Это явствует и из поздней статьи Толстого о Гоголе (1909), в которой он отрицает гегельянское понимание искусства и славянофильское воззрение на русский народ.

По третьему вопросу — об аристократии — в Дневнике Толстого имеется следующая запись от 6 января 1858 г.: «К Аксаковым. Спор со стариком. Аристократическое чувство много значит.— Но главное, я чувствую себя гражданином, и ежели у нас есть власть, то я хочу власть в уважаемых руках»[28].

Чтобы понять смысл расхождения Толстого с С. Т. Аксаковым, нужно сопоставить эту запись с письмом последнего к И. С. Аксакову от 23 марта 1851 г.: «Третьего дня был у меня Петр Васильевич Киреевский с братом Василием Елагиным, также Хомяков и Кошелев. И смешно, и жалко: из пятерых собеседников не нашлось двух, совершенно согласных в некоторых основных нравственных положениях: Киреевский с братом, правда весьма неглупо, но совершенно ложно защищают аристократию, считают ее исходным пунктом»[29]. Тема этого спора, очевидно, должна была получить развитие в романе «Декабристы», первая глава которого изображает общественную жизнь 1850-х годов и воспроизводит впечатление Толстого от московской жизни и, в частности, от дома С. Т. Аксакова. Герой романа, вернувшийся из Сибири, декабрист Лабазов, по совету Пахтина, должен познакомиться с *Аксатовыми.* Характеристика, даваемая им в романе, с несомненностью указывает, что под *Аксатовыми* Толстой подразумевал Аксаковых. Прототипом декабриста Лабазова, как известно, является С. Г. Волконский /1788—1865/. У нас нет сведений о том, что встреча Толстого с С. Г. Волконским произошла в доме Аксакова. Из дневника зятя Толстого М. С. Сухотина известно, что «Л. Н. в конце 50-х годов познакомился с ним /С. Г. Волконским.— *Н. П.*/ в Москве, а затем видел его во Флоренции. Он произвел прекрасное впечатление на него»[30].

Через несколько десятилетий Л. Н. Толстой вспоминал об этой встрече 27 мая 1904 г.: «Его наружность с длинными седыми волосами была совсем как у ветхозаветного пророка... Это был удивительный старик, цвет петербургской аристократии, родовитой и придворной. И вот в Сибири, уже после каторги, когда у жены его было нечто вроде салона, он работал с мужиками, и в его комнате валялись принадлежности крестьянской рабо-

ты»[31]. Но несомненно, что Толстой должен был слышать о семье Волконских и от Аксаковых. Имя М. Н. Волконской, приехавшей в Москву за год до возвращения всех декабристов из Сибири, встречается в семейной переписке Аксаковых уже в 1855 г. В письме от 26 декабря 1863 г. С. Г. Волконский вспоминает о том радушном приеме, который он и его жена встретили в семье Аксаковых по возвращении из Сибири[32]. Упоминание в романе об Аксатовых совершенно естественно уже по ассоциации с С. Г. Волконским.

В основе спора Толстого с Аксаковым лежало несогласие Толстого со славянофильскими взглядами сыновей С. Т. Аксакова. Но подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

Сам С. Т. Аксаков, которого по традиции безоговорочно причисляют к славянофилам, далеко не полностью разделял славянофильские воззрения, а иногда и прямо противопоставлял себя славянофилам. Во всяком случае более важным, чем споры Толстого с Аксаковым по отдельным вопросам, нам представляется вопрос о творческих связях и взаимоотношениях между Л. Н. Толстым и С. Т. Аксаковым.

Мы не имеем подробных отзывов Толстого о «Семейной хронике», кроме упоминания о ней при сравнении с «Детскими годами Багрова-внука» и сообщения В.С. Аксаковой. Но можно с достаточным основанием предполагать, что внимание Толстого было привлечено к той стороне «Семейной хроники», на которую обратил внимание и Герцен: к мирному заселению и освоению русским народом новых земель. Герцен развил эту мысль в двух письмах к Дж. Мадзини и к И. С. Тургеневу, относящихся к 1857 г. Признавая будущее за двумя странами — Соединенными Штатами Америки и Россией — и сравнивая способ, которым оба государства растут вширь, Герцен отдает безусловно предпочтение способу, которым

растет Россия: «Соединенные Штаты, как лавина, все катятся вперед; каждая пядь земли, которую они приобретают, пропадает для туземцев. Россия разливается, опоясывает, словно вода, присоединенные области»[33].

Несомненно, что «Семейная хроника», наряду с другими своими особенностями, привлекла внимание Толстого изображением «овладевающей» способности русского народа, с которой Толстой во многом связывал его будущее.

В яснополянской библиотеке сохранился экземпляр первого издания «Семейной хроники», на обороте обложки которого автограф С. Т. Аксакова: «Графу Льву Николаевичу Толстому в знак искреннего уважения к его прекрасному таланту от сочинителя». В 1891 г. в Ясной Поляне Толстой «по вечерам» перечитывает «Семейную хронику», а за три года до смерти, по свидетельству Д. П. Маковицкого, отзывался об этом произведении с «большой похвалой».

Высокая оценка Толстым «Детских годов Багрова-внука», данная им в Дневнике и письме к Боткину, особенно важна потому, что в это время сам Толстой был уже автором классических книг о детстве — «Детства» и «Отрочества». Мы знаем, что в старости Толстой поставил сам себе в упрек некоторый отход от абсолютной правды в этих произведениях, наличие в них элементов вымысла. Первая попытка Толстого описать свою жизнь относится к 1878 г., но она не была завершена, и лишь в старости, во второй половине января 1903 г., Толстой начал писать «Первые воспоминания», в которых, как нам кажется, учел аксаковский прием изображения детских переживаний, начиная с самых ранних, едва осознанных ощущений. По воспоминаниям С. Л. Толстого, «отец ценил книги Аксакова «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука». В нашем детстве, по совету отца, мы, старшие его дети, читали их вслух, а затем рассказывали прочитанное. Помню, еще когда я был мальчи-

ком, то читал отдельные главы из «Детских годов Багрова-внука» яснополянским крестьянским детям, которые приходили в наш дом учиться грамоте»[34]

За год до смерти Толстой говорил: «Детские годы Багрова-внука» потому интересны, что он сам /С. Т. Аксаков.— *Н. П.*/ описывает свои впечатления. Нехорошо в беллетристике описание от лица автора. Нужно описывать, как отражается то или другое на действующих лицах»[35].

О высокой оценке, данной Толстым произведениям С. Т. Аксакова, свидетельствует и запись на полях рукописи «Войны и мира». Говоря в предисловии к «Войне и миру» о том, что русская литература не укладывается в рамки, созданные канонами западноевропейских литератур, и ищет для себя новых форм, Толстой в доказательство своей мысли пишет: «Вспомнить Тургенева, Гоголя, Аксакова»[36].

Опубл.: «Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка»,
1956, т. XV, вып. 2, с. 161—165.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Белинский В. Г. Избр. соч. М.— Л., ГИХЛ, 1949, с. 992.

[2] Герцен А. И. Полн. собр. соч. Пг., ГИЗ, 1922, т. XVII, с. 46.

[3] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., ОГИЗ, 1947, т. III, с. 699.

[4] Исключение составила булгаринская *«Северная пчела»*. С. Т. Аксаков с удовлетворением писал об этом Тургеневу: *«Северная пчела»* не подозревает, до какой степени она утешила меня своей бранью. Я боялся ее похвал, как огня. Слава Богу, меня ругают в такой газете, где не признают великого таланта Гоголя» (Русск. обозрение, 1894, дек., с. 583).

[5] Добролюбов Н. А. Деревенская жизнь помещика в ста-

рые годы. Собр. соч. М., ГИХЛ, 1950, т. I, с. 327—361.

[6] Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., М., 1937, т. 5, с. 432.

[7] Герцен А. И. Полн. собр. соч. Пг., 1919, т. VIII, с. 410.

[8] Русск. обозрение, 1894, нояб., с. 16 и 27.

[9] Институт русской литературы, Ленинград (далее ИРЛИ), ф. 3, оп. 3, № 14, л. 117.

[10] Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1900, Кн. 14, с. 296.

[11] Отнесение этого письма к 26 апреля 1859 г. (см. Толстой Л. Н., Полн. собр. соч. В 90-та т. Юбилейное издание. В дальнейшем ссылки даются на это издание. Т. 60, с. 292) считаем ошибочным: в апреле 1859 г. Толстой не мог не знать о тяжелом состоянии С. Т. Аксакова, умершего 30 апреля 1859 г. (т. е. спустя четыре дня после предполагаемой даты), поэтому и весь тон письма не мог бы быть таким.

[12] Русск. обозрение, 1894, дек., с. 578.

[13] ИРЛИ, 10, 623, XV с., 20, л. 40.

[14] Русск. обозрение, 1894, дек., с. 583.

[15] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47, с. 74.

[16] Гос. библиотека им. В. И. Ленина (далее ГБЛ), отд. рукописей, шифр Акс., № 1, 5, л. 60 об. Впервые опубликовано С. И. Машинским в статье «Новые материалы о С. Т. Аксакове» «Изв. АН СССР Отд. лит-ры и языка», т. XIV, 1955, вып. 3, с. 247.

[17] См. Аксаков С. Т. Соч. М., 1955, т. 1, примечания С. Машинского.

[18] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47, с. 112.

[19] Там же, т. 60, с. 156.

[20] ИРЛИ, 10, 624, XV с., 21, лл. 51 и 56.

[21] И. С. Аксаков в его письмах. М., 1892, т. III (1851—1860) с. 317.

[22] ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, № 14, л. 137.

[23] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47, с. 164.

[24] Там же, т. 60, с. 243.

[25] Там же, т. 47, с. 164.

[26] Русск. обозрение, 1894, дек., с. 595.

[27] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47, с. III, 160, 163.

[28] Там же, т. 48—49, с. 3.

[29] ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, № 16, л. 17.

[30] Лит. наследство, т. 69. Кн. 2. Лев Толстой. М., АН СССР, 1961, с. 156—157.

[31] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1922, с. 126.

[32] ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 114, л. 59; см. также выписку из письма С. Г. Волконского в кн.: Пахомов Н. Абрамцево. М.: Моск. рабочий, 1953, с. 38.

[33] Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 410.

[34] Из разговоров с С. Л. Толстым, записи Н. П. Пузина (архив автора, лист IV).

[35] Лит. наследство, т. 37—38, М., 1939, с. 533.

[36] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 13, с. 55.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. А. ФЕТА С Л. Н. И С. А. ТОЛСТЫМИ

На вопрос биографа Льва Толстого — П. И. Бирюкова, чем была вызвана его близость к А. А. Фету, Толстой ответил, что, «кроме истинного поэтического дарования», его привлекла к Фету «искренность его характера. Он никогда не притворялся и не лицемерил, что у него было на душе, то и выходило наружу»[1].

Через всю свою жизнь Толстой пронес любовь к поэзии Фета, помнил и ценил его как «настоящего поэта».

В яснополянской библиотеке книг Фета сохранилось больше, чем других изданий писателей современников. На многих из них оригинальные дарственные надписи Толстому и его жене. Вот некоторые:

Фет А. Вечерние огни. М., 1883 /переплетены вместе три выпуска/.

Вып. I. На обложке надпись: «Неувядаемой Графине Софье Андреевне Толстой. Автор».

Вып. II. На обложке надпись: «Графине Софье Андреевне Толстой старый ее почитатель». На обороте второго листа рукою Фета написано:

«Когда стопой слегка усталой
Зайдете в брошенный цветник,
Где под травою одичалой
Цветок подавленный приник,
Скажите: «Давнею порою

Тут жил поклонник красоты;
Он бескорыстною рукою
И для меня сажал цветы».

Вып. III. На обложке надпись: «Графине Софье Андреевне Толстой на память от старейшего и преданного ее почитателя».

Каттул. Стихотворения. В переводе и с объяснениями А Фета. М., 1886. На обложке надпись: «Графу Льву Николаевичу Толстому языческий переводчик».

Тибулл. Элегии. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. На обложке надпись: «Пастырю Графу Льву Николаевичу Толстому, дар вечного ребенка Купидона».

Шопенгауэр Артур. О четверном корне закона достаточного основания... Перевод А. Фета. М., 1886. На обложке надписи: «Графу Льву Николаевичу Толстому от старинного его почитателя»; «Как бы далеко не расходились оконечности змеи истины, если она живая, то непременно укусит свой хвост. Переводчик».

Фет. А. Вечерние огни. Вып. IV. М., 1891. На обложке надпись: «Своему идеалу Графине Софье Андреевне Толстой — старый ее певец».

Толстой в разные годы читал и перечитывал стихотворения и переводы Фета, делая отметки на полях и в тексте.

Начиная с 1858 г. между Л. Н. Толстым и А. А. Фетом идет оживленная переписка. Их знакомство перерастает в дружбу, которая продолжается без малого четверть века, достигая в 1860—70-х годах наибольшего расцвета. В своих письмах и при личных встречах они затрагивают важнейшие вопросы современной жизни, искусства, литературы, философии, делятся душевными настроениями, сообщают друг другу домашние новости. В их письмах зачастую звучат каламбуры, шутки. Они беседуют о хозяйстве и конозаводстве.

Почти ежегодно направляясь из своего имения в Москву, Фет с женой стремятся заглянуть в «очарованный замок Ясной Поляны». В свою очередь Толстой бывает у Фета в его имениях: Новоселках, Степановке, Воробьевке, встречается с ним часто в Москве.

В течение всей своей жизни Фет был горячим поклонником художественного гения Толстого, с восторгом отзывался о его произведениях. Толстой также очень дорожит мнением Фета: «...Вы по душе мне один из самых близких»[2],— пишет он Фету в мае 1866 г. В другом письме того же года мы читаем: «Пожалуйста, пишите мне, милый друг, все, что вы думаете обо мне, т. е. моем писании,— дурного. Мне всегда это в великую пользу, а кроме вас у меня никого нет... Вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых, и который в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме *единого*, будет сыт человек»[3].

Лирика Фета приводила Толстого в восхищение. И для Фета мнение Толстого о его поэзии было важно,— он постоянно посылает ему на суд вновь написанные стихотворения, с нетерпением ждет отзывов о них. 31 января 1878 г. он пишет Толстому и его жене: «...Вы — оба — моя критика и публика, и не ведаю другой»[4].

Отвечая на присланное Фетом письмо от 3 февраля 1879 г. со стихотворением «А. Л. Бржеской» /«Далекий друг; пойми мои рыданья»/, Толстой пишет: «Это вполне прекрасно. Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек... то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться»[5].

Ниже впервые публикуются письма А. А. Фета к Толстому от 21 ноября 1877 г. и к С. А. Толстой — от 11 августа 1886 г., 19 августа 1888 г. и 14 сентября 1891 г. Они еще раз напоминают нам о той большой, долголетней дружбе, которая, несмотря на идейные рас-

хождения и различия в мировоззрении, соединяла обоих писателей. Письма Фета сохраняют живые черты его характера, его острые, а подчас и парадоксальные мысли, в них всегда чувствуется глубина и оригинальность суждения.

Нельзя также не сказать и о том уважении, которое Фет питал к С. А. Толстой. Их переписка и публикуемые здесь письма проливают дополнительный свет на взаимоотношения Толстого с поэтом-современником.

Все публикуемые письма хранятся в отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве[6].

А. А. ФЕТ — Л. Н. ТОЛСТОМУ

Моск.-Курск. ж. д.
Полустанок Еропкино.
21 ноября (1877)

Дорогой, потому что единственный, и единственный, потому что дорогой, друг Лев Николаевич!

Если эти строки раздражают Вас как присутствие постороннего, когда ни до кого нет дела, бросьте их прямо в огонь.

Мне кажется, что я Вас знаю лучше, чем себя и лучше других. Что вы не боитесь пушек и медведей, это мы все знаем. Еще вчера, ходя по комнате и думая о Вас, я говорил себе: если бы мне пришлось писать эпитафию этому человеку, я бы написал как древний египтянин: «Я всегда любил одно хорошее, я никогда даже не помышлял ничего злого. Я чист, я чист, я чист».

Знаю, что чем тоньше дух человека, тем обнаженнее он всяким душевным дуновениям. Из всех моих стихов я чуть не ежедневно повторяю один:

«Но сердце вечно, знать, пугаться не отвыкнет»[8].

Но ведь есть на все мера. Надо брать себя в руки. Еще несколько дней терпения — и Бог даст, все обойдется благополучно[9].

В такое время мы с женой и не помышляем заезжать к Вам. Не знаю Вы или я виновны в ошибке. Я говорил со слов графини Софьи Андреевны, которая просила меня привезти жену к 20 декабрю, прибавив «к тому времени, я Бог даст, буду молодцом». А у Вас в письмах декабрь превратился в ноябрь, а мы едем в Москву только к 20 декабря.

Крепитесь — и когда сами успокоитесь окончательно, успокойте и меня хоть строчкой[10].

Ваш *Фет.*

А. А. ФЕТ — С. А. ТОЛСТОЙ[11]

11 августа 1886 г.
Моск.-Курск. ж. д.
Станция Коренная Пустынь.

Дорогая Графиня Софья Андреевна,
Слова Пушкина:

«Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно: чтоб ты мною
Окружена была...»[12]

я мысленно влагаю в уста Льва Николаевича с обращением ко мне. Действительно, продолжая медленно читать ежедневно его сочинения, мы с женой окружены постоянно его заслуженною славой. Невозможно его избежать. Сколько раз, ложась вечером в постель, я, при заметно увеличивающемся упадке сил, сижу, спустя ноги с кровати и под влиянием Ивана Ильича[13] думаю: вот, если кто теперь увидит меня, то подумает, что старик задумался над каким-то важным вопросом, тогда как,

в сущности, я выбираю более подходящий момент собраться с силами и взбросить свои ноги на тюфяк. Страхов[14] весьма подробно описал свое пребывание у Вас и все Ваши полевые затеи, но, к сожалению, окончил известием, что Вы себя не совсем хорошо чувствовали. Надеюсь, что в Ваши годы нездоровье не то, что в мои.

Еще сегодня в Карениной[15] меня поразила верная мысль, что у мущины есть моменты в жизни, к которым вся предшествующая жизнь есть как бы приготовление /Лев Николаевич под медведем/[16]. Я готов расширить эту мысль, сказавши, что наша будничная жизнь есть приготовление к высоким моментам; но там же прекрасно сказано, что кататься в лодке приятно и красиво, но направлять ее на веслах заботливо и трудно. Показывать Вам свои мозоли от весел я не имею никакого права, а хвастать веселой улыбкой, производимой катанием по реке жизни, не могу, так как никакой улыбки нет, и приходится молчать, потому что «одежды не имам, да вниду вонь».

Художественное наслаждение, доставляемое произведениями Л. Н., состоит в том, что читатель видит, как в запутанном вязании жизни он ловко и верно подымает на спицы одну петлю за другою. Не беда, если петля иногда расколона спицей или надета навыворот, но оне все тут рядком, как бисер, и этим кончается художественная задача. Читателю представляется самому довязать чулок по собственной ноге, и вот я, лишенный слабостию зрения возможности работать самобытно, вместо того, чтобы диктовать свои мемуары, думаю надвязывать художественный чулок Льва Николаевича, хотя бы синими нитками. Потрудиться есть над чем; там художественно подняты все петли, из которых слагается человеческая жизнь. Я бы желал слышать совершенно откровенное мнение Ваше насчет подобной мысли.

Дожди совершенно нас залили и едва не лишили окон-

чательно того скудного урожая, о котором и говорить неприлично, зато нас завалили рыбой, раками и чирятами.

Если мне не удастся отыскать для себя интересную умственную работу, для которой глаза не нужны, то положение мое будет в высшей степени плачевно. Нельзя век слушать чтение. Нельзя произвольно сделаться девяностолетним отцом нашего кучера Афанасия, который исправно ест, пьет и спит и ежедневно мимо моих окон с огромнейшей удочкой проходит к реке, но никогда не поймал ни одного пескаря.

По своему обычаю, мы 1-го октября думаем уже быть на Плющихе, где я тотчас же примусь печатать, сегодня оконченные, Превращения Овидия[17], но когда Вы приметесь за 8-ми рублевое издание Л. Н., мне неизвестно.

Примите и передайте Льву Николаевичу и всем милым Вашим наши общие с женой усердные приветствия.

Искренне преданный Вам
А. Шеншин.

Если Татьяна Андреевна[18] еще у Вас, то передайте и ей наши глубокие поклоны и скажите, что в начале ноября я сбираюсь в Питер и к ним[19].

Тургенев как-то сказал мне истину, которую я часто вспоминаю: что в нашей реальной жизни нигде нет ни черного, ни белого, а всегда бело-черное. Это по отношению к миру духовному или отвлеченному готов добавить так: разум каждого человека имеет способность делать несомненно белый и несомненно черный ящик, как в баллотировочном, но воля человека кладет один и тот же шар направо и налево, отчего шар кладущего становится несомненно белым или черным, хотя точно такой же шар положен следом идущим в противоположный ящик с одинаковым убеждением касательно его цвета.

С. А. ТОЛСТАЯ — А. А. ФЕТУ[20]

15-го августа 1886 г.

Передо мной Ваше письмо, многоуважаемый и милый Афанасий Афанасьевич, и в нем столько мыслей, столько всякого умственного блеска, что я не знаю, на что и отвечать; — особенно теперь, усталая, огорченная и полубольная, весь свет *моей* мысли потух.

Проболев сама 8 недель, из которых 4 я лежала, сижу теперь 11-й день у постели Льва Николаевича. Он нас ужасно напугал; началось с жара в 40°, рвоты и боли в ноге. Жар все время не проходит; на ноге язва, нарыв и рожа. Он страшно страдал, исхудал и ослаб. Видя, что дело плохо, я собрала свои последние физические и нравственные силы и поехала в Москву за своим доктором, которого и привезла. В течение одних суток он сделал большую пользу: совсем другие приемы, чем у тульских докторов. Какая точность, ясность и несомненность во всех действиях! Теперь дело пошло, кажется, на поправку, но пролежит еще недели две.

Он с большим удовольствием прочел письмо Ваше и просил даже местами перечесть. Но всем нам не ясна, в чем ваша задуманная мысль: *надвязывать синими нитками начатый Львом Николаевичем чулок.* Во всяком случае если один умный человек дополняет своими мыслями, в каких бы то ни было формах, или поясняет другого, то ничего, кроме хорошего, из этого выйти не может. Лев Николаевич в постели читал эти дни Шиллера в русских, разных переводах. Он говорил, что только Ваши хороши и Жуковского, некоторые, и что если Вы ищете и желаете умственной работы, то вот лучшее, что Вы можете и должны сделать (так как *Вы один* это можете) — перевесть все, что перевели не Вы, и издать исключительно Ваш перевод.

Улыбка жизни и нам изменила; очень грустно и уныло

в Ясной Поляне. Но я уже ищу не там эту улыбку, где искала ее прежде.

Теперь когда все здорово и спокойно, тогда я радуюсь. Радуюсь общению с теми немногими людьми, которых люблю; радуюсь письму Вашему, радуюсь природе и миру в своей душе, когда редко, редко нахожу его. Мозоли те же, кого люблю, мне не скучно смотреть и только жаль, что не могу их полечить.

Я тоже перечитываю сочинения Льва Николаевича, в корректуре для нового издания. Оно уже печатается в 3-х типографиях и в количестве 10000 экземпляров. Предыдущее издание почти все продано: осталось около 400.

Дожди и нас залили; была одна ужасная ночь. Лило безнадежно, мрак, слякоть. А дети мои — Таня[21] и Сережа[22] ожидались в эту ночь от Олсуфьевых[23], из Москвы. Делаем запрос в поезд, едут ли они, нам отвечают, что едут. Послали мы катки и трех мальчиков и два фонаря и двух мужиков их встречать в Козловку. Поезд должен быть в $10^1/_2$ часов, а мы ждем всю ночь — до 5-ти часов и никого. Все посланные пропали. Оказалось, что поезд вернули, что мальчики увязли, лошадь упала под мост, пришлось мужиков кликнуть, насилу спасли лошадь.

В эту же ночь провалился железный мост в Лопасне, и тот поезд, который прошел последний, и был тот самый, в котором ехали Сережа и Таня.

Долго не забуду я эту ночь! Чуть не повторилась Куковская история[24].

Как жаль, что Вы ничего не написали о Марье Петровне[25]. Передайте ей мое сердечное приветствие. Мы опять будем жить в Москве, но я думаю переехать не раньше 1-го ноября, чтобы не слишком огорчать своего старика. Он очень Вам нежно кланяется, велел сказать,

что часто и хорошо о Вас думает, и что Вы ему еще ближе стали.

Если б Вы видели, какой он теперь жалкий!

Простите меня за мое нескладное письмо; я очень устаю, ночи провожу плохие, Лев Николаевич от боли совсем не спит, а у меня душа болит. Дети мои все здоровы, уехали старшие в Пирогово[26], мальчики на переэкзаменовке в Москве. Кузминские очень благодарят за память. У нас гостит старик Ге[27].

Вот и все наши новости.

Прощайте, многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич, не хворайте, мы еще проведем в Москве много хороших минут в беседе и общении мысли.

Преданная вам
гр. *С. Толстая.*

С. А. ТОЛСТАЯ — А. А. ФЕТУ[28]

(20 сентября 1886 г.)

Многоуважаемый и милый Афанасий Афанасьевич!

Сейчас я получила Ваше длинное, чудесное письмо[29], а сегодня только что послала письмо Марье Петровне, умоляя ее и Вас заехать к нам в Ясную Поляну. Неужели Вы не внемлете моей и Льва Николаевича просьбе? Подумайте, он лежит больной уже 7 недель, слаб, худ и грустен. Я ни на шаг не отхожу от него, и Ваш приезд был бы какой для нас праздник! Бог знает будем ли мы в Москве нынешний год и увидимся ли? А мне теперь так грустно думать, что мы не будем видеться и что я буду лишена того сердечного тепла, которым окружает меня всегда Ваша дружба и внимание.

Что за прелестные стихи вы написали! Мы оба с мужем в один голос ахнули от восхищения, когда прочли:

«Дыханьем ночи обожгло»[30].

Да и все прекрасно, поэтично, цельно, красиво.

Как мы будем хорошо беседовать, если Вы приедете в Ясную Поляну, сберегу Вам вальдшнепов, которых у нас так много. Письмо мое очень спешное — это не письмо, а призыв...

Теперь уже ночь, я пишу и беспрестанно вскакиваю мешать кашку, которую варю на спиртовке для своего больного мужа. Но мне хочется, чтобы письмо это Вас застало еще и чтоб Вы решили приехать в нам. Телеграфируйте: Московско-Курская дор. Ст. Козловка-Засека[31] Графине Толстой. Телеграфируйте, чтобы я Вам выслала лошадей, и чтоб от этой телеграммы мне прыгнуть от радости.

Сегодня не могу больше писать, прощайте, до свиданья, наверное, не правда ли? Будьте добры, Афанасий Афанасьевич, не огорчите искренно любящей и уважающей Вас

граф. *С. Толстой.*

Лев Николаевич Вам шлет сердечный поклон и ждет Вас тоже с нетерпением.

С. А. ТОЛСТАЯ — А. А. ФЕТУ[32]

(7 октября 1886 г.)

Многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич!

Вчера получила прекрасное письмо[33] Ваше и хотела тотчас же отвечать, но страшная зубная боль и бесчисленные корректуры довели меня до идиотизма, и я не могла ничего написать Вам. Сегодня сносна боль и потому спешу Вам выразить те чувства, которые возбудило Ваше посещение[34] и потом Ваши прекрасные стихи.

Когда мы проводили Вас и Марью Петровну, мы все

точно осиротели. То, чего я так долго и нетерпеливо ждала — Вашего посещения — осталось позади, и теперь ждать больше нечего. Уехавшие мои девочки тоже увезли за собой оживление и радость. Лев Николаевич стал очень кашлять и по вечерам у него маленький жар. Нога лучше, и он уже один переступает при помощи палки.

Вчера девочки мои уже были дома и отправились с двумя малышами под дождь, все в красных шапках, на самых разнообразных лошадях, верхом. Веселье и оживление были большие. Таня мне рассказывала, как приятно они провели на станции с Вами последние минуты. Как Вы хорошо говорили стихи и как добро и ласково отнеслись к моей молодежи[35].

Стихи Ваши доставили нам огромное эстетическое наслаждение. Мы оба с Львом Николаевичем особенно восхищались *Горной высью*[36]. Эти стихи суть сами по себе та *Горная высь* поэзии, недостижимая нам, простым смертным, тающим перед ней, как облака. Как хорошо! Вот высшего полета поэзия! Где и когда Вы это напечатаете? *Опасение*[37] тоже прелестно и ответ Хомутовой[38] необыкновенно грациозен.

Простите, что так смело болтаю о своих впечатлениях, но я перечитываю стихи, и одна все восхищаюсь и вслух говорю, что чувствую.

Милой, доброй Марье Петровне вся наша семья шлет сердечные приветы. Искреннее, горячее спасибо ей и Вам, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, за ту радость, которую доставили всем нам своим посещением[39]. Лев Николаевич тоже велел очень Вас благодарить и кланяться.

Искренно преданная гр. *С. Толстая.*

Что Ваши заботы об овсе и документах, кончились ли?[40].

А. А. ФЕТ — С. А. ТОЛСТОЙ[41]

Ст. Коренная Пустынь.
19 áвгуста 1888 г.

Дорогая Графиня!

Сердечно благодарим оба за полученную вчера весточку, что грозы Ваши прошли благополучно. Дай Бог, чтобы их совсем не было! На этот раз я уверен, что Вы с таким же восторгом прочтете эти строки, с каким я их пишу, так как речь в них идет не обо мне, а преимущественно о Льве Николаевиче. Дошедши в моих воспоминаниях до своих появлений в Ясной Поляне, Никольском[42] и Спасском[43], я, по милости Марьи Петровны, попал в целое море самых задушевных и разнообразных писем Боткина[44], Тургенева и, в особенности, Льва Николаевича. Боже мой, как это молодо, могуче, самобытно и гениально правдиво! Это точно вырвавшийся с варкá чистокровный годовик, который и косится на Вас своим агатовым глазом, и скачет, молниеносно лягаясь, и становится на дыбы, и вот-вот готов, как птица, перенестись через двухаршинный забор.

По поводу этих бесценных писем я пишу Страхову: «Помните ли Ваши слова о светляках русской мысли, разбросанных по нашим деревням? Вот они, эти светочи, в самом наивном проявлении, без всякого козыряния перед публикой. Самый тупой человек увидит в этих письмах не сдачу экзамена по заграничному тексту, а действительные родники всех самобытных мыслей, какими питается до сих пор наша русская умственная жизнь во всех своих проявлениях».

Кроме того, это — ярославская шерсть того полушубка, которого выдубленная мездра снаружи расшита цветными узорами, и по отношению к задушевной жизни художника это то же, что «Война и мир» по отношению к войне с Наполеоном. Излишне говорить, до какой степени я жажду прочесть все это вам, чтобы услыхать от

Вас, насколько это, согласно данному мне разрешению Львом Николаевичем, допустимо в печати, ежели сам Лев Николаевич соскучится меня прослушать[45]. Я наверное знаю, что Ивану Ильичу[46] истопник держанием ноги не поможет, но и не осуждаю Ивана Ильича, который от этого держания чувствует облегчение.

Если бы Вы обладали только свойством привлекать к себе людей, то бесполезно было бы обращаться к Вам, как к величайшей умнице, с весьма деликатным вопросом. Дело, во-первых, в том, что на Отраде[47], где мы будем у Галаховых[48], теперь скорый поезд в 9 час. утра не останавливается, а другие поезда приходят в Ясенки в час ночи и в шесть часов утра, что для Вас весьма неудобно. Но, помимо внешних затруднений, вопрос сводится к тому, кстати ли мы попадем в Ясную Поляну. Как ни мало созданы мы для обременения любезных хозяев наших требованиями, но соринка еще меньше нас, однако, если она попадет в глаз, да еще наболевший, то приятности доставит мало. Конечно, окончательным судьею можете быть только Вы. Мне лично предстоит еще распутать столько узлов, что о блаженной минуте бегства из Воробьевки[49] не смею еще мечтать, хотя умственно не отодвигаю ее за 15-е сентября[50].

Целую Вашу руку, и вместе с женой приношу Вам всем, начиная с Кузминских[51], наши искренние приветствия. Поверит ли Александр Михайлович, что у меня есть стихи его, с которыми он ко мне обращается.

Ваш *А. Шеншин.*

С. А. ТОЛСТАЯ — А. А. ФЕТУ[52]

(25 мая 1891 г.)

Многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич! На Ваши письма отвечать всегда страшно, потому

что перед таким блестящим красноречием, полным ума, живости и поэзии, нам, простым смертным, надо молчать и любоваться. Но я должна отозваться на те чувства, которые Вы так любезно и снисходительно выражаете, и должна сказать вам, что если, несмотря на усталость, посещение Ваше Ясной Поляны доставило Марье Петровне и Вам, хоть маленькое удовольствие, то нам всем это был такой праздник, что когда наступило неизбежное расставание, то я не могла сразу на него решиться, и доставила Вам неприятность доехать с Вами на скамеечке до Ясенков. Мне же это было только весело и совсем не трудно[53].

После Вашего отъезда, на другой же день стало холодно, очень быстро облетела вся роскошная сирень, соловьи замолкли, и воспоминанья о прочтенных ваших чудесных стихотворениях, о Вашем посещении остались только поэтическими воспоминаниями в тесной связи с исчезнувшей душистой, белой сиренью, с теплыми весенними днями и со всей поэзией весны и вашей лиры.

Мы с сестрой[54] очень жалели, что не попросили позволенья переписать некоторые из прочтенных Вами стихотворений, чтобы вспомнить их и поделиться на досуге с теми, кто полюбил бы их так же, как мы.

Мы обе с сестрой очень тронуты, что Вы нам приписываете поэтические сердца, я думаю, что мы только отзывчивы на поэзию. Сестра, та еще сама трогает людей своим пением и музыкальной способностью, а я могу только жалеть, что всегда все лучшее получала от людей и наслаждалась дарами, посланными им Богом, а сама ничего никому не могла дать!

Мне очень жаль, что у Вас в имении такая грустная хозяйственная картина. Не весело жить в деревне, когда все плачутся кругом, и когда вместо роскошного цветения, везде сушь и смерть. И отовсюду плохие вести об урожае.

Надеюсь, что Марья Петровна и Вы отдохнули теперь, и проведете здорово и приятно все лето. Я не перестану мечтать о том, чтоб побывать в Воробьевке, это составляет мою давнишнюю мечту. Марья Петровна всегда так сердечно участлива и добра, что с ней видаться для меня большое наслажденье.

Обнимаю ее от всей души и благодарю ее и Вас, Афанасий Афанасьевич, за Ваше дружеское посещение.

Всей душой преданная и уважающая Вас

С. Толстая.

Екатерине Владимировне кланяюсь[55].

А. А. ФЕТ — С. А. ТОЛСТОЙ[56]

Ст. Коренная Пустынь.
Моск.-Курск. ж. д.
(14 сентября 1891 г.)

Дорогая графиня!

Только тот естественно и непринужденно входит в комнату, который не думает о том, какое положение придать своим рукам.

Входя в настоящую минуту с сердечными поздравлениями[57] за себя и за жену к Вам в гостиную, я боюсь не за свои руки, а (что гораздо хуже) за свое косноязычие и заикание, которое почему-то так нравилось Тургеневу. Дело в том, что я так боюсь Вашей проницательности и тонкого вкуса, что опасаюсь явиться с рутинным и пошлым поздравлением с одной стороны, или с риторическим семинарским,— с другой.

Страхов так живо обрисовал мне все семейные торжества в Ясной Поляне, что, мне кажется, будто я сам пировал на месте крокета.

И мы вот-вот после 15-го оба по болезненности собираемся проехать в Москву, не заезжая даже к Галахо-

вым. Если мы еще сами ничего определенного не знаем о себе, то еще менее знаем что-либо о Ваших зимних планах.

Я писал Страхову, что никто так ясно не понимает стремлений Льва Николаевича, как я. Это нисколько не хвастовство; ибо я ощущаю себя с ним единым двухглавым орлом, у которого на сердце эмблема борьбы со злом в виде Георгия с драконом, с тою разницей, что головы, смотрящие врозь, противоположно понимают служение этой идее: голова Льва Николаевича держит в своей лапе флягу с елеем, а моя лапа держит жезл Ааронов,— нашу родную палку.

Мы оба просим принять и передать Льву Николаевичу и всем Вам наши поздравления с дорогой именинницей и чтобы не стоять перед Вами с пустыми руками, дерзаю поднести последний осенний цветок.

Целую Вашу руку. Неизменно преданный

А. Шеншин.

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.
И болью сладостно суровой
Так радо сердце вновь заныть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Чтоб жизнь любя, не в силах жить.

А. Фет[58].

Если милые Кузминские здесь, передайте наши поклоны.

Екатерина Владимировна просит передать усердные Вам приветствия.

Опубл.: Яснополянский сборник, Тула, 1970, с. 183—197.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого. М., Госиздат. б. г., т. III, с. 99.

[2] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 61, с. 137—138.

[3] Там же, с. 149.

[4] Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. М., 1962, с. 355.

[5] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 472—473.

[6] За дружеское внимание к публикации настоящих писем приношу сердечную благодарность сотрудникам отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве — З. Н. Ивановой и Б. М. Шумовой.

[7] Письмо печатается по автографу, хранящемуся в отделе рукописей ГМТ, шифр, 1, А — 7, к. п. 115, к. п. 9390.

[8] Из стихотворения: «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» См.: Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959, с. 262.

[9] Речь идет о беспокойстве Толстых, которые ожидали прибавления семейства. В ночь с 5 на 6 декабря 1877 г. родился сын Андрей.

[10] Л. Н. Толстой ответил на это письмо 23—24 ноября 1877 г. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 351.

[11] Письмо печатается по автографу, хранящемуся в отделе рукописей ГМТ, фонд С. А. Толстой, инв. № 37629, папка XXVII.

[12] Из стихотворения А. С. Пушкина «Желание славы».

[13] Имеется в виду повесть «Смерть Ивана Ильича».

[14] Н. Н. Страхов (1828—1896) — литературный критик, близкий знакомый Толстого и Фета.

[15] Роман «Анна Каренина».

[16] Имеется в виду случай на охоте в декабре 1858 г., когда медведица свалила Толстого с ног и стала грызть ему лицо. У Толстого на всю жизнь остался шрам на лбу от укуса медведицы.

[17] «XV Превращений Овидия» в переводе и с объяснениями А. Фета вышли в свет в 1887 г. На экземпляре, присланном Толстому, надпись рукою А. Фета: «Графу Льву Николаевичу Толстому на память от первоначального его ценителя и почитателя, старика переводчика».

[18] Т. А. Кузминская, рожденная Берс (1846—1925), свояченица Л. Н. Толстого. См.: «Т. А. Кузминская об А. А. Фете» (Публикация Н. П. Пузина).— Русск. литература, 1968, № 2, с. 170—176.

[19] Фет был в Петербурге в ноябре и декабре 1886 г., где навестил в психиатрической лечебнице своего племянника Петра Ивановича Борисова (1858—1888). 29 декабря Фет был избран членом-корреспондентом Академии наук по отделению русского языка и литературы.

[20] Письмо печатается по машинописной копии, хранящейся в отделе рукописей ГМТ, фонд С. А. Толстой, папка ХСШ, к. п. 19790. Подлинник письма хранится в отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[21] Т. Л. Толстая (1864—1950) — старшая дочь.

[22] С. Л. Толстой (1863—1947) — старший сын.

[23] Олсуфьевы (графы) — знакомые Толстых. В их имении Никольское-Обольяново, Московской губернии, часто бывали Л. Н. Толстой и члены его семьи.

[24] Вблизи деревни Кукуевка, на перегоне Чернь — Бастыево Московско-Курской ж. д. 29 июня 1882 г. произошло крушение пассажирского поезда.

[25] Мария Петровна, рожденная Боткина (1828—1894), с 1857 г. жена А. А. Фета.

[26] Пирогово — имение в Тульской губернии брата Льва Николаевича — С. Н. Толстого (1826—1904).

[27] Н. Н. Ге (1831—1894) — художник.

[28] Письмо печатается по машинописной копии, хранящейся в отделе рукописей ГМТ, фонд С. А. Толстой, папка ХСШ, к. п. 19790. Подлинник письма хранится в отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[29] Ответ на письмо Фета от 18 сентября 1886 г. (ГМТ, инв.

№ 37630, АСТ XXVII). Фет писал: «Лев Николаевич до того всесторонне окружил частоколом наш умственный русский сад, что куда бы мы ни пошли, приходится лезть через его забор, что и делаю в настоящем случае».

[30] Из стихотворения «Осенняя роза». См.: Фет А. А. Полн. собр. стихотворений, с. 151—152. Фет в письме к С. А. Толстой от 18 сентября писал: «Вчерашний мороз побил наши георгины, и сегодня я написал:

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.
Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Одна лишь ты, царица роза,
Благоуханна и пышна.
Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

По свидетельству С. Л. Толстого, «в стихотворении «Осенняя роза» Лев Николаевич обращал внимание на стих:

Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Толстой С. Л. Отзывы Л. Н. Толстого о различных писателях. Рукопись. Собрание Н. П. Пузина.

[31] Козлова Засека. Ныне станция Ясная Поляна Московско-Курской ж. д.

[32] Письмо печатается по машинописной копии, хранящейся в отделе рукописей ГМТ. Фонд С. А. Толстой, папка ХСШ, к. п. 19790. Подлинник письма хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[33] Ответ на письмо Фета от 4 октября 1886 г. (ГМТ, инв. № 37632, АСТ XXVII).

[34] Фет с женой посетили Ясную Поляну в первых числах

октября 1886 г., проезжая из Воробьевки в Москву на зиму.

«Был у нас на днях Фет и был в кротком и умиленном состоянии. С папа они не спорили и так хорошо, интересно говорили и — что всегда в разговоре необходимо — с уважением и вниманием относились к словам друг друга». Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., «Современник», 1979, с. 124.

[35] Речь идет об отъезде Фета из Ясной Поляны 3 октября 1886 г.

«Помню, когда барышни провожали Фета в Ясенках и поезд еще не приходил, заговорили о стихах и Фет начал с чувством декламировать стихотворение Пушкина, начинающееся словами:

«В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать...»

И вдруг расчувствовавшийся Афанасий Афанасьевич — расплакался». (Толстая С. А. Моя жизнь. Машинопись, с. 282—283).

[36] Стихотворение «Горная высь». См.: Фет А. А. Полн. собр. стихотворений, с. 311.

[37] Стихотворение «Опасение» («Ты вся в огнях. Твоих зарниц...») См. там же, с. 314.

[38] Стихотворение «Е. С. Хомутовой (При получении цветущих тубероз)». См. там же, с. 537—538. Фет в письме к С. А. Толстой от 4 октября 1886 г. писал: «Не безумие ли писать простые записки стихами, как я это сделал по отношению с m-elle Хомутовой, которая заметив, что в нашей теплице нет тубероз, прислала мне за 30 верст в телеге три в полном цвету, из которых, не взирая на тщательную упаковку садовника-немца, только одна прибыла с благовонными цветами и продолжала недели две цвести у нас на окне. И вот я отвечал ей:

«Получивши туберозы,
Допущу ли, чтоб поэт
Языком ответил прозы
На душистый Ваш привет.
И к жилищу доброй феи
Мчатся робкие мечты:

Из ее оранжереи
Мне ли чудные цветы?
Даже слабыми стихами
И воспеть их не могу.
Лучше буду перед Вами
В неоплатном я долгу».

(Последние четыре строки публикуются впервые).

[39] Фет в письме от 4 октября благодарит всех яснополянцев за радушие, которое царило там во время их двухдневного пребывания.

Кончает Фет письмо пожеланием здоровья Л. Н. Толстому, «который лучше всякого знает, как высоко он стоит в моих глазах, не взирая на разногласия наши на окраинах дорогой нам правды».

[40] Фет в письме от 4 октября писал: «А сегодня я уже вернулся (теперь 12 ч. дня) с товарной станции железной дороги, которая растеряла и мой овес, и мои документы; из-за этого вздора я сделал более 20 верст и на этот раз безуспешно».

[41] Письмо печатается по автографу, хранящемуся в отделе рукописей ГМТ, фонд С. А. Толстой, инв. № 37648.

[42] Никольское-Вяземское — родовое имение Толстых в Чернском уезде Тульской губернии, принадлежавшее Н. Н. Толстому, в гостях у которого в 1858—1859 гг. бывал Фет.

[43] Спасское-Лутовиново — имение И. С. Тургенева в Мценском уезде Орловской губернии, где многократно бывал Фет.

[44] Василий Петрович Боткин (1810—1869) — литератор, автор статей по русской и западноевропейской литературе. Старший брат М. П. Фет-Шеншиной.

[45] В конце сентября 1888 г. Фет гостил в Ясной Поляне, где читал Л. Н. Толстому и его близким главы из своих воспоминаний. В яснополянской библиотеке сохранился экземпляр книги А. Фета — «Мои воспоминания». М., 1890 (две части в одном переплете). На обложке надпись: «Графу Льву Николаевичу Толстому «Твоя от Твоих» — автор». В книге множество помет, но большинство не принадлежащие Толстому.

[46] Имеется в виду герой повести «Смерть Ивана Ильича».

[47] Отрада — станция Московско-Курской ж. д. В 10 верстах от станции находилось родовое имение Шеншиных Клейменово Орловской губернии.

[48] Ольга Васильевна Галахова, рожденная Шеншина (1858—1942) — племянница Фета и ее муж Николай Павлович Галахов (1856—1928) — владельцы села Клейменово, здесь под зданием церкви в склепе погребены А. А. Фет (1892) и его жена М. П. Шеншина (1894).

[49] Воробьевка — имение Фета в Курской губернии.

[50] В августе 1888 г. у Фета произошла ссора со становым приставом и он хотел продавать Воробьевку.

[51] Кузминские: Александр Михайлович (1843—1917), судебный деятель и его жена Татьяна Андреевна, сестра С. А. Толстой.

[52] Письмо печатается по машинописной копии, хранящейся в отделе рукописей ГМТ, фонд С. А. Толстой, папка ХСШ, к. п. 19790. Подлинник письма хранится в отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

[53] Фет с женой, возвращаясь из Москвы в Воробьевку, гостили в Ясной Поляне 20—21 мая 1891 г. Л. Н. Толстой писал М. Л. Толстой: «Мама ездила в коляске провожать Фетов, а я дожидался ее» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 64, с. 301).

[54] Т. А. Кузминская.

[55] Екатерина Владимировна Федорова — секретарь А. А. Фета в последние годы его жизни.

[56] Письмо печатается по автографу, хранящемуся в отделе рукописей ГМТ, фонд С. А. Толстой, инв. № 37678.

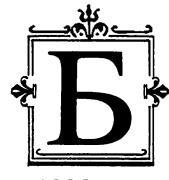
[57] Речь идет об именинах С. А. Толстой (17 сентября с. ст.).

[58] Стихотворение «Опять осенний блеск денницы». См.: Фет. А. А. Полн. собр. стихотворений, с. 153. С. А. Толстая в письме от 17 сентября 1891 г. писала: «Но вчера я была действительно heureuse, когда получила Ваш чудесный «Осенний цветок» к дню моих именин. Какую надо иметь настоящую поэтическую силу, чтоб сказать:

«Дрожит обманчивым огнем».

Мы оба с Львом Николаевичем ахнули от удовольствия, когда прочли этот стих, да и все стихотворение... Он впился в Ваше стихотворение, и всегда вопьется во все то, что красота, искусство и поэзия». (ГМТ, фонд С. А. Толстой, папка ХСШ, к. п. 19790).

ПИСЬМО К Л. Н. ТОЛСТОМУ ОБ И. С. ТУРГЕНЕВЕ

Более шестидесяти лет тому назад в журнале «Исторический вестник» (1911, март, т. 123)[1] были напечатаны интересные воспоминания Александры Григорьевны Олсуфьевой, рожденной Есиповой, о ее посещении больного И. С. Тургенева в 1882 и 1883 гг.

Знакомая семьи Толстых А. Г. Олсуфьева в ноябре 1882 г. навестила в Буживале Тургенева и передала ему по просьбе Толстого только что вышедшую и тотчас же запрещенную «Исповедь», которую Тургенев «прочел с великим интересом».

Несколько раньше, узнав о тяжелой и мучительной болезни Тургенева, Толстой писал ему в мае того же года: «В первую минуту, когда я поверил... что вы опасно больны, мне даже пришло в голову ехать в Париж, чтоб повидаться с вами. Напишите или велите написать мне определительно и подробно о вашей болезни. Я буду очень благодарен. Хочется знать верно.

Обнимаю Вас, старый милый и очень дорогой мне человек и друг»[2].

Весной 1883 года А. Г. Олсуфьева снова перед своим отъездом из Москвы в Париж получила от Л. Н. Толстого какое-то поручение к бывшему в то время в Париже Л. Д. Урусову[3], адрес которого он не знал. Толстой

просил Олсуфьеву узнать адрес у Тургенева и сообщить ему о состоянии здоровья своего старого друга. Вот что написала А. Г. Олсуфьева Толстому об этом из Парижа 10 апреля 1883 года:

«Я Вам, граф, до сих пор не писала потому, что все не могла исполнить Вашего порученья к князю Урусову. Две причины мешали: первая — болезнь мужа и болезнь ребенка, а вторая, вытекающая из первой, т. е. моя невозможность добраться до Тургенева, чтобы узнать адрес Урусова. Сегодня я наконец нашла возможность и время, отправилась в rue de Dovai и спешу Вам рассказать, что я там нашла. Как всегда меня не хотели пускать, consierge объяснила, что: «M. Tourquenieff est alité, ce matin le prince Orloff[4] est venu et on nel'a pas requ»[5]. Несмотря на такое происшествие, я все же послала свою карточку и 5 минут спустя входила в маленькую комнатку, где лежал Ив/ан/ Серг/еевич/, но до того переменившийся, до того изнуренный, больной, с потухшими глазами, бледный, что я так и осталась в дверях. Я совсем не ожидала застать его в таком виде. Еле слышным хриплым голосом поздоровался он со мной и позвал к себе. Я сейчас же объяснила ему, что не хочу его беспокоить, не хочу утомлять его, но он непременно пожелал объяснить мне в чем дело. Оказывается, что у него прорвался какой-то нарыв в груди, а доктора D-r Brouardel[6] et D-r Hirtz[7] остановили истечение гноя, ему от этого хуже сделалось, он страдает невыносимо, теперь доктора опять желают возобновления истечения, и если через дня два оно не появится, то, вероятно, он умрет. Все это было сказано прерывисто, задыхаясь от боли, с глазами, которые ежеминутно закрывались от страданья. Мне до того тяжело и больно стало видеть его в таком положении... он на меня сделал такое впечатление умирающего, что прощаясь я нагнулась и поцеловала его бледные, исхудалые руки.— Он улыбнулся своей доброй

улыбкой.— Я хотел Вас видеть, потому что я, может быть, умру.

В соседней комнате сидела сиделка. Она мне рассказала, что он мучится ужасно, кричит даже от муки. Знаете ли вы это? Во всяком случае пишу Вам это все скорее, Вы его любили, я знаю.— Завтра опять пойду к нему и напишу Вам еще подробней о болезни...

Кланяюсь всем от души. Я, конечно, адреса Урусова не могла достать, сегодня напишу священнику, может быть, он знает.

Простите, граф, что так дурно пишу, очень тороплюсь.

До свиданья, когда-нибудь. А. Олсуфьева»[8].

Через четыре месяца, 22 августа (3 сентября) 1883 г., И. С. Тургенев скончался.

«Смерть Тургенева я ожидал,— пишет Л. Н. Толстой Н. Н. Страхову,— а все-таки очень часто думаю о нем теперь»[9], а в письме к жене говорит: «О Тургеневе все думаю и ужасно люблю его, жалею и все читаю. Я все с ним живу...[10] Непременно или буду читать, или напишу и дам прочесть о нем...»

Опубл.: Русск. лит., 1961, № 4, с. 148, 149.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Воспоминания об И. С. Тургеневе в «Историческом вестнике» были опубликованы сыном А. Г. Олсуфьевой — М. В. Олсуфьевым.

[2] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 63, с. 96.

[3] Леонид Дмитриевич Урусов (ум. 1885 г.) — тульский вице-губернатор (1876—1885). Друг семьи Толстых. И. С. Тургенев встречался с Урусовым у Толстого в Ясной Поляне и в 1880 г. в Спасском-Лутовинове.

[4] Николай Алексеевич Орлов (1828—1885) — русский посол во Франции (1871—1884).

[5] «Господин Тургенев в постели. Сегодня утром приезжал князь Орлов, и его не приняли».

[6] Бруардель Поль Камилл Ипполит (Paul Brouardel) (1837—1891), врач, профессор Парижской медицинской академии.

[7] Гиртц Эдгар (Hirtz) — известный парижский врач. Его рекомендовал Тургенев М. Г. Савиной во время ее пребывания в 1882 г. в Париже.

[8] А. Г. Олсуфьева — Л. Н. Толстому. Письмо впервые было опубликовано нами в журнале «Русская литература» (1961, № 4). Публикуется по оригиналу, хранящемуся в ГМТ, инв. № 16462 Б.

[9] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 63, с. 138.

[10] Там же, т. 83, с. 397.

И. С. ТУРГЕНЕВ И М. Н. ТОЛСТАЯ

Среди многих женщин, вписавших свои имена в биографию Тургенева, Марии Николаевне Толстой — сестре Л. Н. Толстого — принадлежит особое место.

Еще до личного знакомства с Л. Н. Толстым автор «Записок охотника» проявил заочно большой интерес к автору «Истории моего детства». Из письма Некрасова от 21 октября 1852 г. Тургенев узнал, что под инициалами «Л. Н.» скрывается какой-то граф Толстой. Тургеневу, конечно, было известно, что в 20—25 верстах от его Спасского-Лутовинова находится сельцо Покровское, принадлежащее Толстым.

Тетка Толстого Т. А. Ергольская в декабре 1852 г. писала ему: «Твое выступление на литературном поприще вызвало много шума и произвело большое впечатление среди соседей Валериана[1]. Все любопытствовали узнать, кто новый автор, выступивший в свет с таким успехом. Всех заинтересованнее в этом деле Тургенев, автор «Записок охотника»; он у всех расспрашивает, нет ли у Маши брата на Кавказе, который мог бы быть писателем. (Ежели этот молодой человек будет продолжать так, как он начал, говорит он, он далеко пойдет.)»[2]

17 (29) октября 1854 г. Тургенев посылает в Покровское письмо, в котором пишет, что «давно имел желание<...> познакомиться»[3]. 20 октября В. П. Толстой наве-

щает Тургенева в Спасском, а 24 октября Тургенев с ответным визитом приезжает к Толстым в Покровское. Вот как описывает это знакомство Николай Николаевич Толстой в письме к Л. Н. Толстому: «Валерьян познакомился с Тургеневым; первый шаг был сделан Тургеневым,— он им привез номер «Современника», где помещена повесть «Отрочество», от которой он был в восторге. Маша в восхищении от Тургенева; ты понимаешь, как мне хочется его увидеть; как только я с ним познакомлюсь, я сообщу тебе, какое впечатление он на меня произвел. Маша говорит,что это простой человек, он играет с ней в бирюльки, раскладывает с ней гранпасьянс, большой друг с Варенькой[4], но Маша плохо знает свет, и она может очень ошибаться насчет такого умного человека, как Тургенев»[5].

В свою очередь и на Тургенева знакомство с М. Н. Толстой произвело большое впечатление. «Жена графа Толстого — моего соседа — сестра автора «Отрочество» — премилая женщина — умна, добра и очень привлекательна,— писал Тургенев Некрасову 29 октября 1854 г.— Я узнал много подробностей о ее брате <...> Завтра я с графиней Толстой крещу у тургеневского попа, покумлюсь с ней. Жаль, что отсюда до них около 25 верст. Она мне очень нравится»[6]. В письме к П. В. Анненкову от 1 ноября того же года из Спасского Тургенев более подробно и откровенно пишет о М. Н. Толстой: она — «одно из привлекательнейших существ, какие мне только удавалось встретить. Мила, умна, проста — глаз бы не отвел. На старости лет (мне четвертого дня стукнуло 36 лет) — я едва ли не влюбился. Я вижу отсюда, как у Вас круглятся глаза — и губы, раскрывшись, испускают звук: кгха, кгха — что по Вашему значит смеяться... но не могу скрыть, что поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния... Останавливаюсь, чтобы не завраться — и прошу

Вас хранить все это в тайне. Они будут жить в Москве нынешней зимой...»

В постскриптуме этого письма Тургенев снова говорит о Марии Николаевне: «В «Отрочестве» Толстой описал свою сестру под именем Любочки. Только у ней теперь ноги не «гусем» и талия прекрасная»[7].

Нет сомнения, что Тургенев до своего отъезда из Спасского (в конце ноября 1854 г.) часто бывал в Покровском у Толстых, сожалея, что он «раньше не сблизился с ними». В неопубликованных записках дочери М. Н. и В. П. Толстых, Е. В. Оболенской, говорится: «Моя мать не была хороша собой, но она была умная, оживленная; непосредственная, необыкновенно правдивая, у нее были прекрасные глаза — лучистые глаза княжны Марьи; она была и прекрасная музыкантша. Ею очень восхищался И. С. Тургенев. Он часто бывал у нас в Покровском, там он любил слушать музыку. Однажды он ей вслух читал «Евгения Онегина»; он поцеловал у ней руку, она отдернула руку и сказала: «Прошу» <пропуск в тексте> — сцена эта впоследствии описана в его «Фаусте»[8].

Вспоминая свою жизнь в Покровском, Мария Николаевна рассказывала А. Хирьякову, «как она аккомпанировала Тургеневу, когда он пел известный романс Глинки на слова Пушкина — «Я помню чудное мгновенье».— «Я аккомпанирую,— вспоминала Мария Николаевна,— а Иван Сергеевич меня пальцем в плечо толкает, чтобы энергичнее выходило: «Шли годы, бурь порыв мятежный». А я говорю: «Да откуда тут энергии взять, когда вы бог знает что поете, ни одной ноты верной».

«— Ах, Мария Николаевна, со вздохом отвечает Иван Сергеевич, да что же мне делать? Ведь я и сам знаю, что у меня не голос, а просто свинья»[9].

После отъезда Тургенева из Спасского в Петербург он пишет М. Н. и В. П. Толстым: «Все это время я часто думал о всех вас — и о днях, проведенных вместе с вами;

хотя мы недавно познакомились,— но, кажется, сошлись очень близко — и надеюсь, в течение лета подружимся окончательно. Сегодня же закажу свою фотографию — и, как только она будет готова, пошлю ее к вам — благодарю вас за мысль пожелать ее от меня. Получила ли Варенька книжку из Москвы с рисунками? Пожалуйста, поцелуйте ее от меня и скажите ей, что летом я непременно хочу танцевать с ней польку»[10].

Зиму 1854—1855 гг. Толстые проводили в Москве, где они неоднократно встречались с приезжавшим из Петербурга Тургеневым. В. П. Боткин, бывавший у М. Н. Толстой в Москве, в одном из своих писем к Тургеневу дает в высшей степени лестный отзыв о ней: «Я был у ней на другой день своего приезда. Она встретила меня так радушно, что я был тронут <...> Я просидел с ней, сам того не замечая, более двух часов; говорил о разных предметах — и несколько о тебе. Прощаясь со мною, она подала мне руку с таким внутренним, болезненным движением,— словно птичка, которая ищет где-нибудь укрыться от застигнувшей ее бури. У меня готовы были навернуться на глазах слезы. Чистая, редкая женщина; все в ней проникнуто благородством и искренностью сердца»[11].

С наступлением теплых дней Тургенева «весна зовет в деревню», и он «уверен, что в родных местах» будет много и часто видеться со своей «милой кумой». В письме от 2 (14) марта 1855 г. Тургенев писал М. Н. Толстой: «На весну, лето и осень у меня очень много литературных планов — и я заранее радуюсь о возможности толковать о них с Вами — и подвергать их Вашему суду»[12]. Вероятно, зная о тяжелом душевном состоянии своей корреспондентки вследствие начавшегося разлада с мужем, Тургенев в этом же письме просит не предаваться ее «наклонности к хандре и мрачным мыслям»[13].

О Марии Николаевне и ее состоянии писал и Боткин

Тургеневу, отвечая на его запрос в письме от 4 (16) марта 1855 г. «Напиши мне слова два о здоровье графини»[14]. «Да она больна,— сообщал Боткин,— и мне становится как-то жутко, когда мне случается взглянуть в ее большие влажные, с каким-то глубоким выражением глаза... А смотря на графиню, невольно говоришь про себя: вот женщина, пораженная судьбой... Необычайное простодушие и безыскусственность этой женщины производят во мне какое-то чувство благоговения к ней. Мне кажется, что она при этом одарена величайшею впечатлительностью нерв... Я в первый раз в жизни встречаю женщину такого чистейшего закала...»[15].

Все лето и осень 1855 г., предаваясь «всем удовольствиям сельской тишины», Тургенев провел в Спасском, где был написан его первый роман «Рудин». Меняется характер его отношений с Марией Николаевной; их взаимное увлечение переходит в дружбу, которая, по ее словам, «еще более скрепилась». И в то же время 1 (13) июля 1855 г. Тургенев пишет Анненкову: «С графиней — все дела покончены и сданы в архив»[16]. Это заявление Тургенева может быть связано с тем, что в 1854 г. он испытал сильное чувство к О. А. Тургеневой и даже намеревался жениться на ней. Это увлечение, по словам Анненкова, длилось недолго и кончилось «мирным разрывом и поэтическим воспоминанием о прожитом времени», но летом 1855 г., в Спасском, Тургенев «опять много начал думать об О. А.»[17] и это, видимо, повлияло на его отношения к М. Н. Толстой.

В середине мая 1855 г. в Спасском гостили Д. В. Григорович, В. П. Боткин и А. В. Дружинин. Они пробыли у радушного хозяина три недели: «Мы проводили время очень приятно и шумно,— писал Тургенев,— разыграли на домашнем театре фарс нашего сочинения и пародированную сцену из озеровского «Эдипа»...[18] Толстые и их ближайшие соседи по имению, семья барона А. А. Дель-

вига, приняли живое участие во всех развлечениях. По свидетельству Д. В. Григоровича, «М. Н. Толстая<...> прислала нам целый ларец браслетов, колец и диадему, долженствовавшие украшать костюм Антигоны»[19].

«Мы, как семейные люди,— рассказывала впоследствии в беседе с М. А. Стаховичем М. Н. Толстая,— реже ездили к нему (Тургеневу.— *Н. П.*), нежели он, одинокий, к нам, и, помнится, не проходило у нас дня без встречи. Мой муж был такой же страстный охотник, как Иван Сергеевич. С охоты они обыкновенно возвращались к нам и вечер проводили за чтением или беседой. Тургенев читал очень хорошо: просто, вдумчиво, как бы толкуя,— но охотнее читал чужое, любимое им, нежели свое. Свое он читал только что написанное, даже не отделанное еще <...> Я помню, как он читал нам «Рудина», который и мне, и мужу очень понравился. Мы были поражены небывалой тогда живостью рассказа и содержательностью рассуждений. Автор беспокоился, вышел ли Рудин действительно умным среди остальных, которые больше умничают. При этом он считал не только естественной, но неизбежной растерянность этого «человека слова» перед сильнейшей духом Наташею, готовой и способной на жизненный подвиг. Такие вечера в деревенской тиши были очаровательны, и я дорожила ими чрезвычайно»[20].

Суждения Марии Николаевны о произведениях Тургенева были для него всегда ценны. К сожалению, до нас не дошло ее письмо с отзывом о «Рудине»: но из ответного письма Тургенева к ней мы узнаем о его содержании: «А я Вас очень благодарю за все, что Вы мне пишите о характере Наталии. Все Ваши замечания верны — и я их приму к сведению и переделаю всю последнюю сцену с матерью. Если б и она, и Рудин, как это слишком часто случается в жизни, преувеличивали (положим, бессознательно) свои чувства — то я был бы прав; но Наталья во всяком случае была искренна. Еще раз спа-

сибо Вам за Ваше письмо. В делах сердца женщины — непогрешительные судьи и нашему брату следует их слушаться»[21].

Незадолго до своего отъезда из Спасского в Москву, а затем в Петербург Тургенев из Покровского пишет Л. Н. Толстому свое первое письмо: «...уезжая из дома Вашей сестры в Петербург — хочу привести в исполнение это давнишнее намерение <написать Толстому письмо> <...> Я часто видаюсь в теченье лета с Вашими родными — и полюбил их от души <...> Право, досадно вспомнить, что, будучи такими близкими соседями, мы так поздно сошлись»[22].

В ноябре 1855 г. Толстой приезжает в Петербург и останавливается у Тургенева. «Мы с ним сейчас же изо всех сил расцеловались. Он очень хороший»,— сообщал Толстой своей сестре 20 ноября[23].

Весной и летом 1856 г. Тургенев снова часто видится с М. Н. Толстой: он бывает в Покровском, а она, одна или с мужем,— у него в Спасском-Лутовинове.

На другой день после приезда он приглашает к себе в деревню Толстых.

30 мая в Покровское из Ясной Поляны к сестре приезжает Толстой, а на другой день — 31 мая — «В 5-м часу утра,— записывает в Дневнике Толстой,— поехал верхом к Тургеневу <...> Поехали домой, приятно болтали...»[24]

Толстой и Тургенев провели в Покровском два дня, 1 и 2 июня. Об этом Толстой записал в Дневнике: «Встал в десять, шлялся то с детьми, то с Валер[яном], то с Тургеневым, с к[оторым] купался, то с Машей. Потом катался на плоту, музицировали немного. Отношения М[аши] с Т[ургеневым] мне приятны. С ним мы хороши, но не знаю от того ли, что он или я другой <...> Обедали, опять гуляли, дети меня полюбили...»[25] Дневниковая запись от 2 июня также касается Тургенева: «Встал в 11-м часу, пошел к Маше и детям.— Очень хорошо бол-

тали с Тургеневым, играли Дон Жуана. После завтрака пошли кататься по реке, потом обедали и разъехались»[26].

В неопубликованном письме В. П. Толстого к Н. Н. Толстому от 31 мая 1856 г. из Покровского говорится: «...милый друг Николенька, я как каналья виноват перед тобой, что так давно не писал тебе <...> Весенние работы, проклятые постройки, скверная погода,— неожиданный приезд Тургенева и Шаховского[27], все это сбило меня с толку. Я откладывал день за день, и так прошел месяц <...> Левочка на этих днях приехал из Петербурга и тотчас прикатил к нам — пробыв у нас три дня.— Тургенев тоже явился на это время. Они с ним в отличных отношениях — и еще не разочаровались друг в друге <...> Он едет за границу, получил уже паспорт и в начале июля покидает наши места.— Для нас, признаюсь, это ужасная потеря»[28].

В конце июня — начале июля 1856 г. Тургенев в Спасском работает над повестью «Фауст». Нет сомнения, что эта повесть написана под впечатлением поездок в Покровское и прошедшего увлечения Тургенева М. Н. Толстой, которая послужила прототипом Веры Николаевны Ельцовой. По свидетельству близкого друга семьи Толстых, М. А. Стаховича, «Фауст» был написан «для нее и про нее». Стахович говорил: «Я раньше слышал о дружбе ее (М. Н. Толстой. — *Н. П.)* с покойным писателем, зародившейся из-за соседства, развившейся, благодаря своеобразной прелести этой выдающейся женщины, связанной с необыкновенной строгостью ее самостоятельного ума при сердце, способном привязаться глубоко и самоотверженно»[29].

Это же чувство Тургенева к М. Н. Толстой отмечала Е. И. Сытина, которая писала в своих воспоминаниях:

«В Марью Николаевну был влюблен Тургенев, о чем она мне рассказала очень подробно <...> Мария Николаевна однажды мне говорит:

«— Знаешь, Катя, я сегодня бросила мой платок вот так, а сама, облокотясь, сидела и видела, как он мой платок взял и поднес к губам»[30].

В 1903 году Мария Николаевна рассказывала в Ясной Поляне М. А. Стаховичу о возникновении замысла «Фауста» [31].

«Чаще всего мы с ним спорили о стихах. Я с детства не любила и не читала стихов; мне казалось, и я говорила ему, что они все — выдуманные сочинения, еще хуже романов, которых я почти не читала и не любила. Тургенев волновался и спорил со мною «даже до сердцев». Особенно из-за Фета, которым он тогда восхищался и часто цитировал, добавляя: «Под таким стихом ведь Пушкин подписался бы. Понимаете ли, Пушкин! Сам Пушкин!!»... Раз наш долгий спор так настойчиво разгорячился, что перешел даже как-то в упреки, в личности. Тургенев сердился, декламировал, доказывал, повторял отдельные стихи, кричал, умолял. Я возражала, ни в чем не сдаваясь и подсмеиваясь. Вдруг я вижу, что Тургенев вскакивает, берет шляпу и, не прощаясь, уходит прямо с балкона не в дом, а в сад. Я очень испугалась, потому что к балкону не была приделана лестница, ступенек в 6—8. Но огромный рост помог ему соскочить благополучно. Приказав запрягать коляску и догонять себя, он сердитой походкой зашагал по полю. Мне стало жаль, а потом досадно <...> Мы с недоумением прождали его несколько дней. Тургенев не приезжал <...> Вдруг неожиданно приезжает Тургенев, очень взволнованный, оживленный, но без тени недовольства.

— Да почему вы так долго не показывались?

— А видите ли,— это была хитрость. Никогда так не пишется, как «в сердцах», никогда так прилежно не работаешь, как озлобившись. Я почувствовал тогда это настроение и поскорее ушел... Мне надо было написать одну вещицу. Вот я и написал. Если хотите, я вам вечером

прочитаю. В тот же вечер он прочел нам эту повесть. Она называлась «Фауст»[32].

Сыновья Л. Н. Толстого, С. Л. и И. Л. Толстые, в своих воспоминаниях указывают на сходство, внешнее и внутреннее, М. Н. Толстой и героини «Фауста» Веры Николаевны. И. Л. Толстой писал: «Это была рыцарская дань, которую он (Тургенев.— *Н. П.*) принес ее чистоте и непосредственности»[33].

Из неопубликованных писем В. П. Толстого к Н. Н. Толстому мы узнаем, что в последние дни пребывания Тургенева в Спасском перед его предстоящим отъездом за границу он встречался с М. Н. и В. П. Толстыми. «Живем мы по-прежнему,— пишет 4 июля 1856 г. В. П. Толстой,— бываем у Шаховских, а чаще всего у Тургенева, который, к сожалению, через 4-е дня уезжает за границу. Завтра едем к нему — провесть с ним последние дни»[34].

В письме от 14 августа 1856 г. читаем: «...Тургенев уехал за границу и продал все свои сочинения, кроме «Записок охотника», Анненкову,— который их печатает,— в конце года они выйдут в 3-х томах. Взял за это большие деньги»[35].

Живя за границей, Тургенев вспоминает родные «мирные края». «По временам,— пишет он 11 /23/ сентября 1856 г. М. Н. Толстой,— среди французской природы и французского общества, которое меня окружает, приходит мне на память Ваш маленький флигель на берегу Снежеди...»[36] В другом письме, от 25 декабря 1856 г., Тургенев пишет: «Поправляйтесь, пожалуйста, для того, чтобы приятнее провести лето; я непременно в конце мая вернусь в Спасское — выпишем Ваших двух братьев, Льва и Николая — и посмотрите, как мы заживем. Очень меня радует то, что Вам понравился «Фауст», и то, что Вы говорите о двойном человеке во мне — весьма справедливо <...> «Фауст» был написан на переломе, на поворо-

те жизни — вся душа вспыхнула последним огнем воспоминаний, надежд, молодости... Это не повторится <...> Повторяю, постараемся съехаться нынешним летом — и заживем веселыми и добрыми старичками»[37].

В июле 1857 г. у М. Н. Толстой произошло событие, имевшее большое значение для всей ее последующей жизни. Она окончательно решила порвать свои отношения с мужем, так как их дальнейшая совместная жизнь стала невыносимой вследствие различия характеров, взглядов и его дурного поведения. Причины размолвки были настолько серьезны, что они разъехались. Двадцатисемилетняя женщина с тремя детьми осталась одинокой и очень много пережила и перестрадала, пока не привыкла к своему новому положению. Она оставила мужа в Покровском, а сама с детьми переехала к брату, С. Н. Толстому, в его имение Пирогово на реке Упе. В этом имении по раздельному акту 1847 г. ей принадлежала часть, так называемое «Малое Пирогово», где она поселилась, выстроив свой дом, а зиму стала проводить в Москве.

Тургенев вскоре после разрыва М. Н. Толстой с мужем, в августе 1857 г., писал ей: «Вы не даром полагаетесь на мою дружбу: действительно — я останусь Вашим другом, пока буду жив»[38]. 14 /26/ августа он пишет Л. Н. Толстому: «Вы знаете мое мнение о теперешнем положении Марии Николаевны — я уверен, что она отдохнет и успокоится. Скажите ей, что я часто думаю о ней и что, если бы желания могли осуществляться, она была бы совершенно счастлива»[39].

Встретившись с сестрой вскоре по возвращении из-за границы и зная об ее увлечении Тургеневым, Толстой делает в Дневнике запись от 11 августа 1857 г.: «Маша рассказала про Тург[енева]. Я боюсь их обоих»[40].

Мария Николаевна с нетерпением ждала приезда Тургенева, но он задерживался за границей и приехал лишь

в начале июня 1858 г. Видя огорчение сестры, Толстой записывает в Дневнике 8 мая 1858 г.: «Машеньку известие об отсутствии Тургенева ударило. Вот те и штучки. Поделом ему скверно»[41].

Несколько позднее, 22—25 июня, Тургенев навестил М. Н. Толстую в Пирогове, где виделся и с ее братьями — Н. Н. и С. Н. Толстыми[42]. По возвращении в Спасское он написал Полине Виардо: «...я провел три очень приятных дня у своих друзей: двух братьев и сестры, прекрасной и очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным»[43].

Вероятно, в это пироговское свидание между Тургеневым и М. Н. Толстой произошло какое-то объяснение, положившее начало их разъединению. Мы не располагаем сведениями, встречались ли они еще летом и осенью 1858 г., но дневниковая запись Толстого, встретившегося в конце августа с Тургеневым в Спасском, позволяет предположить, что Толстой был оскорблен тем, что отношения Тургенева к его сестре не были серьезными и «только напрасно тревожили одинокую и несчастную женщину»[44]. 4 сентября 1858 г. Толстой записывает: «Тургенев скверно поступает с Машенькой. Дрянь»[45].

В марте 1859 г. по пути из Петербурга в Спасское Тургенев заехал в Ясную Поляну, где в отсутствие Толстого встретился с его сестрой. Вскоре Тургенев писал В. П. Боткину: «Я видел... в Ясной Поляне графиню Толстую; она очень переменилась на мои глаза — да сверх того — je n'ai rien à lui dire /мне нечего ей сказать — *франц.*/»[46]. Ему же Тургенев 12 апреля сообщил, что «с Толстым покончил все свои счеты: как человек он для меня более не существует»[47].

Среди многих причин, вызвавших резкие расхождения между двумя писателями, отношения Тургенева к

М. Н. Толстой занимают, как нам кажется, не последнее место.

О встречах Тургенева с М. Н. Толстой в последующие годы сведений не имеется. По словам самой Марии Николаевны, у нее хранилось много писем Тургенева, но они были расхищены: «Один бесцеремонный мой свойственник, посетив мое имение после того, как я переехала в монастырь, поднял стамеской верх письменного стола, в котором я их запирала, унес вместе с двумя письмами Некрасова, которыми я очень дорожила»[48].

М. Н. Толстая пережила Тургенева почти на 30 лет. Впоследствии, в 1891 г., она постриглась в монахини и умерла в женском Шамординском монастыре близ Оптиной Пустыни 6 апреля 1912 г.

До конца своих дней она, по свидетельству близких к ней людей, сохранила добрые воспоминания о Тургеневе. По словам Софьи Андреевны Толстой, М. Н. Толстая еще в 1865 г. подробно рассказала ей «свой роман с Тургеневым».

Ее дочь от второго брака[49], Елена Сергеевна Денисенко, говорила автору этих строк:

«Моя мать, живя в монастыре, любила рассказывать и вспоминать былое... В ее уютной, тихой келии среди множества старинных семейных фотографий висели фотографии Некрасова, Григоровича и Тургенева.

— Знаешь, Леночка,— обратилась ко мне раз мать, указав на фотографию Тургенева,— если бы он не был в жизни однолюбом и так горячо не любил Полину Виардо, мы могли бы быть счастливы с ним, и я не была бы монахиней, но мы расстались с ним по воле бога, но он был чудесный человек, и я постоянно о нем вспоминаю».

Опубл.: Тургеневский сборник. Л.: Наука, 1966. Т. 2, с. 148—158.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Граф Валериан Петрович Толстой (1813—1865) — муж М. Н. Толстой.

[2] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 59, с. 210.

[3] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.— Л.: Изд-во АН СССР. Т. II, с. 232.

[4] Четырехлетняя дочь М. Н. и В. П. Толстых — Варвара Валериановна, в замужестве Нагорнова (1850—1921).

[5] Лит. наследство, т. 37—38, с. 729.

[6] Письма, т. II, с. 238.

[7] Там же, с 239—240.

[8] Гос. музей Л. Н. Толстого в Москве (далее ГМТ), архив Толстых, материалы Е. В. Оболенской, рукоп. отд.— См. письмо Тургенева к В. П. Толстому от 31 октября или 7 ноября с. ст. 1854 г. из Спасского: «Я буду у Вас в четверг — если этот день Вам удобен. Привезу с собой «Онегина» (Письма, т. II, с. 243); ср. также эпизод из «Фауста»: «Не знаю как и вследствие чего — помнится, мы читали «Онегина» — я у ней поцеловал руку. Она слегка отодвинулась, устремила на меня взгляд (я, кроме ее, ни у кого не видал такого взгляда: в нем и задумчивость, и внимание, и какая-то строгость)... вдруг покраснела, встала и ушла. В тот день мне уж не удалось быть с ней наедине. Она избегала меня и битых четыре часа играла с мужем, няней и гувернанткой в свои козыри! На другое утро она предложила мне идти в сад. Мы прошли его весь до самого озера. Она вдруг, не оборачиваясь ко мне, тихо прошептала: «Пожалуйста, впредь не делайте этого!» — и тотчас начала мне что-то рассказывать... Я был очень пристыжен» (Соч., т. VIII, с. 32—33).

[9] Хирьяков А. Мария Николаевна Толстая.— Речь, 1912, 8 апр., № 95.

[10] Письма, т. II, с. 246.

[11] В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869, М.— Л.: Academia, 1930.

[12] Письма, т. II, с. 265.

[13] Письма, т. II, с. 265.

[14] Там же.

[15] Боткин и Тургенев, с. 45—49.

[16] Письма, т. II, с. 287.

[17] Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1960, с. 391; Письма, т. II, с. 299.— См. также: Л. Н. Назарова. Тургенев и О. А. Тургенева. Тургенев. Сб., 1964, с. 293—299, К. Я. Грот. Воспоминания об О. А. Тургеневой и Н. М. Еропкиной. Там же, с. 299—303.

[18] Письма, т. II, с. 276.

[19] Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1961, с. 140.

[20] С<тахович> М. В 1903 году о 1853.— Орловский вестник, 1903, 22 авг., № 224.

[21] Письма, т. II, с. 303.

[22] Там же, с. 315—316.

[23] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 61, с. 369.

[24] Там же, т. 47, с. 77—78.— Ср. письмо Толстого к Н. А. Некрасову от 12 июня 1856 г.: «Его (Тургенева.— *Н. П.*) надо показывать в деревне. Он там совсем другой, более мне близкий хороший человек» (там же, т. 60, с. 69).

[25] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47, с. 78.

[26] Там же, т. 47, с. 78.

[27] Иван Леонтьевич Шаховской — князь, сосед М. Н. и В. П. Толстых.

[28] ГМТ, архив Толстых, материалы Н. Н. Толстого, инв. № 60478.

[29] С<тахович> М. В 1903 году о 1853.

[30] Лит. наследство, т. 37—38, с. 406.

[31] Мы в нашей работе не останавливаемся на раскрытии сюжета и образной системы повести, так как это самостоятельная тема, которая, как и история писания «Фауста», освещена в комментарии И. А. Битюговой к повести «Фауст» (Соч., т. VII, с. 395—414).

[32] С<тахович> М. В 1903 году о 1853.

[33] Толстой И. Л. Мои воспоминания. Изд. 2-е. М., 1933, с. 215.

[34] ГМТ, архив Толстых, материалы Н. Н. Толстого, инв. № 60478.

[35] Там же, инв. № 60480.

[36] Письма, т. III, с. 12.

[37] Там же, с. 65.

[38] Там же, с. 148.

[39] Там же, с. 146—147.

[40] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47, с. 151.

[41] Там же, т. 48, с. 15.

[42] В книге Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М.— Л.: Academia, с. 100 неверно сообщено, что Тургенев «проводит три дня у Толстых в Ясной Поляне...» Ошибка эта повторена и в «Указателе мест пребывания И. С. Тургенева» (Письма, т. III, с. 655). См. письмо Л. Н. Толстого к Т. А. Ергольской из Ясной Поляны от 26 июня 1856 г. (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 60, с. 271); см. также: Кузминская Т. А. Мои воспоминания о графине Марии Николаевне Толстой.— Илл. прилож. к газете «Новое время», 1913, № 135, № 13513.— Факт пироговского свидания Тургенева с М. Н. Толстой подтверждается и надписью Тургенева на книге «Повести и рассказы...» (ч. I, Спб., 1856): «Графине М. Н. Толстой на память от Тургенева. С. Пирогово, июнь 1858» (Музей Тургенева).

[43] Письма, т. III, с. 418.

[44] Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., АН СССР, 1957, с. 321.

[45] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 48, с. 16.

[46] Письма, т. III, с. 283.

[47] Там же, с. 293.

[48] С<тахович> М. В 1903 году о 1853.

[49] В 1861—1862 гг. М. Н. Толстая, живя за границей, вступила в гражданский брак со шведом Гектором Виктор де Клен. От этого брака — дочь Елена Сергеевна (отчество получила по крестному отцу С. Н. Толстому) — в замужестве Денисенко.

И. С. ТУРГЕНЕВ И Н. Н. ТОЛСТОЙ

Из многочисленных знакомых Тургенева найдется немного лиц, к которым бы он относился с такой любовью, как к старшему брату Льва Николаевича Толстого — Николаю Николаевичу Толстому.

Хотя встречи Тургенева и Н. Н. Толстого были не столь продолжительными, но Тургенев до конца своей жизни сохранил о нем самые светлые воспоминания. Выдающиеся способности, незаурядный литературно-художественный талант, богатство и чистота внутреннего мира, своеобразие личности — все эти качества привлекали не только Тургенева, но и всех, кто встречался с Н. Н. Толстым. По своей натуре он был человек мягкий, замкнутый, с философским складом ума, страстный охотник и любитель природы.

Его младший брат, Л. Н. Толстой, в своих воспоминаниях дает ему такую характеристику: «Старший брат Николенька был на 6 лет старше меня <...> Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек. Тургенев говорил про него очень верно, что он не имел тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем. Он не имел главного нужного для этого недостатка: у него не было тщеславия, ему совершенно неинтересно было, что о нем думают люди. Качества же писателя, которые у него были, было прежде всего тонкое художественное чутье, крайнее чувство меры, добродушный, веселый юмор, не-

обыкновенное неистощимое воображение и правдивое, высоко нравственное мировоззрение, и все это без малейшего самодовольства. Воображение у него было такое, что он мог рассказывать сказки или истории с привидениями или юмористические истории в духе m-me Radcliff без остановки и запинки целыми часами и с такой уверенностью в действительность рассказываемого, что забывалось, что это выдумка.

Когда он не рассказывал и не читал /он читал очень много/, он рисовал. Рисовал он почти всегда чертей с рогами, закрученными усами, сцепляющихся в самых разнообразных позах между собой и занятых самыми разнообразными делами. Рисунки эти тоже были полны воображения и юмора»[1].

Н. Н. Толстому также принадлежала игра в «муравейных братьев» и известная легенда о «зеленой палочке»[2] с написанной на ней тайной всеобщего человеческого счастья, которую братья Толстые искали в детстве на краю лесного оврага Старого Заказа. В память об этом здесь, по завещанию самого Л. Н. Толстого, теперь находится его могила.

В яснополянской библиотеке сохранился номер «Современника», в котором напечатан очерк Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе»[3]. Этот очерк был написан им в начале 50-х годов на Кавказе, где оба брата находились на военной службе. В Дневнике Л. Н. Толстого от 29 октября 1852 г. записано: «Николенька пришел ко мне и читал мне свои записки об охоте. У него много таланта. Но форма нехороша. Пусть он бросит рассказы об охоте, а, наоборот, больше внимания на описание природы и нравов: они разнообразные и очень хороши у него»[4].

Н. А. Некрасов по достоинству оценил статью Н. Н. Толстого, поместил ее на первом месте в журнале и писал 10 (22) апреля 1857 г. из Рима Тургеневу: «Автор /Н. Н. Толстой.— *Н. П.*/ не виноват, что это не повесть, но задачу,

которую он себе задал, он выполнил мастерски и, кроме того, обнаружил себя поэтом. Некогда писать, а то бы я указал в этой статье на несколько черт, до того поэтических и свежих, что ай-ай! Поэзия тут на месте и мимоходом высказывает сама собою: неизвестно, что есть ли у автора творческий талант, но талант наблюдения и описания, помоему, огромный — фигура старого казака вначале чуть тронута, но, что важно, не обмельчена, любовь видна к самой природе и птице, а не к описанию той и другой. Эта вещь хорошая. Не знаю, насколько Лев Н. поправил слог, но мне показалось, что эта рука тверже владеет языком, чем сам Л. Н. Далекость от литературных кружков имеет также свои достоинства. Я уверен, что автор не сознал, когда писал, многих черт, которыми я любовался как читатель, а это не часто встречаешь»[5].

И. И. Панаев 24 января 1857 г. писал Тургеневу, что Толстой «доставил ...драгоценную, капитальную вещь своего брата «Охота на Кавказе». Мы упивались, читая ее с Боткиным. Какая простота, грандиозность картин, какое величие природы — чудо! Это сокровище будет во втором номере»[6].

«Охота на Кавказе» при своем появлении вызвала восторженные отзывы со стороны писателей и критиков того времени. Исключение составлял лишь отзыв Н. Г. Чернышевского, который в письме к Некрасову /от 13 февраля 1857 г./назвал очерк Толстого «пустой и плохой вещью», «подражанием Тургеневу», которое «несносно ярко кидается в глаза»[7].

Тургенев же, прочитав в «Современнике» очерк Н. Н. Толстого, 9 марта 1857 г. писал П. В. Анненкову: «Охота на Кавказе»... мне очень понравилась»[8]. В письме к М. Н. Толстой от 4 июля 1857 г. Тургенев вспоминал «о пленительном Николае Николаевиче» и просил передать ему чувство любви и восхищение его «прелестными рассказами». В это же время он писал Л. Н. Толстому из-за

границы: «С каким бы удовольствием сидел я бы теперь между Вашей сестрой и Вами и спорил бы с Вами до упаду, но весело и дружелюбно, между тем как брат Ваш Николай тут же бы присутствовал и вмешивал бы изредка в наши речи свое умное слово! Пожалуйста, поклонитесь ему от меня и известите, не пишет ли он чего-нибудь, в его записках были восхитительные поэтические страницы»[9].

А. А. Фет в своих воспоминаниях говорит о Н. Н. Толстом: «Он так ясно умел отличать действительную сущность жизни от ее эфемерной оболочки, что с одинаковой иронией смотрел и на высший и на низший слой кавказской жизни. И знаменитый охотник, старовер, дядюшка Епишка /в «Казаках» гр. Толстого Ерошка/, очевидно, подмечен и выщупан до окончательной художественности Николаем Толстым»[10]. Эти слова показывают, что Фет знал «Охоту на Кавказе» и приписывал ей известную роль в создании характеров в кавказской повести Л. Н. Толстого. Как отмечал М. О. Гершензон, «сопоставление обоих портретов Епишки вполне подтверждает догадку Фета»[11].

Много лет спустя в апреле 1894 г., когда Л. Н. Толстой был в Воронеже у Г. А. Русанова, ему показали номер некрасовского «Современника» 1857 г., в котором был напечатан очерк его брата Н. Н. Толстого — «Охота на Кавказе». По свидетельству Русанова, на Толстого «как бы нахлынули воспоминания далекого прошлого. Выражение лица его было растроганное. Он замолчал.

— Да, все это прошло! — сказал он потом, вздохнув. В голосе его были грусть и умиление.— А как хороша эта статья брата! И вообще хорошие тут вещи ... Кто тут еще? Островский, его «Праздничный сон до обеда», Фет... Все это прошло...»[12]

В 1922 г. по инициативе М. О. Гершензона появилось отдельное издание «Охоты на Кавказе». В своем предисловии Гершензон справедливо отмечает: «Статья и теперь читается с большим удовольствием; она подкупает обилием

тончайших наблюдений и точных знаний, которое сделало бы честь самому С. Т. Аксакову, или даже Одюбону, и которое однако не загромождает изложения, текущего легко и непринужденно... Это ясные и милые эскизы, писанные без усилия и без пристрастия; по манере письма они напоминают «Записки охотника». В то время, как Л. Н. Толстой в своих кавказских и крымских повестях, изображая людей, **хочет** показать их душу, их мироощущения и нравственный строй,— автор «Охоты на Кавказе» не задается никакими притязаниями, а просто описывает человека с лица, не оглядывая его со всех сторон, не забираясь внутрь его, и эта спокойная живопись достигает у него, как у Тургенева, отличных результатов. Таковы знаменитый охотник Гирей-хан /не раз упоминающийся и в «Казаках», как кунак Лукашки/, и другой туземец, старичок с красной подстриженной бородкой, и Хомка Балаш, и смелые, бойкие кизлярские казачки. Автор умеет одной чертой, самыми простыми словами, очертить образ или передать выражение лица, настроение минуты; его повествование ясно свидетельствует о незаурядном литературном даровании»[13].

Кроме «Охоты на Кавказе», Н. Н. Толстым были написаны большая, но неоконченная повесть «Пластун»[14] и «Заметки об охоте»[15].

Личное знакомство Тургенева с Н. Н. Толстым произошло, вероятно, в начале мая 1855 г. у М. Н. Толстой в сельце Покровском, где в этот год часто бывал Тургенев[16].

Он позже вспоминал о той «восторженной веселости, подобной вечному смеху гомерических богов, которая по вдохновительному примеру графини кипит и гремит в стенах Покровского»[17]. Тургенев любил бывать у М. Н. Толстой и очень высоко ценил в ней искренность, сердечность, простоту и называл ее одним «из привлекательнейших существ, какие только ... удавалось встречать»[18].

Между Тургеневым и ее братом Н. Н. Толстым вскоре

после их знакомства возникла взаимная близость, которая постепенно крепла на основе общих интересов и сходства во взглядах, увлечения совместной охотой, шахматной игрой, задушевными беседами, разговорами о литературе.

До отъезда Н. Н. Толстого из Тульской губернии в конце сентября 1855 г. они встречались как в Спасском-Лутовинове, так и в Покровском. Когда в середине мая 1855 г. в Спасском-Лутовинове гостили. Д. В. Григорович, В. П. Боткин, А. В. Дружинин, Толстые, Дельвиги и другие соседи по имению приняли живое участие во всех развлечениях. Среди гостей в Спасском был и Н. Н. Толстой, который познакомился с гостившими у радушного хозяина его приятелями[19].

Тургенев в письме к Е. Я. Колбасину 9 августа 1855 г. из Спасского сообщал, что ждет «к себе графа Ник[олая] Ник[олаевича] с охотой. Мы дня три намерены поездить по окрестностям. Завтра направимся к Троицкому»[20].

В первом письме к Л. Н. Толстому, еще до личного знакомства с ним, Тургенев писал из Покровского: «Я часто видаюсь в теченье лета с Вашими родными — и полюбил их от души. Как мы все сожалели об отъезде Ник[олая] Ник[олаевича]! Право, досадно вспоминать, что, будучи такими близкими соседями, мы так поздно сошлись»[21].

Л. Н. Толстой, описывая свое знакомство с приехавшим из Москвы в Петербург Тургеневым, 20 ноября 1855 г. писал сестре: «Больше всего я его /Тургенева.—*Н. П.*/ полюбил за то, что он вас — тебя и Ник[оленьку] и Валериана так любит и ценит»[22].

Приехав в Спасское 7 мая 1856 г, Тургенев по-прежнему бывает у Толстых в Покровском, а они у него — в Спасском-Лутовинове. В одном из неопубликованных писем В. П. Толстого к Н. Н. Толстому из Покровского от 31 мая 1856 г. говорится: «Тургенев все так же мил — бывает у нас беспрестанно — гостит по нескольку дней — тебя лю-

бит чрезвычайно,— часто вспоминает и посылает тебе задушевный поклон»[23].

В другом неопубликованном письме, от 4 июля того же года, читаем: «Живем мы по-прежнему, бываем у Шаховских[24], а чаще всего у Тургенева, который, к сожалению, через 4 дня уезжает за границу... Он тебе очень кланяется»[25].

На следующий год, зная, что Толстые предполагают зиму прожить в Москве, Тургенев из-за границы в середине августа 1857 г. писал М. Н. Толстой, что он надеется «провести несколько дней» в ее «кружке в Москве зимой» и ему «милый Николай Николаевич... так и видится с своей трубкой, шахматами, неизменным хладнокровием и ласковым взглядом»[26].

Зиму 1857—1858 гг. Толстые проводили в Москве. Т. А. Кузминская вспоминала, как она у М. Н. Толстой впервые встретила Николая Николаевича: «Он был небольшого роста, плечистый, с выразительными глубокими глазами. В эту зиму он только что приехал с Кавказа и носил военную форму[27]. Этот замечательный по своему уму и скромности человек оставил во мне лучшие впечатления моего детства. Сколько поэзии вынесла я из его импровизированных сказочек. Бывало, усядется он с ногами в угол дивана, а мы, дети, вокруг него, и начнет длинную сказку или же сочинит что-либо для представления, раздаст нам роли и сам играет с нами ... Николай Николаевич с добродушной иронией относился к великосветским выездам брата. Войдет Мария Николаевна, и он ей, улыбаясь, скажет: «А Левочка опять надел фрак и белый галстук и пустился в свет. И как это не надоест ему?»

Сам Николай Николаевич нигде не бывал; он жил на окраине Москвы, где, впрочем, всегда его отыскивали его почитатели и друзья. Между ними были Тургенев и Фет»[28].

А. А. Фет, познакомившись с Н. Н. Толстым в Москве, говорил, что это «замечательный человек, про которого

мало сказать, что все знакомые его любили, а следует сказать — обожали... Будучи от природы крайне скромен, он нуждался в расспросах со стороны слушателя. Но наведенный на какую-либо тему, он вносил в нее всю тонкость и забавность своего добродушного юмора. Он, видимо, обожал младшего своего брата Льва»[29].

Тургенев впоследствии, вспоминая о Н. Н. Толстом, рассказывал Е. М. Гаршину: «То смирение перед жизнью, которое Лев Толстой развивает теоретически, брат его применил непосредственно к своему существованию. Он жил всегда в самой невозможной квартире, чуть не в лачуге, где-нибудь в отдаленном квартале Москвы, и охотно делился всем с последним бедняком. Это был восхитительный собеседник и рассказчик»[30].

В 1858—1859 гг. Тургенев, Н. Н. Толстой, А. А. Фет, И. П. Борисов, будучи близкими соседями по имениям на границах Орловской и Тульской губерний, еще больше сблизились и подружились между собой. Фет писал, что он «не в состоянии сказать, сколько раз Тургеневы и Толстые сходились ... в Новоселках или в Спасском ... свидания эти были задушевны и веселы»[31].

Тургенев приехал в Спасское в начале июня 1858 г. Вскоре по приезде, 22—25 июня, он навестил М. Н. Толстую, живущую тогда в Пирогове, где виделся с ее братьями Н. Н. и С. Н. Толстыми. По возвращении в Спасское он писал Полине Виардо: «...я провел три очень приятных дня у своих друзей». Далее Тургенев дает характеристику всех трех братьев и пишет о Н. Н. Толстом: «...прелестный малый, ленивый, флегматичный, неразговорчивый и в то же время очень добрый, с очень нежным и тонким вкусом и чувствами, человек действительно своеобразный»[32].

Н. Н. Толстой, выйдя в отставку, поселился в своем имении Никольско-Вяземском Чернского уезда Тульской губернии, в 15 верстах от Спасского. Необыкновенно яркую картину скромной жизни владельца Никольской усадьбы

в небольшом деревянном флигеле рисует А. А. Фет в своих воспоминаниях: «Ясно было, что Ник[олай] Ник[олаевич], то проживавший в Москве, то у двух братьев и любимой сестры, то у нас, или на охоте, смотрел на Никольский флигель не как на постоянное, оседлое жилище, требующее известной поддержки, а как на временную походную квартиру, в которой пользуются чем можно, не жертвуя ничем на благоустройство. О таком временном оживлении уединенного Никольского флигеля свидетельствовали даже мухи»[33].

В гостях у Н. Н. Толстого, страстного охотника, бывали и охотились Тургенев, И. П. Борисов, А. А. Фет.

«Любезный Николай Николаевич,— писал Тургенев 9 июля 1858 г.,— мы вчера вечером вернулись с охоты — и завтра Фет ждет нас обедать у себя. Хотите Вы поехать к нему прямо или сперва заехать ко мне сегодня в Спасское к обеду? Мы бы вечером поиграли в шахматы и завтра отправились к нему»[34]. Из письма А. А. Фета от 12 июля 1858 г. узнаем, что Н. Н. Толстой воспользовался этим приглашением Тургенева и они оба гостили в Новоселках. «Шахматы, ожесточенные разговоры, рассказы об охоте и охотах и чтение его романа»[35],— сообщал Фет Л. Н. Толстому. На другой день Н. Н. Толстой снова был зван в Спасское, о чем извещал его Фет в неопубликованном письме от 13 июля 1858 г.: «Добрейший Николай Николаевич, сегодня, 13-го, воскресенье приезжает Марья Николаевна к Дельвигам[36] и в Спасское — где по этому случаю, как выражается Тургенев, пир горой. Он, Тургенев, просит дать Вам об этом знать, а потому мы с Вами увидимся в Спасском. Ваш А. Фет»[37]. Соседи были рады, когда видели приближающуюся, скосившуюся от времени желто-лимонную, наследственную коляску Николая Николаевича, запряженную тройкой серых лошадей. Эту коляску за ее необыкновенную выносливость и прочность Фет прозвал «эмблемой бессмертия души», и с тех пор прозвище это

так за ней и осталось среди всех друзей ее владельца.

Лето и осень 1858 г., которые Тургенев провел в Спасском среди друзей, оставили в нем добрые воспоминания. На другой год Тургенев встречает весну в деревне, приехав из Москвы в конце марта. «Тургенева я не видел, но брат Николай все время жил у него. Он, т. е. Тургенев, охотится, ездит по соседям»,— сообщал Л. Н. Толстой 16 апреля 1859 г.[38]

В письме к Фету из Виши 18 июня 1859 г. Тургенев сообщал: «Часто думаю я о России, о русских друзьях, о Вас, о наших прошлогодних поездках — о наших спорах ...

Известите меня обо всем на свете: «о Вашей жене, о Вашей сестре, о Борисове и о его сыне, о крестьянском вопросе, о литературе, ... о Толстом и Толстой, о купальне на Зуше, о березовой аллее ... о Мценском соборе, о количестве грачей, о том, продолжают ли они играть над кручью Висельной горы, о засухе, которая нас здесь пугает, о пароме на Зуше ... о москвичах, о наидрагоценнейшем и наивозлюбленнейшем мудреце и перипатетике Николае Толстом, ... словом — обо всем!»[39]

Возвратившись из-за границы осенью в Спасское, Тургенев писал 7 ноября 1859 г. М. Н. Толстой: «С тех пор, как снег выпал и настали морозы — я все поджидаю Вашего брата Николая — я почему-то вообразил, что он из Никольского завернет ко мне, поблизости. Но, видно, он «застрял» в Курской губернии — а, может быть, он проехал мимо. Я его от души люблю — и прошу Вас передать ему мой дружеский поклон. Брат Ваш Лев был у меня — и я его видел у Фета, но, видно, мне не суждено сойтись с этим умным и замечательным человеком: и ему со мной — и мне с ним — неловко; я люблю все, чего он не любит — и наоборот: мы созданы совершенно антиподами. Что делать!»[40]

В январе и феврале 1860 г. Тургенев встречался с

Н. Н. Толстым в Москве. Он сообщал графине Е. Е. Ламберт: «Тут есть два, три человека прелестных /Фет, Борисов, граф Н. Н. Толстой и мой хозяин Маслов/. Когда я вернусь и буду сидеть в Вашей комнатке, заставьте меня описать их Вам, очертить их характеры»[41].

К концу зимы 1860 г. здоровье Н. Н. Толстого стало внушать серьезное опасение родным и друзьям. Решено было ехать за границу в Соден, куда он и уехал вместе с братом, Сергеем Николаевичем Толстым, 28 мая 1860 г.

Тургенев в письмах проявлял большую тревогу и беспокойство о нем: «Боюсь я, что Николай Толстой все будет собираться и не поедет наконец. А ему необходимо лечиться. Мне уже в прошлом году его кашель не нравился»[42].

«...то, что Вы сообщили мне о болезни Николая Толстого, глубоко меня огорчило. Неужели этот драгоценный, милый человек должен погибнуть! И как можно было запустить так болезнь! Неужели он не решится победить свою лень и поехать за границу полечиться! Ездил же он на Кавказ в тарантасах и черт знает в чем! Что бы ему приехать в Соден?»

В постскриптуме этого же письма Тургенев снова говорит о нем: «Если Николай Толстой не уехал, бросьтесь ему в ноги — а потом гоните его в шею — за границу»[43].

Н. Н. Толстой сообщал А. А. Фету вскоре по приезде: «...я благополучно приехал в Соден: впрочем, при моем приезде из пушек не стреляли. В Содене мы застали Тургенева, который жив, здоров, и здоров так, что сам признается, что он совершенно здоров... Против окон моих стоит очень неказистое дерево, но на нем живет птичка и поет себе каждый вечер; она мне напоминает флигель в Новоселках»[44].

«Сюда приехал хороший мой приятель,— писал Тургенев Е. Е. Ламберт 12, 14/24, 26/июня 1860 г.,— Толстой /брат автора/, прекраснейший человек: жаль, здоровье его

очень плохо — у него злая чахотка. Он — удалившийся от мира, умный и добрый человек: он удалился от мира — и в то же время всему сочувствует — я с ним также беседую и играю в шахматы»[45].

26 июня /8 июля/ из Содена Тургенев сообщает Анненкову о частых встречах с Н. Н. Толстым: «Он отличный малый, но положение его горестное: у него безнадежная чахотка. Он ждет сюда брата Льва с сестрой»[46].

Через несколько дней Тургенев извещал Фета: «Толстому /Николаю/ не слишком помог Соден: к сожалению, он поздно спохватился, и болезнь его сделала такие шаги, что уже едва ли возможно поправить дело. Я от души полюбил его — и очень мне его жалко»[47].

19 июля того же года Н. Н. Толстой писал Фету: «А очень стало мне без него /Тургенева.— *Н. П.*/ пусто в Содене, не говоря уже о том, что шахматный клуб расстроился. Даже аппетит у меня стал не тот с тех пор, как не сидит подле меня его толстая и здоровая фигура и не требует придачи то моркови к говядине, то говядины к моркови. Мы часто о Вас говорили с ним, особенно последнее время»[48].

Здоровье Николая Николаевича не становилось лучше, врачи советовали ему уехать на юг Франции в Гиер. Л. Н. Толстой решил сопровождать брата. 6 сентября Н. Н. Толстой приехал с братом и сестрой в Гиер, а 20 сентября он скончался на руках у брата. «Н/иколенькина/ смерть — самое сильное впечатление в моей жизни»,— записал Л. Н. Толстой в Дневнике 13 октября 1860 г.[49].

Тургенев с «истинным нетерпением» ждет «счастливого мгновенья, когда будущей весной, при соловьиных песнях», он будет на родине, «...а для Николая Толстого,— пишет он Фету 3 /15/ октября 1860 г.,— уже не существует ни весны, ни соловьиных песен — ничего! Он умер... Я получил это известие от его сестры. Вы можете себе представить, как оно меня огорчило — хотя я уже давно потерял

надежду на его выздоровление ...Я знаю — и Вы, и Борисов не раз его помянете: золотой был человек — и умен, и прост, и мил. Я бы желал поговорить об его последних днях с Львом Николаевичем — да бог знает, когда и где я его увижу»[50]. За два месяца до приезда в Спасское, 9/21/ мая 1861 г., Тургенев сообщает Л. Н. Толстому: «Мысль о предстоящей поездке и о пребывании в России меня занимает почти постоянно; я уже вижу — духовным оком — себя с Фетом, Борисовым,— а с нынешнего дня и с Вами, в наших полях и рощах и деревянных домиках; представляется мне охота и пр., пр. Одно горе: не будет с нами Вашего доброго и незабвенного брата Николая!»[51]

Смерть Н. Н. Толстого глубоко огорчила всех, кто его знал, и особенно тяжело эту утрату переживали его друзья — соседи в Мценском уезде — А. А. Фет и И. П. Борисов.

В письме к Тургеневу от 26 ноября 1860 г. Борисов писал: «Нечего Вас уверять, что часто, часто вспоминаем Вас и ждем мая, но уже заранее чувствуется, что всем нам будет горько не досчитаться Николая Толстова. Я не могу вспомнить об нем без того, чтобы не воскресить перед собой его доброго, умного, мягкого взгляда, и слышу его голос, всегда спокойный, в самых задорных спорах. Мне он представляется, как тормозная мазь Льва Николаевича, которого он не любил, а обожал. Я до сих пор не могу свыкнуться с этой утратой и грущу об нем с безотчетными слезами юноши, и седая голова не помогает»[52].

«Миллионы раз с умилением вспоминаю,— писал Фет,— покойного Николая Николаевича. Редкая, благословенная натура»[53].

В 1924 г. японский писатель Рюуносукэ Акутагава написал рассказ «Вальдшнеп». Сюжет его — приезд Тургенева к Толстым и их совместная охота в Ясной Поляне.

В конце этого рассказа есть несколько поэтических строк о Н. Н. Толстом: «Тургенев глубоко вздохнул и остановился перед нишей. В нише, освещенной далеко стоящей свечой, смутной тенью вырисовывался мраморный бюст. Это был бюст старшего брата Льва Толстого — Николая[54]. Подумать только, с тех пор, как дорогой и ему, Тургеневу, привязчивый к людям Николай ушел из жизни, прошло уже больше двадцати лет... Словно не замечая, как текут часы весенней ночи, Тургенев долго стоял перед нишей, устремив на полутемный бюст печальные глаза»[55]...

Опубл.: Тургеневский сборник. Л., Наука, 1969. Т. 5, с. 419—428.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 34, с. 385—386.

[2] Ср.: Эйхенбаум Б. М. Легенда о зеленой палочке.— Огонек, 1950, № 47, с. 23—24.

[3] Впервые «Охота на Кавказе» появилась в «Современнике», 1857, № 2.

[4] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 46, с. 147.

[5] Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948, т. 10, с. 333.

[6] Тургенев и круг «Современника». Неизд. материалы 1847—1861. М.— Л.: Academia, 1930, с. 396.

[7] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., М.: Гослитиздат, 1939, т. XIV, с. 339.

[8] Тургенев. Письма, т. III, с. 109.

[9] Там же, с. 170.

[10] Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890, ч. 1, с. 217—218.

[11] Толстой Н. Н. Охота на Кавказе. С предисл. М. О. Гершензона. М., Изд. М. и С. Сабашниковых, 1922, с. 3. Н. Н. Гусев выражает свое несогласие с мнением Фета и пишет: «В «Охоте на Кавказе» дан только превосходный внешний портрет дяди Ерош-

ки, но совершенно не затронуто его оригинальное миросозерцание; а между тем особый интерес представляет не только внешность дяди Ерошки (хотя она очень интересна), сколько именно его своеобразное, совершенно особенное миросозерцание, до которого он дошел опытом жизни и собственным размышлением». Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год., М., АН СССР, 1957, с. 377.

[12] Русанов А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом 1885—1901. Воронеж, 1937, с. 182.

[13] Толстой Н. Н. Охота на Кавказе, с. 6—7.

[14] «Пластун» — рассказ удальца-джигита о своей жизни и приключениях.— Красная новь, 1926, № 5 и 7, со вступит. статьей А. Е. Грузинского «Писатель Н. Н. Толстой».

[15] «Заметки об охоте», «Весенние поля» и «Заяц». См.: Лит. худож. альманах «Охотничье сердце» под ред. Н. Смирнова. М., 1927, с. 369.

[16] Письма Н. Н. Толстого к Л. Н. Толстому, в которых он писал о своем знакомстве с Тургеневым, не сохранились.

[17] Письма, т. II, с. 307. См. прим. к ст. «Тургенев и М. Н. Толстая».

[18] Там же, с 239. О взаимоотношениях Тургенева и М. Н. Толстой см. нашу статью в этом сборнике.

[19] Письма, т. III, с. 137.

[20] Там же, т. II, с. 307.

[21] Там же, с. 316.

[22] Толстой Л. Н. Полн. собр, соч., т. 61, с. 369.

[23] ГМТ, Архив Толстых, № 60477.

[24] Иван Леонтьевич Шаховской — князь, сосед М. Н. и В. П. Толстых. Владелец имения Большое Скуратово в восьми верстах от Покровского и в трех верстах от ж. д. станции Чернь М.-К. ж. д.

[25] ГМТ, Архив Толстых, № 60478.

[26] Письма, т. III, с. 148.

[27] Н. Н. Толстой вышел в отставку в 1853 г., после чего уехал с Кавказа. Вторично поступил на военную службу в ноябре

1855 г., получил отставку формально в 1858 г., но уже в 1857 г. фактически оставил службу. См.: Формулярный список поручика гр. Н. Н. Толстого. ГМТ, Архив Толстых, № 39589.

[28] Кузминская Т. А., с. 60.

[29] Фет А. А. Мои воспоминания, с. 217.

[30] Гаршин Е. Воспоминания о Тургеневе.— Историч. вестник, 1883, № 11, с. 388.

[31] Фет А. А. Мои воспоминания, с. 251—252.

[32] Письма, т. III, с. 418.

[33] Фет А. А. Мои воспоминания, с. 240.

[34] Письма, т. III, с. 227.

[35] Вероятно, «Дворянское гнездо», над которым Тургенев работал в Спасском в это время. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. М., 1962, с. 224.

[36] Ср.: «Мать очень любила лошадей... Она одна ездила на них в шарабане. И вот собирается она, бывало, в Хитрово (так называлось имение Дельвигов.— *Н. П.*), которое отстояло от Пирогова верстах в шестидесяти... Семья Дельвигов была необыкновенно патриархальной, хлебосольной, гостеприимной. Состояла она из барона Александра Антоновича Дельвига (брата поэта.— *Н. П.*), его старухи матери и двух незамужних сестер... К матери они относились ласково и как-то бережно. Вся драма ее несчастного замужества прошла перед их глазами». Оболенская-Толстая Е. В. Моя мать и Лев Николаевич.— Октябрь, 1928, кн. 8—9, с. 212.

[37] ГМТ. Архив Толстых, рукоп. отд. № 60484.

[38] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 60, с. 291.

[39] Письма, т. III, с. 311—313.

[40] Там же, с. 363—364.

[41] Там же, т. IV, с. 23—24.

[42] Там же, с. 83.

[43] Там же, с. 85.

[44] Фет А. А. Мои воспоминания, с. 332.

[45] Письма, т. IV, с. 94.

[46] Там же, с. 98.

[47] Письма, т. IV, с. 105.

[48] Фет А. А. Мои воспоминания, ч. 1, с. 333.

[49] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 48, с. 30.

[50] Письма, т. IV, с. 140.

[51] Там же, с. 209.

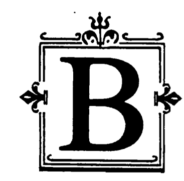
[52] Тургенев. Сб. Вып. III, с. 341.

[53] Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями, с. 242.

[54] «Внизу, под залой, рядом с передней,— писал И. Л. Толстой,— папá устроил себе кабинет. В стене он велел сделать полукруглую нишу и в ней поместил мраморный бюст своего любимого покойного брата Николая. Этот бюст сделан за границей с маски, и папá говорил нам, что он очень похож, потому что его делал хороший скульптор по указанию самого папá» (Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1914, с. 30—32.). Бюст работы Виллета Гифса, 1861 г. (мрамор). В этой комнате яснополянского дома останавливался Тургенев во время приездов в Ясную Поляну.

[55] Акутагава. Новеллы. М.: Гослитиздат, 1959, с. 207.

ИЗ ИСТОРИИ ЭКСПОНАТОВ ДОМА-МУЗЕЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

В Доме-музее Л. Н. Толстого сохраняется часть обстановки старого, ныне не существующего яснополянского дома, в котором Толстой родился и провел детские годы. Многие из этих предметов переходили из поколения в поколение, имели свою историю, и, как нам кажется, о них, как о деталях бытовой обстановки, говорит писатель в ряде своих произведений. Для Толстого эти вещи были овеяны «хорошими семейными воспоминаниями».

К таким предметам можно прежде всего отнести стоящий в кабинете писателя старинный диван, на котором Л. Н. Толстой родился 28 августа 1828 г.

Этот диван представляет собою дубовое основание с прямыми, закругляющимися в верхней части сторонами, без спинки, с тремя выдвижными ящиками, на восьми прямых четырехгранных ножках /87 см — высота боков; 199×89 см — основание/. На передней и боковых сторонах над ножками — овальные бронзовые медальоны с выбивным изображением бурбонской лилии. Медальоны обрамлены деревянными планочками. В боковых стенках дивана — выдвижные доски /в правой — с круглым сквозным отверстием, левая не выдвигается/. Сиденье и внутренняя сторона боков обиты темной клеенкой /бока — гвоздиками с медными головками/. Спинку заменяют три стеганые кле-

енчатые подушки, обтянутые с задней стороны розовой мебельной тканью в цветах.

В старые годы этот диван был обит кожей. Вспоминая о своем первом посещении Ясной Поляны в 1880 г., В. В. Стасов писал: «Я ушел к нему /Толстому.—*Н. П.*/ в кабинет спать, разделся и лег на тот самый диван, на котором он /по его же рассказу собственному/ родился, а теперь этот диван, зеленый кожаный, наполовину был весь в клочьях»[1].

В мае 1907 г. диван, как и другая мебель в кабинете, был перебит темной клеенкой.

С. А. Толстая в 1914—1918 гг. составила подробную опись вещей дома по комнатам. В этой описи есть упоминание о диване: «зеленый клеенчатый диван с 3-мя подушками, на котором родился Лев Никол. и все его дети, кроме Алеши и Ванички /умершие/, и братья Льва Николаевича, и сестра его»[2].

Толстой в день своего 80-летия, будучи в кабинете, обратил внимание своего секретаря Н. Н. Гусева на диван «и сказал, что на нем он появился на свет. На глазах его были слезы умиления»[3].

С диваном в семье Толстых было связано много семейных воспоминаний. По свидетельству И. Л. Толстого «В книге «вопросов», которая была у сестры Тани, на вопрос: где вы родились? отец ответил: «В Ясной Поляне, на кожаном диване».

Этот заветный кожаный диван.., на котором родились и мы, трое старших детей, всегда стоял и сейчас стоит в комнате отца»[4].

С. А. Толстая после смерти Л. Н. Толстого в 1911—1918 гг., показывая посетителям Ясной Поляны его кабинет и спальню, говорила: «Когда бывало его /диван.—*Н. П.*/несли, то все знали, что надо ждать прибавления семейства»[5].

На этом же «фамильном» диване в яснополянском доме,

кроме одиннадцати детей Толстых, по свидетельству невестки Толстого Ольги Константиновны Толстой[6], родились и две внучки: в 1900 г.— Софья Андреевна, в комнате, где ныне кабинет писателя /1902—1910 гг./, и в 1905 г.— Татьяна Михайловна Сухотина, в «комнате под сводами». В ящиках дивана Толстой хранил свои рукописи, к которым «не позволял прикасаться»[7].

Ясная Поляна, как известно, нашла многократное отражение в творчестве Толстого. В ряде произведений есть описание большого яснополянского дома, комнат и отдельных предметов. Вот несколько примеров упоминаний о диване из «Воспоминаний» и художественных произведений великого писателя.

В «Воспоминаниях», говоря об отце, Толстой писал: «Помню его в кабинете, куда мы приходили к нему прощаться, а иногда просто поиграть, где он с трубкой сидел на кожаном диване и ласкал нас и иногда, к великой радости нашей, пускал к себе за спину на кожаный диван и продолжал или читать или разговаривать с стоящим у притолки двери приказчиком»[8].

«Как теперь вижу я, как он /отец.—*Н. П.*/ в своем кабинете, с ногами заберется на кожаный диван, поставит подле себя как-нибудь боком столик»[9].

«Возвратившись домой, Николенька взошел в одну из комнат своего большого дома. В небольшой комнате этой стоял старый английский рояль, большой письменный стол и кожаный истертый диван, обитый медными гвоздиками, на котором спал мой герой, и несколько таких же кресел...»[10]

«В небольшой комнате, которую занимал Нехлюдов, стоял старый кожаный диван, обитый медными гвоздиками; несколько таких же кресел...»[11]

«Кабинет его был кабинетом его отца и деда, еще дедовская кожаная мебель с гвоздиками стояла в нем...»[12]

«В промежутках /во время родов С. А. Толстой.—

Н. П./ я бегал, хлопотал уставлять диван, на котором я родился, в ее комнату...»[13]

«Через пять минут княжна /роды маленькой княгини.—*Н. П.*/ из своей комнаты услыхала, что несут что-то тяжелое. Она выглянула — официанты несли для чего-то в спальню кожаный диван, стоявший в кабинете князя Андрея. На лицах несших людей было что-то торжественное и тихое...

...Князь Андрей вошел в комнату и остановился перед ней, у изножья дивана, на котором она лежала... Князь Андрей обошел диван и в лоб поцеловал ее»[14].

«Кабинет медленно осветился принесенной свечой. Выступили знакомые подробности: оленьи рога, полки с книгами, зеркало печи с отдушником... отцовский диван, большой стол, на столе открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь с его почерком»[15].

«Они только что приехали из Москвы и рады были своему уединению. Он сидел в кабинете у письменного стола и писал. Она, в том темно-лиловом платье, которое она носила первые дни замужества и ныне опять надела и которое было особенно памятно и дорого ему, сидела на диване, на том самом кожаном старинном диване, который стоял всегда в кабинете у деда и отца Левина, и шила...»[16]

В черновой редакции вместо слов «который... отца Левина» говорится: «Который всегда стоял у деда и отца Левина и на котором родились все Левины. Она сидела на диване и шила»[17].

При переводе кабинета в другие комнаты этот диван переносился на новое место работы Л. Н. Толстого.

Кресла, о которых упоминается в приводимых отрывках из «Детства», «Романа русского помещика», «Семейного счастия», сохранились до наших дней и так же, как и диван, являлись частью обстановки большого дома.

Три одинаковых кресла, стоящие ныне в кабинете пи-

сателя, и два таких же в спальне Толстого сделаны из темного и более светлого дуба /88 см — высота спинки; 56×46 см — сиденье/. Спинка прямоугольная, слегка выгнутая, с переплетом из перекрещивающихся стрельчатых арок; горбыльки четырехгранные, с поясками посередине и внизу. Мягкое сиденье, обитое темной клеенкой и тесьмой и гвоздиками с медными головками.

По свидетельству С. А. Толстой — «три кресла из кабинета отца Льва Николаевича»[18]. На раме сиденья одного из кресел, стоящих в кабинете писателя,— снизу небольшая выемка и пометка крестом, вероятно, сделанная Толстым. «Оно было мечено», так как в нем под нижней подкладкой с 1897 г. сохранился пакет с письмами Л. Н. Толстого к С. А. Толстой. На конверте было написано: «Если не будет особого от меня об этом письме решения, то передать его после моей смерти С. А.».

В 1907 г. в связи с перебивкой мебели в кабинете конверт был вынут Толстым и передан для хранения Н. Л. Оболенскому /мужу Марии Львовны/. После смерти Толстого пакет передали С. А. Толстой и, как писал Н. Л. Оболенский, «она вынула оттуда два письма, прочтя одно, она тотчас разорвала его; другое письмо именно было об уходе его, предполагавшемся в 1897 году»[19].

Даваемое краткое описание предметов из Дома-музея не исчерпывается вышеописанными вещами. Их в доме множество, и описание иконографии, мебели, семейно-бытовых реликвий является самостоятельной темой. Некоторые вещи являлись дорогими для Толстого и нашли свое отражение в его творчестве.

Большое количество подлинных предметов, сохранившихся в Доме-музее, переносит нас в атмосферу быта семьи Толстых и помогает еще глубже понять весь уклад жизни и творчество Л. Н. Толстого.

Опубл.: Лев Толстой. Материалы и публикации. Тула. 1958, с. 150—155.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лев Николаевич Толстой. Юбил. сборник. М.— Л.: ГИЗ, 1928, с. 347.

[2] Толстая С. А. Опись (1918 г.), л. 4 об., зап. 1. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[3] Гусев Н. Н. Жизнь Льва Николаевича Толстого. Молодой Толстой (1828—1862), М., 1927, с. 54.

[4] Толстой И. Л. Мои воспоминания. М.: Мир, 1933, с. 19.

[5] Лебедев Г. Поездка в Ясную Поляну.— «Жизнь для всех», 1913, № 3—4, с. 514.

[6] Из сообщений автору.

[7] Толстая С. А. Дневники. 1910. М.: Сов. писатель, 1936, с. 94.

[8] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 34, с. 357.

[9] Там же, т. 1, с. 170 («Детство», II ред., вар. № 6).

[10] Там же, т. 4, с. 356 («Роман русского помещика»).

[11] Там же, с. 167 («Утро помещика»).

[12] Там же, т. 5, с. 180 («Семейное счастие», II ред., вар. № 9).

[13] Там же, т. 48, с. 56 (Дневник, 1863, 5 августа).

[14] Там же, т. 10, с. 36, 39 («Война и мир», ч. 1, гл. VIII и IV).

[15] Там же, т. 18, с. 99 («Анна Каренина», ч. 1, гл. XXVI).

[16] Там же, т. 19, с. 51—52 («Анна Каренина», ч. 5, гл. XV).

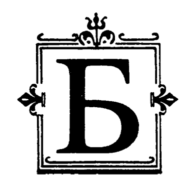
[17] Там же, т. 20, с. 403 («Анна Каренина», вар. № 125, рук. 80).

[18] Толстая С. А. Опись (1918 г.), л. 8, зап. 15. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[19] Чертков В. Г. Уход Толстого. М., 1922, с. 118—119.

ПОРТРЕТЫ ПРЕДКОВ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

I

Большой ценностью Дома-музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне являются иконографические, разнообразные по технике /масло, акварель, пастель, рисунок, фотография/ изображения Толстого, его предков, а также членов его семьи, созданные как известными, так и неизвестными художниками в разные годы и в различной манере. Настоящее описание представляет собой первую попытку дать некоторые сведения к истории портретов предков Толстого, сохранившихся в Ясной Поляне.

Самым ранним в портретной галерее является изображение прапрабабки Л. Н. Толстого Татьяны Григорьевны Горчаковой, рожденной княжны Морткиной, дочери Григория Федоровича Морткина и Аксинии Гавриловны[1].

Биографические сведения о Т. Г. Горчаковой, как и о ее родных, чрезвычайно скудны. До последнего времени не были известны даты ее рождения и смерти, и только теперь, на основании материалов, сохранившихся в Центральном Государственном историческом архиве УССР, и по родословным книгам мы можем установить годы и уточнить некоторые биографические данные.

На портрете Т. Г. Горчакова изображена в черном монашеском одеянии, стоящей у высокого стола с полка-

ми, перелистывающей правой рукой лежащую на столе книгу. В левой руке, которую она держит у груди,— длинные четки с крестом. За столом — скульптурное распятие с цветными фигурами, предстоящими на фоне светло-зеленой стены с дверью и двумя окнами, обрамленными растительным орнаментом.

Портрет работы неизвестного художника, холст, масло /97×80/.

В неопубликованной описи вещей дома, составленной С. А. Толстой в 1914—1918 гг., говорится: «Портрет княгини Горчаковой, рожденной княжны Морткиной, написан в 1705 году. Надпись уничтожили при реставрации портрета, но я, Соф[ья] Андр[еевна], видела ее сама. Она была написана маленькими белыми буквами белой краской»[2]. Категорическое утверждение С. А. Толстой, что на портрете стояла дата «1705 год», позволило сделать ошибочный вывод, что это изображение матери Т. Г. Горчаковой — Аксинии Гавриловны. Однако в процессе дальнейшего исследования оказалось, что изображена Татьяна Григорьевна Морткина, вышедшая замуж в феврале 1721 г. за Ивана Федоровича Горчакова (1694—1750), отца прадеда Толстого Николая Ивановича Горчакова.

Вскоре после смерти мужа в 1750 г. Т. Г. Горчакова переезжает из Москвы в Киев, где, очевидно, живет несколько лет, а затем, приняв решение поступить в монастырь, она в 1754 г. продает своим детям принадлежащий ей московский дом в Гнездниках[3]. Эта продажа была, очевидно, вызвана двумя причинами: во-первых, потребностью сделать вступительный вклад в монастырь и, во-вторых, желанием отойти от мирской жизни, связанной с владением имуществом.

Из сохранившихся архивных материалов видно, что в 1761 г. Т. Г. Горчакова «из великия россиян жена князя Ивана Горчакова» была уже монахиней Киево-Флоровского Вознесенского женского монастыря с именем Афа-

насии и «по резолюции Арсения митрополита Киевского в том же году в мантию пострижена»[4].

В июне 1764 г. она внесла в монастырь «на украшение церковное пристойный уклад», и ее имя было записано «в большой синодик для вечного поминования». Она также просила по кончине «тело монахини Афанасии Горчаковой погребению придати при великой церкви»[5].

Т. Г. Горчакова скончалась в октябре 1781 г., но «тело ее не было пущено в лавру», а погребено в Китаевской пустыни[6]. На надгробии ее была следующая эпитафия: «Под сим камнем погребено тело покойной княгини, Татьяны Григорьевны Горчаковой, которая пострыгшись в монашеский чин, наимянована Афанасиею, житие ее в Киеве во Флоровском монастыре продолжалось около 30 лет. Сия почтенная, и любви достойная женщина, оставив мирское житие, детей, друзей, посвятила себя Богу, в душеспасительном упражнении, и в строгом исполнении закона Божия, скончалась сия богоугодная монахиня, 70 лет от роду, где прах ея и покоится»[7].

Из приведенных материалов видно, что Т. Г. Горчакова, пробыв около 30 лет в монастыре, поступила в него около 40 лет от роду, а как известно по родословным книгам, это произошло после 1750 г. Можно предположить, что она родилась не раньше 1708—1710 гг. На портрете изображена женщина средних лет, и он мог быть написан вскоре после ее поступления в монастырь, в конце 1750-х или, скорее, в начале 1760-х годов, но никак не в 1705 г., как сообщает С. А. Толстая[8].

Наконец, по характеру сохранившейся живописи портрет может быть отнесен ко второй половине XVIII века[9].

На протяжении ряда лет портрет неоднократно подвергался реставрации и, видимо, не всегда опытными реставраторами, так как на нем имеются многочисленные записи последующих лет. «К сожалению,— писал в 1879 г. Л. Н. Толстой,— я отдавал его /портрет.— *Н. П.*/

реставрировать и мне закрасили надпись, бывшую на нем»[10].

В каком году и кем была сделана эта первая из известных нам реставраций и какова была закрашенная надпись, остается, к сожалению, неизвестным. В 1905 г.[11] перед экспонированием на исторической выставке русских портретов, устраивавшейся в Таврическом дворце в Петербурге, портрет был снова реставрирован. Следующая реставрация и дублирование холста было произведено в 1926 г. В описании состояния живописи в Яснополянском доме-музее, сделанном 31 августа 1940 г. реставратором В. А. Федоровым, о портрете Т. Г. Горчаковой говорится: «Портрет дублирован. Ввиду наклейки с обратной стороны картины бумаги, с лицевой стороны имеется выпуклость с контуром наклейки; по всей картине имеются старые деформированные чинки. Особенно ярко выражены по бортам; по всей картине, возможно, от времени, произошло скипание красочного слоя. Много мелких осыпей, кромки значительно порваны, натяжение неудовлетворительное.

Требуется — передублировать, подвести грунт в местах утрат и значительных осыпей, расчистить старые чинки, промыть, покрыть лаком»[12].

Незадолго перед началом Великой Отечественной войны специалистами-реставраторами Государственной Третьяковской галереи В. А. Федоровым и Р. П. Астафьевым были реставрированы все живописные полотна, находящиеся в доме-музее, в том числе и портртет Т. Г. Горчаковой. При передублировании его на обороте холста была обнаружена надпись, сделанная черной краской. К сожалению, надпись не сохранилась, так как холст дублирован, но она была записана на карточку сотрудником дома-музея А. Н. Нагорновой: «Портрет Киево-Флоровского монастыря. Бывшая мать княгини Татьяны Григорьевны, супруги князя Ивана Федоровича Горчако-

ва, рожденной княжны Морткиной. Тело ее погребено в Киево-Китаевской пустыни»[13].

В конце 1951 г. портрет был реставрирован художником-реставратором А. Д. Кориным, а летом 1960 г. отправлен в Москву для тщательного исследования в Центральные художественно-реставрационные мастерские.

«В результате рентгенографирования портрета Т. Г. Горчаковой,— говорится в заключении исследования полотна,— было установлено, что авторский красочный слой и грунт имеют значительные утраты... Никаких следов надписи или подписи, выполненной по свидетельству С. А. Толстой «маленькими буквами белой краской», на рентгенограмме не обнаружено. Между тем авторская надпись XVIII века белой краской могла быть сделана только свинцовыми белилами, которые, действительно, имеются на различных фрагментах авторского красочного слоя. Но в этом случае, если даже надпись и была закрыта при реставрации, как об этом писал Л. Н. Толстой, она была бы выявлена на рентгенограмме. С. А. Толстая считала, что надпись уничтожена при реставрации — это вполне возможно, но в том случае, если она находилась поверх лакового слоя и особенно если она была не авторской, а нанесена много позднее цинковыми белилами во время реставраций, бывших ранее тех, о которых знал Л. Н. Толстой.

Фотографирование в отраженных инфракрасных лучах в левом нижнем углу на фрагменте дверного проема под реставрационной лессировкой обнаружило зеркальный отпечаток нескольких строк французского печатного текста. К датировке портрета текст отношения не имеет, т. к. лежит поверх более старых реставрационных тонировок.

Исследование люминисценции, возбуждаемой облучением фильтрованными ультрафиолетовыми лучами, показало наличие неравномерного лакового слоя и большого

количества разновременных реставрационных тонировок.

Сличение рентгенограмм с фотографиями, фиксирующими люминесценцию, и результатами фотографирования в отраженных ультрафиолетовых лучах показало, что, кроме тонировок, восполняющих утраты авторского красочного слоя, имеются многочисленные записи, лежащие поверх оригинальной живописи»[14].

В семье Толстых с портретом Т. Г. Горчаковой были связаны предания и легенды. «Этот портрет,— говорил С. Л. Толстой,— мне и моим братьям в детстве внушал страх. Сестра Таня даже уверяла, что у нее /Морткиной.— *Н. П.*/ в темноте светятся глаза»[15]. В дневнике А. А. Цурикова за 1898 г. записано: «В зале портрет монахини Морткиной, и ее все боятся, потому что она, по местному преданию, выходит из рамы и ходит по дому. Илья ее боится серьезно и один /!/ ни за что туда не пойдет»[16].

В начале 1879 г. Толстой работает над оставшейся неоконченной повестью «Труждающиеся и обремененные», в которой основными действующими лицами являются представители рода Горчаковых, в том числе прадед Толстого Н. И. Горчаков, его мать Т. Г. Горчакова, рожденная Морткина, под вымышленным именем Мавры Ивановны, в монашестве Амфилогии. Толстой, собирая семейные предания и материалы, проявляет исключительный интерес к родословной своих предков. В яснополянской библиотеке сохранились книги, которые привлекли внимание писателя в период его работы над повестью. Об этом свидетельствуют его собственноручные пометы в изданиях: «Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым», в 3-х частях, Спб., 1854—1856[17]; «Русская родословная книга», составленная А. Б. Лобановым-Ростовским /первое анонимное издание/, Спб., 1873 . Толстой обращался также за различными справками о представителях рода Горчаковых ко многим

лицам, в том числе к А. А. Толстой, Н. Н. Страхову и другим. Его интересуют отдельные представители этого рода, в том числе Т. Г. Горчакова и подробности ее жизни. «Еще нельзя ли узнать у князя Александра Михайловича,— пишет Толстой,— как звали в миру его прабабку, а мою прапрабабку, урожденную княжну Мордкину /Морткину.— *Н. П.*/, и в каком монастыре она была инокинею и под каким именем. У меня есть ее портрет...»[18].

В письме от 23 марта 1879 г. М. Н. Николаев сообщает Толстому: «О Горчаковой, постригшейся в монахини, узнал только то, что ее звали в мире Татьяна Григорьевна, дочь Григория Федоровича Мордкина (Морткина— *Н. П.*)»[19].

Прошло более 80 лет с тех пор, когда Толстой интересовался родословной своих предков, но только теперь мы располагаем некоторыми сведениями, позволяющими уточнить данные о тех из них, которых писатель хотел изобразить в своей повести.

II

В Яснополянском доме-музее хранится портрет сына Т. Г. Горчаковой, прадеда Толстого секунд-майора в отставке Николая Ивановича Горчакова /1725—1811/. Он изображен ниже колен, сидящим за столом в глубоком кресле с зеленой обивкой. Обе руки лежат на столе, и около них два больших белых платка. На мизинце правой руки — тонкое обручальное кольцо. Седые, зачесанные назад волосы, полное бритое лицо, глаза полузакрыты. Одет в сюртук с большими отворотами, короткие панталоны, черные чулки, из-под рукавов выпущены белые манжеты. Фон — зеленый занавес с кистями, справа — белые колонны. Портрет работы неизвестного художника, холст, масло /135×100/. Об этом портрете говорится в описи вещей: «Самый большой портрет в княжеской золоченой раме; в которой раньше был утрачен-

ный портрет /вымышлен[ного] князя Михаила Черниговского/ — портрет кн. Николая Ивановича Горчакова»[20].

Портрет был экспонирован в 1905 г. на выставке в Таврическом дворце [21], о чем свидетельствует сохранившийся билет на раме: «Историческая выставка портретов... **Портрет Николая Ивановича Горчакова** работы /не заполнено.— *Н. П.*/. Собственность **гр. Толстого Льва Николаевича, Тульская губ. Моск-Курской ж. д., ст. Засека, Сельцо Ясная Поляна»** /подчеркнутое — рукою С. А. Толстой/.

О личности Н. И. Горчакова в семье Толстых бытовали рассказы, передававшиеся из одного поколения в другое. «Рассказывали про него,— вспоминал И. Л. Толстой,— что он был очень богат и очень скуп. Он любил считать деньги и целыми днями пересчитывал свои ассигнации.

А когда ослеп, он заставлял одного из своих приближенных, которому одному только доверял, приносить к нему заветную шкатулку красного дерева, отпирал ее своим ключом и на ощупь снова и снова пересчитывал старые, мятые бумажки.

А в это время доверенный его незаметно выкрадывал деньги и на их место клал газетную бумагу. И старик перебирал эту бумагу тонкими, трясущимися пальцами и думал, что он считает деньги»[22].

Как говорилось выше, в период работы над повестью «Труждающиеся и обремененные» Толстой проявляет большой интерес к родословной Горчаковых. В этой повести он говорит о своем прадеде: «Князь Николай Иванович Горчаков был старший сын князя Ивана Федоровича, сына князя Федора Васильевича, сына Василия Дмитриева, сына Дмитрия Петровича, сына Петра Ивановича, сына Ивана Федоровича князя Перемышельского, по прозванию Горча́ка, и был старший в роде древнего и знаменитого рода князей Горчаковых Черниговских. Князь Николай Иванович... был записан в Преображен-

ский полк. Но не имея охоты к службе, он /ненавидя немцев/, по смерти своего родителя... вышел в отставку секунд-майором, разделился с братьями, женился и переехал из Петербурга в доставшуюся ему по разделу с братьями вотчину село Вяземское»[23].

Мы можем предположить, что портрет был написан с Н. И. Горчакова в 1805—1811 гг., в последние годы его жизни, крепостным живописцем в Никольском-Вяземском. На нем он изображен пожилым человеком, потерявшим зрение. В Ясную Поляну, вероятно, портрет поступил с другой горчаковской мебелью[24] из Никольского от дочери Горчакова, бабушки Толстого, П. Н. Толстой.

«Моя бабушка, Пелагея Николаевна,— пишет Толстой,— была дочерью слепого князя Горчакова, имевшего большое состояние».

П. Н. Горчакова была замужем за дедом Толстого по отцовской линии Ильей Андреевичем Толстым /1757 — 1820/.

Его портрет также сохранился. И. А. Толстой изображен в светло-синей бархатной шубе с темным меховым воротником и опушкой по борту, белым батистовым жабо, высоким, серым, завязанным бантом галстуке, белых воротничках. Лицо бритое. Каштановые редкие волосы, зачесанные наперед. Фон — темный, зеленоватый, более светлый справа от изображения.

Портрет работы неизвестного художника, холст, масло /77×63/.

На подрамнике билет: «Историческая выставка портретов 1905. Портрет: **Графа Ильи Андреевича Толстого, деда Льва Николаевича, Тульской губ., Моск.-Курской ж. д. Ст. Засека, сельцо Ясная Поляна»** /подчеркнутое — рукою С. А. Толстой/[25].

Бригадир и тайный советник, И. А. Толстой был правнуком родоначальника рода графов Толстых — Петра

Андреевича. Л. Н. Толстой писал о своем деде, что он был, «как я его понимал, человек ограниченный, очень мягкий, а главное доверчивый». Говоря о фамильных портретах в яснополянском доме, И. Л. Толстой вспоминал:

«Они были немножко страшные, и я их сначала тоже боялся, но потом мы привыкли к ним, и одного из них, моего прадеда Илью Андреевича Толстого, я даже полюбил, потому что говорили, что я на него похож.

У него было очень добродушное, толстое лицо. Про него папа рассказывал по преданиям, что он посылал стирать белье за границу, был страшный хлебосол, веселый и щедрый, на своем веку прожил огромное состояние»[26]. Таков же в «Войне и мире» Илья Андреевич Ростов.

III

Наряду с портретами предков Толстого со стороны отца, сохранились портреты предков и по материнской линии.

На них изображены бабка и дед писателя: Екатерина Дмитриевна Волконская, рожденная Трубецкая /1749 — 1792/[27], и ее муж Николай Сергеевич Волконский /1753 — 1821/.

Несмотря на позднейшую реставрацию, в этих парных портретах с первого взгляда заметна кисть большого мастера. Ряд характерных живописных особенностей дает возможность приписывать портреты позднему творчеству Ф. С. Рокотова. Они написаны на холстах овальной формы и имеют приблизительно одинаковые размеры: портрет Е. Д. Волконской — 72×55,5 см /часть овала срезана/, портрет Н. С. Волконского — 73×56 см.

Е. Д. Волконская изображена в белом платье с голубым поясом и зеленоватой пелериной, сверх которой надет дымчатый газовый шарф, завязанный спереди большим бантом. Шея открытая. Волосы завитые и напудренные.

Фон темный. Портрет написан на холсте овальной формы и наклеен на четырехугольную дубовую доску, углы которой записаны в цвет фона. В нижней части доски дописано продолжение рук /запись поздняя/. Холст внизу не доходит до края доски, вверху при наклейке часть овала срезана. Портрет многократно реставрировался, и на нем имеются более поздние многочисленные записи. На обороте доски частично сохранился билет исторической выставки портретов 1905 г. В каталоге выставки портретов упомянут в отделе, посвященном творчеству Рокотова /?/. Он приписывается этому художнику также в ряде изданий[28].

Портрет Н. С. Волконского в молодости, о котором упоминалось выше, как о парном портрете к избражению Е. Д. Волконской, остается до сих пор малоизвестным и почти не изученным специалистами[29]. По всей вероятности, портреты супругов Волконских были написаны вскоре после их свадьбы в начале 1780 г. Видимо, к этому же времени относится и портрет отца Е. Д. Волконской, прадеда Л. Н. Толстого — Дмитрия Юрьевича Трубецкого[30]. Можно предположить, что известная в Москве семья Трубецких входила в круг знакомых Рокотова.

На этом поясном портрете Н. С. Волконский изображен в зеленом кафтане с красным бортом, в красном камзоле, на шее — белый высокий галстук и белое жабо. Лицо — бритое, темные глаза, широкие черные брови, прямой нос, сжатые губы. Волосы — пудреные, в буклях.

Портрет, так же, как и предыдущий, пострадал от времени и подвергался неоднократной реставрации. При последней реставрации в октябре 1951 г. художником-реставратором А. Д. Кориным было произведено закрепление всего красочного слоя с расчисткой от заделок, закрывающих оригинальную живопись /особенно лицо/.

На подрамнике внизу бумажная наклейка с надписью

рукою С. А. Толстой: «Князь Николай Сергеевич Волхонский (Волконский.— *Н. П.)*, дед гр. Л. Н. Толстого по матери. В молодости».

В «Воспоминаниях» Толстой пишет, что Н. С. Волконский был «умный, гордый, даровитый человек... Когда вышел в отставку и, женившись на княжне Екатерине Дмитриевне Трубецкой, поселился в полученном от своего отца Сергея Федоровича, имении Ясная Поляна.

Княгиня Екатерина Дмитриевна рано умерла, оставив моему деду единственную дочь Марию»[31].

Некоторые черты жизни и характера своего деда Толстой, как известно, воспроизвел в романе «Война и мир» в образе князя Николая Андреевича Болконского. Даже наружность князя, изображенная Толстым в одном из черновых текстов «Войны и мира», напоминает характерные особенности Волконского, так ярко выраженные в его портретах: «Князь был свеж для своих лет, голова его была напудрена, частая борода синелась, гладко выбрита. Батистовое белье манжет и манишки было необыкновенной чистоты. Он держался прямо, высоко нес голову, и черные глаза из-под густых, широких, черных бровей смотрели гордо и спокойно над загнутым сухим носом, тонкие губы были сложены твердо»[32].

По технике исполнения портрет Н. С. Волконского очень близок к портрету Е. Д. Волконской, приписываемому позднему Рокотову. Вопрос об авторстве портрета Н. С. Волконского остается пока открытым. Видимо, требуются дополнительные изыскания со стороны исследователей творчества Ф. С. Рокотова, чтобы окончательно установить, им ли написано это полотно.

IV

Портреты предков Толстого, являющиеся экспонатами Яснополянского музея-усадьбы, представляют собой

большую историческую ценность. Прежде всего, они ценны как фамильные портреты представителей рода Толстых, сыгравших в свое время определенную историческую роль в судьбах России. Для Толстого эти портреты были значительны еще и потому, что дали ему первое представление об облике лиц, послуживших прототипами ряда персонажей исторических произведений писателя. Во многих творениях Толстого пробивается автобиографическая струя, в которую неизменно вплетались семейные предания. Все это усиливало и оживляло те художественные черты и образы, которые легли в основу таких опытов исторического романа, как незаконченное произведение «Труждающиеся и обремененные», не говоря уже о «Войне и мире», для которого образы Н. С. Волконского и И. А. Толстого были отправными, когда писатель создавал такие замечательные персонажи романа, как старый князь Болконский и старый граф Ростов.

Таким образом, описанные выше портреты имеют прямое отношение к художественному творчеству Л. Н. Толстого.

Опубл.: Яснополянский сборник.
Тула, 1962. с. 140—152.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об Аксинии Гавриловне сведений нет, даже пока неизвестна ее фамилия до замужества. Григорий Федорович Морткин из угасшего рода так называемых Рюриковичей, потомков князей Ярославских. Родословные родов Морткиных и Горчаковых см. в кн.: Петров П. Н. История родов русского дворянства. Спб., 1886. Т. I, с. 77—81; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1—2. Князья Черниговские. Спб., 1906, с. 462. 515.

[2] Толстая С. А. Опись (1914—1918 гг.), л. 11. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[3] Упоминание о продаже дома см.: Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Спб., 1906, т. 1, с. 461. Впоследствии этот дом в Кривом переулке в приходе церкви Николая, что в Гнездниках, принадлежал И. А. Толстому, который был женат на внучке Т. Г. Горчаковой — Пелагее Николаевне (жена И. А. Толстого). Дом сгорел со всем имуществом в 1812 г.

[4] ЦГИА УССР, ф. 127, оп. 1024, д. 1630, л. 68.

[5] Там же, ф. 128, оп. 1, д. 266, л. 2.

[6] Там же, л. 1.

[7] Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры. Киев, 1805, с. 256—257.

[8] Можно допустить, что С. А. Толстая цифру «6» приняла за «0», и портрет мог быть написан в 1765 г.

[9] В заключении об исследовании портрета в Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской им. академика И. Э. Грабаря в 1960—1961 гг. говорится: «Фотографирование в отраженных инфракрасных лучах подтвердило наблюдения в отношении ряда записей, не обнаруженных другими методами. В частности, выявляется иной рисунок деталей интерьера. Выявленные детали обрамления двери и окон, предположительно датируемые 10—20 годами XVIII века, дают основание полагать, что датировка портрета второй половиной XVIII века более вероятна, нежели отнесение его к первым годам XVIII века». Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[10] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 468.

[11] Каталог... Спб., 1905, вып. V, № 1399, с. 54.

[12] Дело № 16-а — 135, л. 116. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[13] Топографическая картотека экспонатов дома-музея 1939—1940 г. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[14] Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[15] Из разговоров с С. Л. Толстым. Записи Н. П. Пузина. Рукопись. Архив автора.

[16] Неопубликованный дневник за 1898 г. А. А. Цурикова. Машинопись. Архив А. И. Толстой-Поповой.

[17] Эта книга была приобретена Толстым в 1874 г. через книгопродавца И. Г. Соловьева за 10 руб. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 17, с. 634.

[18] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 468.

[19] Там же, т. 17, с. 695.

[25] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 11. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[21] Каталог... Спб., 1905, вып. III, № 585, с. 26.

[22] Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1914, с. 30.

[23] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 17, с. 312.

[24] Изображенный на портрете столик, за которым сидит Н. И. Горчаков, сохранился и находится теперь в ГМТ.

[25] Каталог... вып. IV, № 1021, с. 67.

[26] Толстой И. Л. Мои воспоминания, с. 29.

[27] Повторение портрета Е. Д. Волконской находится в Государственном Русском музее в Ленинграде.

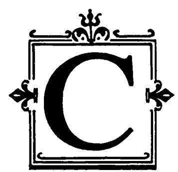
[28] Каталог... вып. III, № 520, с. 14; Врангель Н. Н. Ф. С. Рокотов.— Старые годы, 1910, апр., с. 11, 16; Лапшина Н. Федор Степанович Рокотов. М.: Искусство, 1959, с. 69.

[29] Широко известен и многократно воспроизводился в различных изданиях портрет Н. С. Волконского в старости работы неизвестного художника, также находящийся в доме-музее.

[30] Собрание Д. Д. Благого (Москва), теперь ГМТ.

[31] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 34, с. 351.

[32] Там же, т. 13, с. 81.

ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА В ДОМЕ-МУЗЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

I

Среди множества разнообразных вещей и предметов в доме Толстого большой интерес представляют произведения изобразительного искусства, непосредственно относящиеся к Толстому, членам его семьи и к Ясной Поляне. Продолжая начатое нами описание мемориальных предметов дома-музея, мы ниже даем краткую историю только живописных и скульптурных произведений[1].

На первом месте среди находящихся здесь произведений искусства следует поставить портрет Толстого работы И. Н. Крамского.

В 1873 г., в период работы Толстого над «Анной Карениной», художник одновременно писал в Ясной Поляне два портрета. Один находится в Государственной Третьяковской галерее, другой был выбран Толстым для себя. Оба портрета воспроизводят натуру почти в одном и том же положении[2].

На яснополянском варианте Толстой изображен сидящим в кресле с гнутыми локотниками, положив левую руку на правую. Руки лежат на коленях. Писатель одет в темно-серую блузу и серо-коричневые брюки. В правом нижнем углу коричневой краской сделана надпись: «Крамской, 1873». Размер 104×77, холст, масло.

На подрамнике наклеен билет: «Историческая вы-

ставка портретов 1905. Портрет графа **Льва Николаевича Толстого.** Работа Крамского. Собственность **гр. Толстого Льва Николаевича. Тульской губ. Моск.-Курской ж. д. ст. Засека. Сельцо Ясная Поляна»**[3]. / Подчеркнутое — рукою С. А. Толстой./

Вспоминая, как работал И. Н. Крамской над портретами, С. А. Толстая в неопубликованных записках «Моя жизнь» писала:

«Несколько раз пытался Крамской исполнить желание Третьякова, но Лев Николаевич упорно отказывал. Наконец, сам Крамской приехал и очень понравился Льву Николаевичу. Лев Николаевич согласился, но позировать не обещал и, кроме того, поставил условие, что Крамской напишет копию для нас за плату, которую сам назначит.

«Нет, я копии писать не могу, мне легче написать два портрета»,— говорил Крамской, и так и сделал. По окончании двух портретов он предложил мне выбрать тот, который мне больше нравится, и за портрет взял сравнительно очень маленькое вознаграждение»[4].

Сеансы происходили в Ясной Поляне почти ежедневно с 6 сентября по 3 октября. Общение Толстого с Крамским оставило, несомненно, большой след в душе обоих художников. Между ними возникали разговоры, а порой и споры по различным вопросам, в том числе по проблемам искусства.

«Помню, войду я в маленькую гостиную,— вспоминает Софья Андреевна,— посмотрю на этих двух художников, один пишет портрет Толстого, другой пишет свой роман «Анну Каренину». Лица серьезные, сосредоточенные, оба художники настоящие, большой величины, и в душе моей такое к ним чувствовалось уважение...»[5].

Современники указывали, что художник Михайлов в «Анне Карениной» «похож на Крамского»[6].

Портреты получили признание как у самого Толстого, так и у членов его семьи.

14 сентября 1873 г. Софья Андреевна писала сестре, что оба портрета «замечательно похожи, смотреть страшно даже...»[7]

Впоследствии, в 1885 г., Толстой говорил: «Я помню, когда Крамской окончил мои портреты, был ужасно доволен и выставил их вот здесь в зале, прося меня самого выбрать, какой лучше. Я отвечал пошлостью, что не знаю своего лица. Он сказал: «Неправда, всякий лучше всех знает свое лицо». И в самом деле, в этом случае в человеке есть какая-то внутренняя интуиция — он знает свое лицо»[8].

Живописные достоинства обоих вариантов настолько велики, что нет необходимости отдавать предпочтение одному из них. Еще В. В. Стасов в 1887 г. писал: «Оба портрета Толстого вышли у него /Крамского.— *Н. П.*/ истинными шедеврами, неоценимыми изображениями великого русского писателя в эпоху средних его лет.

Талант, ум, оригинальный склад натуры, непреклонная сила воли, простота — ярко высказались в лице и позе этого великолепного портрета»[9].

Портрет Толстого работы И. Е. Репина 1887 г. является первым по времени изображением Толстого в блестящей галерее портретов и рисунков, созданных художником за долгие годы его знакомства и дружбы с великим писателем. На этом незаконченном портрете Толстой изображен сидящим за своим письменным столом в нижнем кабинете. В левой руке он держит небольшую перегнутую по корешку книгу. Внизу справа черной краской сделана подпись: «И. Репин. Ясная Поляна. 1887»[10]. Размер 105×85, холст, масло. На обороте холста наклеен билет: «Историческая выставка портретов. 1905. Портрет **графа Льва Николаевича Толстого.** Работы Репина /этюд/. Собственность **гр. Толстого Льва Николае-**

вича. Тульской губерн. Моск.-Курской ж. д. ст. Засека. Сельцо Ясная Поляна»[11]. /Подчеркнутое — рукою С. А. Толстой./

В августе 1887 г. Толстой пишет В. Г. Черткову: «У нас — завтра будет неделя — живет Репин и пишет мой портрет и отнимает у меня время, но я рад и очень полюбил его».

Софья Андреевна в дневнике записала: «Был художник Репин, приехал 9-го, уехал 16 в ночь. Он написал два портрета Льва Николаевича: первый он начал в кабинете, внизу, оставался им недоволен и начал другой наверху, в зале, на светлом фоне. Портрет удивительно хорош. Он пока у нас сохнет. Первый он кончил, на скорую руку, и подарил мне»[12].

Как известно, этим портретом Репин остался недоволен, говоря: «Нет воздуха и перспектива неверна». «Однако,— по свидетельству С. Л. Толстого,— в этом портрете глаза, острые небольшие серые глаза Льва Николаевича написаны так поразительно верно, как они не изображены ни на каком другом портрете Толстого,— того же Репина или других художников»[13].

На другом портрете работы Репина изображена старшая дочь Толстых — Татьяна Львовна, впоследствии вышедшая замуж за М. С. Сухотина. Татьяна Львовна изображена в рост. Она стоит, положив обе руки на инкрустированную спинку стоящего перед нею стула. Одета в черную шелковую блузу с высоким воротником и длинными пышными рукавами. На шее — нитка крупного жемчуга. Слева внизу черной краской сделана подпись: «И. Реп[ин]. ...1893». Размер 139×76, холст, масло.

На подрамнике и на обороте холста имеются три овальных штампа: «Б. Аванцо. Москва. Кузнецкий мост». На холсте вверху чернилами рукою С. А. Толстой написано: «Граф. Татьяна Львовна Толстая». На раме наклеен билет: «Историческая выставка портретов. 1905.

Портрет графини Татьяны Львовны Толстой (**замужестве Сухотиной**). Работы **И. Репина.** Собственность **гр. Льва Николаевича Толстого. Тульской губ. Моск.-Курской ж. д. Ст. Засека. Сельцо Ясная Поляна**»[14]. (Подчеркнутое — рукою С. А. Толстой.) Далее следует надпись чернилами рукою С. А. Толстой: «Гр. Татьяна Толстая. 1893 г.). Печатный ярлык, № 642.

«...Я просила Репина,— вспоминает Софья Андреевна,— написать портрет дочери Тани. Репин тотчас же согласился: он очень любил и ценил высоко нашу Таню, и взялся писать ее портрет за относительно дешевую цену, а именно за 800 рублей.

Сначала мне портрет нравился как картина, но сходства было мало. Но под конец явилось и сходство, и я очень люблю этот портрет. Помню, что Репин очень спешил в Петербург писать портрет наследника, и потому не мог кончить писать руки. Так эти руки и остались в виде набросков.

Когда я, положив в корзиночку 800 рублей все золотыми, подала их ему, Илья Ефимович Репин улыбнулся, взял корзиночку и сказал: «Меня графиня озолотила»...

Написал Репин Таню в пять сеансов и уехал в Петербург, выразив сожаление, что не может еще остаться, чтобы получше закончить портрет»[15].

В письмах к Т. Л. Толстой Репин многократно упоминает о недостатках в портрете. «Может быть, удастся мне будущей зимой просмотреть его и потрогать кое-где. Я уверен, что в нем много недостатков. Он так писан без оглядки, что, наверно, изобилует промахами, а особенно грубостью в общем»[16].

В другом письме Репин говорит: «Вы очень добры и снисходительны ко мне, хвалите эту работу. Мне бросилось в глаза так много недостатков, что я пришел в ужас.

Размер фигуры и головы слишком велик; написан так

сильно и размашисто, что изображение лезет из рамы. Надо отходить очень далеко, чтобы получить надлежащее впечатление. Голова несколько сужена и страдает неточностью рисунка. Но что делать, исправить этого уже нет возможности и лучше оставить так, как есть...»[17].

Портрет был написан с натуры в Хамовническом доме Толстых в Москве, но уже с 1894 г. всегда находился в Ясной Поляне. Дважды выставлялся на выставках: в Таврическом дворце (Петербург, 1905 г.) и на выставке И. Е. Репина в Москве (1936 г.) и Ленинграде (1937 г.).

Из произведений Н. Н. Ге в доме-музее имеются два полотна его работы, относящиеся к позднему периоду творчества художника. Это портрет С. А. Толстой с дочерью на руках (1886 г.) и портрет М. Л. Толстой, в замужестве Оболенской (1891 г.).

На первом С. А. Толстая изображена в рост, в черном закрытом платье, поверх которого надета черная накидка, отделанная мехом. На правой руке она держит девочку со светлыми волосами. На левой руке ее — кольцо с красным камнем. Фон — коричневый, более темный книзу. В правом нижнем углу черной краской сделана подпись: «Н. Н. Ге. 1886. Москва». Размер 127×77, холст, масло. На подрамнике вверху чернилами имеется надпись: «Гр. С. А. Толстая и дочь Саша». На раме наклеен билет: «Историческая выставка портретов. 1905. Портрет **графини Софьи Андреевны Толстой с дочерью Сашей.** Работы Н. Н. Ге. Собственность **гр. Льва Николаевича Толстого. Москва, Долго-Хамовнический пер. Соб. дом».** (Подчеркнутое — рукою С. А. Толстой). Ярлык, № 1879[18].

С. А. Толстая свидетельствует: «Большой портрет масляными красками гр. С. А. Толстой с дочерью Сашей; писан в Москве Ник. Ник. Ге. Прежде на том же холсте была написана гр. Соф. Андр. Толстая. Ге по этому порт-

рету в черном бархатном лифе написал портрет, говоря: «Я написал барыню, а она — мать»[19].

Портрет был написан, и очень вышел плох... Впоследствии сам Николай Николаевич Ге уничтожил этот портрет... и поставил меня позировать в каком-то халате с годовалой девочкой Сашей на руках. В то время, как он нас писал, как раз умер мой маленький Алеша, и я вся в слезах, расстроенная, должна была позировать, чтобы дать окончить портрет, который, как картина: мать с ребенком — вышла довольно красиво. Саша на нем очень похожа; но я опять настолько мало похожа, что меня спрашивали знакомые: «А это чей портрет, какой-нибудь вашей родственницы?» Близко поставленные глаза, не мое выражение и все не то»[20].

Об этом же портрете писала и Т. Л. Толстая: «Его желание / Н. Н. Ге.— *Н. П.*/ сделать мой портрет очень польстило мне, но мой отец попросил его, вместо моего, написать ему портрет моей матери... Моя мать была написана сидящей в кресле в бархатном платье с кружевами. Но раз утром Николай Николаевич пришел в столовую пить кофе и объявил нам, что портрет никуда не годится и что он его уничтожил.

— Это невозможно,— говорил он.— Сидит барыня в бархатном платье, и только и видно, что у нее сорок тысяч в кармане. Надо написать женщину, мать. А это ни на что не похоже...

Таким образом портрет этот был уничтожен и только через несколько лет написан другой. На нем моя мать изображена стоя, в черной накидке, с моей младшей сестрой Сашей...»[21].

На втором портрете работы Н. Н. Ге изображена дочь Толстых Мария Львовна, в замужестве Оболенская, которую художник очень любил и находился с ней в постоянной переписке.

На портрете М. Л. Толстая стоит, положив руки на

стол, находящийся позади нее. Одета она в белую блузу с высоким воротником и длинными рукавами. Фон — светлый, голубоватый. В левом нижнем углу черной краской имеется подпись: «Н. Ге. 1891». Размер 102×58, холст, масло. На раме наклеен билет: «Историческая выставка портретов. 1905. Портрет **графини Марии Львовны Толстой /ныне княгини Оболенской/**. Работы Н. Н. Ге. **Собственность гр. Толстого Льва Николаевича. Москва. Долго-Хамовнический пер. Собств. дом»**. /Подчеркнутое — рукою С. А. Толстой/[22].

Т. Л. Толстая писала о создании этого портрета: «Я начала раз при нем (Н. Н. Ге.— *Н. П.*) портрет сестры Маши для того, чтоб он на практике дал мне некоторые указания. Когда я его подмалевала, Ге подошел, посмотрел и не одобрил моей работы. «Ах, Таня, разве можно так писать? Надо вот так!» И взяв из моих рук палитру и несколько больших кистей, он переписал весь подмалевок. Потом он передал мне палитру и велел продолжать. Но начало было так хорошо, что мне не хотелось его портить, и мы попросили его кончить, что он и сделал»[23].

«Про портрет дочери нашей Маши,— вспоминает С. А. Толстая,— он (Н. Н. Ге.— *Н. П.*) говорил, что Таня пишет его не так, не по характеру сестры, в белом платье, барышней. Он закрасил черным белую юбку, оставив только кофточку, и все повторял: «Ведь Маша бедственная, такой ее и надо изобразить»[24].

Вскоре по окончании работы Н. Н. Ге писал П. И. Бирюкову: «Этот портрет я писал с большой любовью и радуюсь, что ты труд мой оценил. Положим, с такой умной, сильной и жизненной головки не трудно написать, но без любви к этим достоинствам никто не напишет. Вот почему мне и хочется поставить его на выставку, чтобы ясно указать недостаточность сторонников исключительно материальности»[25].

Портрет М. Л. Толстой экспонировался в 1891 г. на

XIX передвижной выставке в Петербурге и Москве[26].

Живя в Москве, Л. Н. Толстой обратился к В. А. Серову с просьбой написать портрет его жены. Художник принял предложение и в апреле — мае 1892 г. в Хамовническом доме писал С. А. Толстую. На портрете она изображена в черном платье, на голове — кружевная с красным наколка. Софья Андреевна сидит в кресле, кисть ее левой руки свисает с локотника, в правой она держит черепаховый лорнет, надетый на золотую цепочку. Фон портрета — светлый. В правом нижнем углу черной краской сделана подпись: «92. В. Серов». Размер 112×92, холст, масло. На подрамнике наклеен билет: «Историческая выставка портретов. 1905. Портрет **графини Софьи Андреевны Толстой.** Работы **В. Серова.** Собственность **гр. Толстого Льва Николаевича. Тульской губ. Моск.-Курской ж. д. ст. Засека. Сельцо Ясная Поляна»**[27]./Подчеркнутое — рукою С. А. Толстой./ Слева — второй билет, заполненный неизвестным почерком: «Автор Серов... кн. (так в тексте.— *Н. П.)* С. А. Толстая, масло. Собственность: кн. (так в тексте — *Н. П.)* С. А. Толстая. Ясная Поляна, собств. имение, № 111. Тип. Сириус» /часть билета истлела/.

С. А. Толстая в письмах из Москвы к мужу говорит о работе В. А. Серова над портретом:

23 апреля 1892 года: «Очень долго приходится позировать, часа по три непременно, но портрет очень хорош».

28 апреля: «Прождала напрасно Серова, он не пришел, а портрет после 12 сеансов далеко не готов, ужасно надоело сидеть по три часа».

29 апреля: «Провела день скучно: утро в банках, днем позировала, вечер держала корректуру твоего отчета».

14 мая: «Я опять позировала 4 часа, и мне это очень надоело. Завтра, вероятно, портрет будет кончен»[28].

В письме от 15 апреля 1892 г. Т. Л. Толстая писала И. Е. Репину: «Серов приходит каждый день писать ма-

ма́, и дело идет хорошо. Я думаю, дней через пять портрет будет кончен и будет хорош, если он ничего не испортит»[29].

В своих записках «Моя жизнь» С. А. Толстая говорит: «Лев Николаевич заказал художнику Валентину Серову мой портрет масляными красками. Я позировала почти ежедневно, и портрет, начатый прекрасно, Серов потом испортил. Да и позу он мне, живой, бодрой, придал какую-то мне не свойственную, развалившуюся. Всех было 19 сеансов. И когда Серов решил, что портрет окончен, он просил дать ему 800 рублей, вместо вперед уговоренных 600 рублей. Это показалось нам странно и неделикатно»[30].

И. Э. Грабарь справедливо пишет: «Портрет корректный, деловой, но не увлекающий, как не увлекла Серова и сама модель»[31].

В 1894 г. портрет экспонировался на XXII передвижной выставке в Петербурге и Москве. В 1914 г. он был выставлен на посмертной выставке произведений В. А. Серова.

Сын Серова, Георгий Валентинович, приезжал в Ясную Поляну и, как писала С. А. Толстая, «увез на выставку мой портрет работы его отца»[32].

В 1935 г. портрет экспонировался на выставках в Государственной Третьяковской галерее и в Государственном Русском музее.

В 1966—1967 гг. портрет был выставлен на Толстовской выставке в Токио и Осака /Япония/, в 1967—1968 гг.— на Толстовской выставке в Праге и Братиславе /Чехословакия/.

В портретной галерее дома-музея имеются также живописные портреты работы малоизвестных художников. К ним относятся: портрет Т. Л. Толстой, написанный Ю. И. Игумновой, и портрет М. Л. Толстой, выполненный ее сестрой Т. Л. Толстой.

Обе художницы учились одновременно в училище живописи, ваяния и зодчества, где и познакомились. Ю. И. Игумнова с 1900 г.— друг семьи Толстых. Она была переписчицей у Л. Н. Толстого, а также ухаживала за ним во время его болезни в 1901—1902 гг.

На портрете работы Ю. И. Игумновой Т. Л. Толстая изображена лежащей в постели, на двух высоко положенных белых подушках. Одета в белое ночное платье с длинными рукавами и отложным воротником. Правая, сжатая в кисти, рука лежит у пояса. Каштановые пышные волосы зачесаны вверх и заколоты высоким гребнем. Фон слева — темно-красный, справа — светлый, голубоватый. Подпись коричневой краской в правом нижнем углу: «Т. Толстой — Ю. Игумнова, 98». Размер 46×57, холст, масло.

В описи вещей яснополянского дома, составленной в 1918 г. С. А. Толстой, записано: «Над кроватью Льва Николаевича — портрет Тани Толстой во время ее болезни. Работа Игумновой, масляными красками»[33].

В неопубликованном письме Т. Л. Толстой к Ю. И. Игумновой от 10 ноября 1898 г. из Ясной Поляны говорится: «Этюда с меня я не послала вам потому, что он был у Грабье, который делал на него рамку. Теперь он с рамкой прислан сюда и мне не хочется опять его посылать»[34].

Портрет был повешен в спальне над постелью Л. Н. Толстого. «Смотрю на твой милый портрет над собой и по лицу твоему вижу, что минутами ты можешь понять... и найти утешение, а минутами чувство возьмет верх и ты будешь страдать»,— писал Толстой дочери из Ясной Поляны 31 декабря 1902 г.

Кроме нескольких портретов и рисунков с Толстого и членов его семьи, Ю. И. Игумновой в Ясной Поляне было сделано множество изображений разных домашних животных, особенно лошадей. На одном из этюдов ее ра-

боты написана лошадь по кличке Тарпан, на которой ездил Толстой.

Лошадь — белой масти с серыми ногами, неоседланная, на фоне деревьев с желто-зеленой листвой. Без подписи. Размер 33×26, картон, масло. На обороте монтировки наклеен большой кусок белой бумаги с надписью чернилами рукою С. А. Толстой: «Лошадь графа Льва Николаевича Толстого Тарпан, написанный Юлией Ивановной Игумновой и подаренный гр. Соф. Андр. Толстой. Белая лошадь Льва Ник.— Тарпан — писала Юл. Ив. Игумнова»[35].

«В Ясной Поляне всегда царила любовь к искусству,— вспоминает скульптор И. Я. Гинцбург,— уважение к художникам и их работе... Душою художников, их постоянным покровителем была Татьяна Львовна; она сама серьезно и успешно занималась живописью, как ученица и большая поклонница таланта Репина»[36].

Портрет М. Л. Толстой написан Т. Л. Толстой, вероятно, в 1890 г. Мария Львовна изображена на нем в белом платье с широким отложным воротничком, лежащим мягкими складками. Каштановые волосы зачесаны без пробора. Голубые глаза. Фон — светлый, голубоватый. Без подписи. Размер 56×40, холст, масло. На обороте холста написано чернилами: «Принадлежит князю Николаю Леонидовичу Оболенскому. 1 июля 1907 года». Ниже рукою С. А. Толстой: «Подарено графу Льву Николаевичу Толстому».

Софья Андреевна свидетельствует: «Портрет масляными красками дочери Маши Оболенской, работы ее сестры Тани»[37].

И. Е. Репин высоко ценил талант Т. Л. Толстой и говорил ей: «Не бросайте живописи. Голова Марии Львовны и другие этюды Ваши представляют такое большое уменье, которому позавидуют многие из профессиональных художников»[38].

Среди живописных произведений в доме Толстых сохранился и ряд пейзажей и натюрмортов, выполненных И. П. Похитоновым, Н. А. Касаткиным, Е. Ф. Юнге, С. А. Толстой.

В конце февраля 1895 г. семью Толстых постигло большое горе: умер любимый младший сын Иван. «Тотчас же после похорон,— сообщает С. А. Толстая,— художник Касаткин приехал на могилу, когда уже все разъехались, и набросал два этюда с свежей могилы. Один подарил мне, другой Тане, написав при этом очень милое, сердечное поэтическое письмо с любовью к Ваничке, которого назвал «прозрачным»[39].

На этюде изображена часть кладбища. В центре — обнесенные простой железной решеткой две могилы, на левой — красные цветы с зелеными листьями. На первом плане — обнаженное дерево. В глубине — поля и лес. Земля покрыта снегом. Подпись в правом нижнем углу коричневой краской: «5. М. 95, Н. К. ...» Размер 21,5×35,5, холст, наклеенный на картон, масло. На обороте — надпись рукою С. А. Толстой: «Могилы детей моих: Алеши и Ванички, набросок тотчас после похорон Вани, сделал Н. А. Касаткин. С. Толстая».

Два этюда художника И. П. Похитонова были написаны им в Ясной Поляне летом 1905 г. На одном изображено «место, где зарыта зеленая палочка» в лесу в Старом Заказе, а на другом — дубы в Чепыже. Первый сюжет: дорога в лесу, с наполненными водой рытвинами. Слева от дороги — две группы деревьев, за которыми видны верхушки растущих в овраге деревьев. Справа на первом плане — тонкий ствол березы. Подпись справа внизу коричневой краскою: «И. Похитонов». Размер 15,5×23,5, дерево, масло.

Второй сюжет: на зеленой поляне — группа деревьев. Слева — два отдельно стоящих дуба, а в центре и справа — по два растущих рядом дуба. В глубине — синева-

тый лес. Подпись справа внизу коричневой краской: «И. Похитонов». Размер 14,5×19, дерево, масло.

По свидетельству Д. П. Маковицкого, И. П. Похитонов в Ясной Поляне «пробыл три недели, написал шесть-семь картинок, которые всем понравились. Софье Андреевне подарил один пейзаж, довел ее до восхищения: изображение части леса, где зарыта зеленая палочка. Это место показал ему Л. Н. Похитонов — приятный добряк. Л. Н. говорил, что он как настоящий художник, имея перед собой идеал, стремится все к большему и большему совершенствованию своих работ»[40]. С. А. Толстая писала: «Две картины масляными красками Похитонова: одна, где теперь похоронен Л. Ник., другая — в лесу Чепыж, где меня под этим дубом застала сильная гроза, а я оберегала маленького Сережу, лежащего в тележке (описано в «Анне Карениной», Кити в Колке)»[41].

В неопубликованном письме Ю. И. Игумновой к Т. Л. Сухотиной из Ясной Поляны от 30 июня 1905 г. мы читаем: «Как жаль, что ты не видишь художника, который сейчас живет у нас — Похитонов. Такой симпатичный и так хорошо пишет. Он сделал дом, въезд на прешпекте... для Софьи Андр. место, где зарыта зеленая палочка, для Льва Николаевича аллею с фигурой Л. Н. вдали и террасу и все так хорошо, что не знаю, что лучше... Славный человек, очень интересный»[42].

Из двух бывших в семье Толстых крымских этюдов-пейзажей работы художницы Е. Ф. Юнге сохранился один, другой был похищен в 1941 г. во время немецкой оккупации Ясной Поляны.

Екатерина Федоровна Юнге — дочь Федора Петровича Толстого, известного художника-медальера, вице-президента Академии художеств, Л. Н. Толстому она доводилась троюродной сестрой. Неоднократно посещала Толстых в Ясной Поляне и в Москве.

На пейзаже изображен справа склон горы с тремя

соснами. Слева — долина. В глубине — группа кипарисов, море и горы. Без подписи. Размер 28,5×20,5, холст, наклеенный на картон, масло.

«Два крымских вида, подарок Ек. Фед. Юнге»[43],— сообщает С. А. Толстая в описи вещей дома.

С конца 1890-х годов С. А. Толстая стала заниматься живописью. Об этом она говорит в автобиографии: «Никогда не учившись живописи, но любя ее как всякое искусство, я страшно волновалась и работала целыми днями... часто и ночами...

Впоследствии я пыталась писать с натуры пейзажи и цветы, но сильная близорукость мешала мне во многом. Последними попытками были рисунки акварелью всей яснополянской флоры и всех грибов яснополянских лесов»[44].

Ниже мы даем описание всех этюдов, выполненных С. А. Толстой с натуры в Ясной Поляне.

1. Средний пруд в парке.

На первом плане — узкая полоса берега и пруд, на котором купальня /справа/. В глубине — конец березовой аллеи. Время года — осень, желтеющие листья на деревьях. Подпись в правом нижнем углу белой краской: «С. Толстая. 1905». Размер 22,5×29, холст, натянутый на картон, масло. В описи 1918 г. записано: «С среднего пруда, работа Соф. Андр.»[45].

2 Флигель Кузминских /теперь Литературный музей/.

На этюде изображен боковой фасад флигеля, зарисованный зимой, при свете заходящего солнца. Подпись в правом нижнем углу серой краской: «1906. С. Толстая». Размер 17×22, холст, наклеенный на картон, масло. В описи 1918 г. мы читаем: «...ее же, С. А. Толстой, работы: два вида флигеля»[46].

3. Пейзаж — этюд.

Часть парка перед домом и «Прешпект» зимой. Под-

пись в правом и левом нижних углах голубой краской: «Март... С. Толстая». Размер 15×22, дерево, масло. В описи: «ее же, С. А. Толстой, работы. Вид из залы в окно. Масл. красками»[47].

4. Натюрморт.

Шесть белых грибов среди мха и травы. Подпись в правом нижнем углу голубой краской: «С. Толстая». Размер 14×18, картон, масло.

5. Натюрморт.

Белые грибы. Два больших и один маленький, растущих вместе, среди травы. На первом плане — два пожелтевших дубовых листа и желудь. Подпись в нижнем правом углу голубой краской: «С. Толстая». Размер 18,5×22, картон, масло. В описи: «ее же, С. А. Толстой, два рисунка грибов»[48].

6. Этюд.

Мухоморы на лесной поляне. Слева — обнаженное дерево, справа — лес с желтеющими листьями. Подпись в правом нижнем углу черной краской: «С. Толстая. 1905 г.» Размер 27×19, картон, масло. В описи указано: «ее же, С. А. Толстой, работы. Рисунок с мухоморов. Масляными красками»[49].

7 Этюд.

Цветы, белые гиацинты и лиловые крокусы, в круглой толстой корзине. Фон — темный. В правом нижнем углу белой краской нанесена надпись: «С. Толстая. 1905». Размер 22×25,5, картон, масло.

8. Этюд.

Розовые и красные розы на круглой клумбе, окаймленной ивовыми прутьями. Спереди и по бокам клумбы — трава. Фон — голубоватый. Без подписи. Размер 21×17, картон. Масло. На обороте этюда чернилами рукой С. А. Толстой написано: «Писала с натуры С. А. Толстая». В описи указано: «Ее же, С. А. Толстой, работы. Два рисунка цветов»[50].

9. М о г и л а Л. Н. Т о л с т о г о.

Могила окружена деревянной изгородью. На деревьях внутри изгороди висят пожелтевшие венки. На могильном холме — цветы. В правом нижнем углу коричневой краской написано: «С. Толстая». Размер 18×26,5, холст, наклеенный на картон, масло. На обороте этюда чернилами рукою С. А. Толстой нанесено: «Могила гр. Льва Николаевича Толстого. Лето 1911 г. Писала гр. С. А. Толстая». В описи указано: «С могилы Льва Ник. первое время написала Соф. Андр. масл. красками»[51].

Старшая внучка писателя А. И. Толстая-Попова вспоминает: «Она /С. А. Толстая.— *Н. П.*/ ходила с масляными красками зарисовывать пруд. аллею, грибочки, травки, цветочки, дом...»[52].

Еще в начале 1860-х годов Л. Н. Толстой находил у жены «способность к рисованию и хотел взять учителя, но это не удалось и художественный талант С. А. так и остался без развития»[53].

Из живописных работ иностранных мастеров в доме имеется только одно полотно члена Общества британских художников в Лондоне Г. Т. Шефера «Жена солдата».

На нем в профиль изображена молодая женщина с белокурыми волосами в черном платье, откидывающая красный занавес с окна. На улице видно шествие со знаменами. Размер 33×26, холст, масло. На подрамнике чернилами написано: «The soldiers wife by Henry Thomas Schäfer... Birmingam, 1907». С. А. Толстая записала в «Описи вещей Большого дома» в 1918 году: «Картина в золоченой рамке «Протест войне», присланная к юбилею Льва Николаевича ему в подарок из Англии в 1908 году»[54]. Ю. А. Якубовский в своих воспоминаниях писал: «Юбиляру англичанин прислал старинную реставрированную картину немецкого художника. Когда вскрывали картину, кто-то в шутку высказал предположение, нет ли бомбы»[55].

II

Из памятников древнерусского искусства в комнате С. А. Толстой сохранилось несколько старинных икон и множество разнообразных образков, принадлежавших предшествующим поколениям семей Толстых и Горчаковых, которые переходили из поколения в поколение. На некоторых из них на обороте есть надписи, сделанные разными лицами, как, например, на образке «Льва, папы Римского» надпись черными чернилами: «Графу Льву благословение бабушки». На образке «Богоматерь», на обороте наклеен лист бумаги с надписью черными чернилами рукою С. А. Толстой: «Благословение тетеньки Татьяны Александровны Ергольской гр. Льву Николаевичу, когда он уезжал на войну. Она просила, чтоб икона эта всю жизнь всегда сопровождала гр. Льва Николаевича Толстого. Когда он утратил веру в нее, отдал мне».

Из этого собрания мы даем описание лишь одной иконы «Спаса Вседержителя», являющейся ценной семейной реликвией.

Христос изображен с благословляющей правой рукой и с раскрытым Евангелием в левой. Икона заключена в серебряную ризу с выпуклыми медальонами в верхних углах и на венчике и прямоугольными пластинками слева и справа. Надписи чернью на пластинах: «Господь Вседержитель»; на раскрытых листах Евангелия текст: «Придите ко мне... душам вашим». Дерево, темпера, серебро, размер 110×80. Икона заключена в киот волнистой березы, полированной под желтый цвет. Существует мнение, что время написания иконы относится к концу XVI— началу XVII веков. Точное определение даты затрудняется тем, что икона имеет более поздние живописные наслоения, которые не могут быть удалены, как и риза, из-за мемориальной ценности этого предмета /в таком виде он бытовал в семье Толстых/.

С. А. Толстая об этой иконе записала: «Старинный образ Спасителя». При деде Льва Николаевича он находился в часовне, в Полянах, где он жил с семьей, и считался чудотворным. Когда он заболел, жена его, бабушка Пелагея Николаевна, дала обещание сделать на него серебряную ризу, если дедушка Илья Андреевич выздоровеет. Дедушка поправился, ризу заказали и образ взяли в дом, а в часовню заказали копию»[56]. Эта икона стала в семье Толстых «фамильной» и была привезена в Ясную Поляну в начале XIX века. «Все дышало стариной,— вспоминает Т. А. Кузминская,— начиная с комнаты Татьяны Александровны со старинным киотом, с огромным чудотворным образом Спасителя, у которого всегда накануне праздника теплилась лампада»[57].

Л. Н. Толстой в воспоминаниях говорит: «Комната ее /Т. А. Ергольской.— *Н. П.* /была такая: в левом углу была шифонерька...; в правом — киот с иконами и большим, в серебряной ризе, «Спасителем». Нет сомнения, что Толстой в «Войне и мире» упоминает эту икону: «И прежде чем идти вниз, она /княжна Марья.— *Н. П.*/ вошла в образную и, устремив взгляд на освещенный лампадой черный лик большого образа Спасителя, простояла перед ним с сложенными несколько минут руками»...

В автобиографическом рассказе «Молитва» /1905 г./, говоря о смерти своего десятимесячного сына Николая, Толстой также упоминает об этой иконе: «Все это время она не переставая по нескольку раз в день уходила в свою спальню, становилась перед большим образом Спасителя в золотой ризе и молилась богу о том, чтобы он спас ее мальчика. Чернолицый Спаситель держал в маленькой черной руке золоченую книгу, на которой чернью было написано: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас». Стоя перед этим образом, она молилась, все силы своей души вкладывая в свою молитву».

III

Помимо живописных произведений, хранящихся в Доме-музее, большую ценность представляют и скульптурные работы выдающихся русских мастеров, передавших образ Толстого и окружающих его лиц.

Н. Н. Ге был первым, кто в 1890 г. создал в Ясной Поляне с натуры бюст Л. Н. Толстого. Это — погрудное, 3/4 влево изображение на круглом постаменте с четырехугольным основанием. Сзади на постаменте печатными буквами написано: «Лепил Н. Ге. 1890 г.» Спереди — надпись: «Лев Толстой». Гипс, постамент покрыт белой масляной краской. Размер бюста: основание 22,5×22,5; высота 73 см.

Л. Н. Толстой высоко оценил работу художника. 30 июля 1891 г. он писал ему: «Не для того, чтобы вам сказать приятное: а потому, что так есть — ваш /бюст.— *Н. П.*/ лучше всех».

О работе Н. Н. Ге над бюстом Толстого вспоминает Т. Л. Сухотина-Толстая: «Как-то летом в Ясной Поляне Ге принялся за лепку бюста с моего отца. Он очень увлекался этой работой. Помню, как утром, окончивши бюст, который был отнесен во флигель, где форматор должен был его отлить, Ге сидел в зале и пил кофе. Вдруг в ту минуту, как мой отец вошел в залу, Ге, быстро скользнувши взглядом по лицу отца, сорвался с места и со всех ног бросился бежать вниз по лестнице. Мы стали кричать ему, спрашивая, что случилось, но он, не оглядываясь, бежал и кричал: «Бородавка! Бородавка!»

Через несколько времени он пришел из флигеля спокойный и сияющий. «Бородавка есть»,— сказал он с торжеством. Оказалось, что, взглянув на отца, он заметил у него на щеке бородавку, и, не помня того, сделал ли он ее на бюсте или нет, он бросился во флигель, чтобы ее

сделать, если форматор еще не начал отливать бюста. Но бородавка оказалась, и Ге был успокоен»[58].

С. А. Толстая писала в своих записках:

«Он /Ге.— *Н. П.*/ усердно лепил бюст Льва Николаевича; но по случаю сильно похудевшей во время болезни всей фигуры Льва Николаевича бюст вышел мало похож*... Сходство есть, а чего-то нет; чего-то хорошего нет; того, что любишь в Левочке и его лице...

Бюст Льва Николаевича Ге повез в Петербург, чтобы заказать там бронзовый бюст. Он сам был не совсем доволен своей работой, но справедливо говорил:

— Там, что ни на есть, а я этим бюстом бросил перчатку скульпторам, которые не догадались до сих пор сделать бюст Толстого»[59].

В следующем, 1891 г., создается второй бюст Толстого, но также не скульптором, а художником — И. Е. Репиным.

На бюсте работы Репина Толстой изображен погрудно. Бюст стоит на круглом постаменте с четырехугольным основанием. У среза левого плеча — надпись: «И. Репин, 1891. Ясная Поляна». На постаменте имеется надпись: «Лев Толстой». Гипс, постамент покрыт белой масляной краской. Размер бюста: основание 22,5×22,5; высота 76 см.

Упоминания о работе Репина над бюстом Толстого мы находим в письмах самого художника, Толстого, а также в письмах и мемуарах членов его семьи и других лиц.

«Кроме портретов, Репин принялся еще лепить бюст Льва Николаевича из глины. Его по-видимому, побудило это сделать, глядя на бюст, сделанный Николаем Николаевичем Ге, который ему не понравился. Но и бюст Репина меня совсем не удовлетворил; он не был похож»[60],— сообщает С. А. Толстая.

Л. Н. Толстой пишет А. А. Толстой: «Сейчас отвозят

---

* Так в тексте.

Репина, который кончил бюст, благодаря вашему совету,— прекрасно кажется». В другом письме он говорит: «Репина бюст кончен — и отлит и хорошо». «Жил у нас больше 2-х недель Репин, делал портреты и бюст, и я полюбил его, и надеюсь, что и он, больше, чем прежде».

Репин в письмах к Т. Л. Толстой сообщает: «Я теперь все над бюстом Льва Николаевича работаю; сколько в нем недоделок и сколько формовщик залил; это надо прочеканить для отливки из бронзы»[61].

«Третьего дня получил я письмо из литейного завода, что бюст Льва Николаевича отлит из бронзы»[62].

«До сих пор не было еще ни одного похожего бюста,— пишет С. А. Толстая В. В. Стасову 22 июня 1897 г.,— лучший еще тот, который сделал Репин»[63].

Бюст Толстого экспонировался в 1891 г. в Петербурге на персональной выставке произведений Репина. Н. А. Ярошенко в письме к В. Г. Черткову писал: «Что касается выставленного Репиным бюста, то в техническом отношении он выше, чем бюст, сделанный Ге, но я смею утверждать, что последний более похож, несмотря на то, что как я слышал от окружающих, Лев Николаевич — обратного мнения»[64].

В июле 1891 г., когда Репин лепил бюст Толстого, в Ясную Поляну приезжает скульптор И. Я. Гинцбург.

«Я заметил в углу балкона,— вспоминает он,— завернутый бюст и обрадовался, что, кроме меня, кто-то еще работает здесь... Явился И. Е. Репин, и я очень обрадовался, увидев здесь своего старого, хорошего знакомого. Он показал мне начатый бюст Толстого, над которым он работал по вечерам»[65].

В этот приезд Гинцбург и вылепил свою первую статуэтку «Л. Н. Толстой за работой». Толстой пишет, сидя на скамейке, опершись на столик. На столе — чернильница, тетради. Основание — восьмиугольное /четырехугольник со срезанными углами/. На скамье справа вдав-

ленными буквами имеется надпись: «Ясная Поляна. Илья Гинцбург, 5 июля. 1891». Слева на постаменте процарапано: «Графине Софии Андреевне Толстой от автора». Размер статуэтки: основание 21,5×12,5; высота 31,8 см.

П. И. Бирюков сообщает об этой статуэтке: «В то время, как Репин писал картину в рабочем кабинете, Гинцбург лепил свою замечательную статуэтку, одно из лучших изображений Л. Н., в котором необыкновенно верно схвачена его характерная поза за письменной работой» /июль 1891 г./[66].

С. А. Толстая в дневнике 16 июля 1891 г. записала: «Гинцбург... сделал маленькую фигурку, тоже пишущим за столом — недурно»[67].

В. В. Стасов в письме к издателю газеты «Новое время» писал: «Я видел статуэтку во весь рост молодого скульптора Гинцбурга; она только что доставлена, отлитая из гипса, в Петербург из Ясной Поляны. Смело говорю, это маленький шедевр, так она передает и характер, и выражение, и позу, и взгляд, и движение Толстого. Он представлен сидящим, наклонясь над маленьким столиком, подложив под себя одну ногу и сидя на скамейке, покрытой ковриком. Он пишет и весь углубился в это писание, которое, кажется, всего его наполняет своим содержанием. Перед ним чернильница, несколько тетрадей бумаги и книга»[68].

Вторая статуэтка Гинцбурга 1897 г. изображает Толстого в рост, 3/4 влево. Толстой стоит с книгой в правой руке, опираясь на палку. На четырехугольном основании имеется справка — штамп: «Отл. К. Берто». Размер статуэтки: основание 13,5×10, высота 43,5 см.

«Вторую статуэтку Толстого /стоящего с палкой в одной и записной книжкой в другой руке/,— сообщает скульптор,— я вылепил в 1897 году. Никого из художников тогда не было в Ясной Поляне, и я работал один. Лев Николаевич был очень занят, и мне совестно было

просить его позировать, но Татьяна Львовна, увлекавшаяся живописью /она сама писала красками/, просила за меня отца. Сперва я вылепил по фотографиям, сделанным специально для меня Софьей Андреевной с разных сторон, статуэтку, которую я показал Льву Николаевичу; затем Лев Николаевич стал мне позировать. Работали мы в мастерской Татьяны Львовны, которая находилась в деревянном флигеле возле конюшен. Часто Татьяна Львовна читала вслух те вещи, которые нужны были Льву Николаевичу по ходу его работы /он тогда писал «Что такое искусство»/»[69].

С. А. Толстая в дневнике записала: «Статуэтка Льва Николаевича тоже непохожа и уродлива. Не даровитый он скульптор, этот Гинцбург...»[70].

Третья статуэтка работы Гинцбурга была сделана в сентябре 1903 г. Толстой изображен на ней сидящим в кресле; его левая рука лежит на локотнике, правая — на коленях. Правая нога положена на левую. Основание — восьмиугольное /четырехугольник со срезанными углами/. Бронзированный гипс. Размер: основание 23,5×15,2; высота 30 см.

«Третью статуэтку Толстого я сделал в 1903 году... Я был тогда в Ясной Поляне с Владимиром Васильевичем Стасовым, Лев Николаевич только что оправился от тяжелой болезни, которую он перенес зимой. Я не думал, что удастся что-либо вылепить на этот раз... Но раз както рассматривая коллекцию фотографий, снятых со Льва Николаевича Софьей Андреевной, я был поражен двумя фотографиями, на которых Толстой был изображен в кругу своей семьи, сидящим в кресле, в обычной своей позе. Фотографии показались мне такими удачными, что я задумал сделать по ним скульптурный набросок и попросил их у Софьи Андреевны на некоторое время. И вот, в то время пока Стасов был занят писанием, я набросал статуэтку Толстого по фотографиям и по памяти. А вечером,

когда Стасов беседовал со Львом Николаевичем, я отправился к себе в комнату и, отрезав голову от статуэтки, наткнул ее на палочку и принес наверх, где и стал ее доканчивать, глядя на Льва Николаевича...

Однако с натуры мне не пришлось работать над этой статуэткой. Впрочем, один сеанс, и довольно долгий, Лев Николаевич мне дал, но я сам плохо им воспользовался, и вот по какой причине.

Стасов попросил Толстого, чтобы он на прощанье прочитал нам что-нибудь из его новых, еще не напечатанных произведений. Лев Николаевич начал читать. Это был рассказ «После бала»...

Я, конечно, бросил работу. На этот раз... руки мои дрожали, и я боялся, что дотронувшись до статуэтки, я сомну ее.

Статуэтка эта так и осталась неоконченным наброском. Но она мне дороже других работ, она живо напоминает мне тот вечер, когда чувства и мысли Толстого взволновали меня так, что заставили забыть и себя, и свою работу»[71].

Подробно об этой статуэтке сообщает и Стасов в письме к М. Н. Стасовой от 13 сентября 1903 г.:

«Эта одна из самых лучших вещей Элиаса! А вечером он вдруг пришел к столу, у которого я сидел со Львом, принес статуэтку и, не говоря ни слова, не предваряя Льва, начал исправлять статуэтку с натуры. Как Толстой удивился! «Что это Вы делаете? — Поправляю черновой набросок.— Когда же Вы это сделали? — Перед обедом.— Да возможно ли? — Возможно, вот видите. Теперь только просьба: позвольте поправить с Вас, с натуры.— Ах, ах! — сказал Лев,— ну, нечего делать! Делайте!»

И статуэтка скоро пододвинулась очень много вперед. Славная вещица! Как я был удивлен»[72].

Еще в первый свой приезд в 1891 г. Гинцбург привез

в подарок Толстому статуэтку своей работы, изображающую В. В. Стасова. На ней он изображен в рост, прямолично. Стоит, опершись правой рукой на стоящую сзади конторку. Левая рука на бедре. В русской рубахе и высоких сапогах. На четырехугольном основании. На основании справа имеется надпись: «Илья Гинцбург 1889. Август». Гипс, основание покрыто белой краской. Размер: основание 18,5×20,5; высота 40 см.

«...— А это что у вас? — спросил он /Л. Н. Толстой.— *Н. П.*/, указав на предмет, который я привез.

— Это вам подарок от Владимира Васильевича Стасова, его статуэтка,— и я развернул ее.

Лев Николаевич долго ее смотрел.

— И всегда Владимир Васильевич в русской рубашке? — спросил он /статуэтка, стоячая, Владимир Васильевич в русской рубашке и высоких сапогах/.

— Дома часто так,— ответил я.

Льву Николаевичу понравилась моя работа...»[73]. Лучшим скульптурным портретом Л. Н. Толстого является работа П. П. Трубецкого /1899 г./, представляющая собой поясное изображение писателя, 3/4 влево, со скрещенными руками на груди, на четырехугольном основании. Слева на основании написано: «Paul Troubetskoy /1899/. Ясная Поляна». Гипс. Размер: основание 32×33; высота 40 см.

Л. Н. Толстой пишет В. Г. Черткову: «Дело в том, что, как умный портретист, скульптор /Трубецкой.— *Н. П.*/ занят только тем, чтобы передать выражение лица — глаз, так для меня главное — душевная жизнь, выражающаяся в сценах...» В 1910 г. Чертков спросил мнение Толстого о Трубецком, и Толстой сказал, что, по его мнению, он «очень талантлив»[74].

Известный скульптор Н. Л. Аронсон был в Ясной Поляне в июне 1901 г., где сделал два карандашных портрета и скульптурные бюсты Толстого и его жены.

На сохранившемся в музее-усадьбе бюсте Толстой изображен прямолично, голова наклонена немного вниз, плечи срезаны. Основание — неправильной формы. На срезе левого плеча — надпись: «N. Aronson, 1902—8». Гипс, покрытый белой восковой краской. Размер: основание 10×11,5; высота 18 см.

С. А. Толстая в дневнике 14 июня 1901 г. записала: «Живет сейчас скульптор Aronson, бедняк-еврей, выбившийся в Париже в восемь лет в хорошего, талантливого скульптора. Лепит бюст Льва Николаевича и мой...»[75]

«Когда я впервые,— вспоминает Аронсон,— приблизился к Толстому, меня поразили, прежде всего, его глаза. Проникавший в душу и сердце его взгляд точно звал вас к исповеди. В нем была глубина, в которую обыкновенный смертный страшился заглянуть. Толстой не хотел позировать, и я урывками схватывал его черты, ибо во мне было глубокое сознание, что я делаю великое дело и что в течение тысячелетий человечество сохранит образ полубога, сошедшего на землю...»[76]

В 1910 г. Толстой сказал о статуэтке Аронсона: «Мне кажется, что умственность преувеличена — выпуклый лоб»[77].

Кроме описанных скульптурных портретов Толстого, в музее имеется еще три его бюста, два из которых неизвестных скульпторов, а один работы С. А. Толстой:

1) Л. Н. Толстой.

Скульптура работы неизвестного. Голова, наклоненная вниз. Основание — круглое сзади, прямоугольное с закругленными углами — спереди. Гипс, крашенный золотистой бронзой. Размер: основание 9×8; высота 20 см.

2) Л. Н. Толстой.

Скульптура работы неизвестного. Голова — незаконченный опыт. Гипс. Размер: основание 9×8; высота 20 см.

3) Л. Н. Толстой. Погрудный, прямоличный, на

круглом деревянном постаменте. Внизу на постаменте имеется надпись чернилами: «Опыт гр. С. А. Толстой». Воск красный. Размер: высота 17 см; ширина в плечах 10,5 см. Часть постамента отбита и заменена воском.

В 1908—1912 гг. третий сын Толстых, Лев Львович, увлекался скульптурой и одно время работал под руководством Огюста Родена в Париже.

Из его работ в доме имеется скульптурный портрет его матери[78]. Бюст погрудный, прямоличный. Она изображена в закрытом платье, с кружевами на груди. Волосы зачесаны на пробор. Сзади у левого плеча процарапано: «Л. Л. Толстой, 28 авг. 1910, Ясная Поляна». Гипс. Размер: основание 27,5×46,5; высота 57 см.

О работе Л. Л. Толстого над бюстом С. А. Толстая делает следующие записи в своем дневнике за 1910 г.:

11 июля 1910 г.: «Лева... начал меня лепить».

12 июля: «Днем позировала Леве, он лепит мой бюст, и сегодня стало более похоже; он талантлив, умен и добр...»

13 июля: «Позировала для Левы долго».

15 июля: «Лева меня лепит, а мне возле него спокойнее, он все понимает, и любит и жалеет меня».

17 июля: «Позировала много для моего бюста, Лева лепил усердно, и дело продвигается».

28 июля: «Скучно болтать без дела, еще скучнее позировать для Левы. Он все время нервничает, кричит: «Молчите, молчите», как только я слово скажу, и меня стало очень утомлять это бесконечное позирование. Сегодня стояла почти $1^1/_2$ часа».

30 июля: «Позировала час Леве».

10 августа: «Позировала для Левы, и вдруг, когда я встала и, почувствовав дурность, подошла к окну, я упала и потеряла сознание».

30 августа: «Сегодня форматоры отлили бюсты работы Левы; и нельзя не видеть, что бюсты талантливы и

хороши. Форматор Михаил Иванович Агафьин — старый знакомый, отливал и раньше бюсты Льва Николаевича и другие»[79].

Одной из главных целей пребывания Л. Н. Толстого в марте 1861 г. в Брюсселе было заказать известному скульптору Виллему Гифсу бюст умершего любимого брата, Николая Николаевича Толстого.

Скульптором были изготовлены в 1861 г. два бюста: один в мраморе, а другой в гипсе, и пересланы в Ясную Поляну, где и сохранились до настоящего времени[80].

1) Погрудный, прямоличный. Лицо бритое, со слегка выдвинутым вперед ртом. Волосы зачесаны на пробор с правой стороны. Шея и грудь обнаженные... Плечи срезаны. Основание бюста — четырехугольное. На срезе левого плеча врезанная надпись: «G-me Geefs Statuaire du Roi Bruxelles, 1861». Мрамор. Размер: основание 46×20,5; высота 29 см.

2) Погрудный, прямоличный. Шея и грудь обнаженные. Основание четырехугольное. Внутри полый. Подпись справа на срезе: «G-me Geefs Statuaire du Roi Bruxelles, 1861». Гипс. Размер: основание 14,5×10,5; высота 23,5 см.

Из Брюсселя 17—29 марта 1861 г. Л. Н. Толстой писал брату С. Н. Толстому:

«Пришли мне, пожалуйста, как можно скорее дагерротипный портрет Николиньки в Брюссель на имя: Bruxelles, Monsieur Geefs (Sculpteur) Searbeck. Я заказал здесь бюст Николиньки, и ему нужен портрет для работы — портрет, разумеется, он возвратит в целости»[81].

Впоследствии И. Л. Толстой писал: «Внизу, под залой, рядом с передней, папá устроил себе кабинет. На стене он велел сделать полукруглую нишу и в ней поместил мраморный бюст своего любимого покойного брата Николая. Этот бюст сделан за границей с маски; и па-

па́ говорил нам, что он очень похож, потому что его делал хороший скульптор по указаниям самого папа́.

У него доброе и немножко жалкое лицо. Волосы причесаны по-детски гладко, с пробором на боку, усов и бороды нет, а весь он белый, чистый, чистый»[82].

В 1871 г. С. А. Толстая пишет мужу: «Пока белили детскую внизу, дети в твоем кабинете и были в восторге, особенно Илюша, который смеялся, прыгал и все играл с бюстом брата Николиньки, хлопал по щекам обеими руками, брал за нос и проч. Мне было немножко грустно смотреть, думала: так бы он с живым играл»[83].

В описи вещей Большого дома, составленной С. А. Толстой в 1918 г., записано: «Над рогатым креслом — полочка деревянная с маленьким гипсовым бюстом брата Льва Николаевича — Николая Николаевича»[84].

* * *

Описанные выше изобразительные материалы представляют большую ценность, во-первых, как самостоятельные произведения искусства, многие из которых выполнены крупнейшими русскими художниками и скульпторами XIX—XX веков; во-вторых, как мемориальные вещи, окружавшие писателя на протяжении полувековой жизни его в Яснополянском доме. Многие из них были дороги Толстому как предметы, созданные людьми, близкими ему по духу.

Опубл.: Яснополянский сборник.
Тула.: Приок. кн. изд-во. 1972, с. 38—62.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Рисунки родных Л. Н. Толстого.— Яснополянский сборник, Тула, 1955, с. 332—334; Из истории экспонатов Дома-му-

зея Л. Н. Толстого.— В кн.: Лев Толстой. Материалы и публикации. Тула, 1958, с. 150—158; Портреты предков Толстого (из истории экспонатов Дома-музея Л. Н. Толстого).— Яснополянский сборник, Тула, 1962, с. 140—152.

[2] Размеры же портретов и подписи на них различны. На варианте Государственной Третьяковской галереи: «И. Крамской 1873 сентября» (буквы «И» и «К» переплетены), размер: 98×79.

[3] Каталог историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в бою воинов. Вып. VI. Спб, 1905, № 1653, с. 40.

[4] Толстая С. А. Моя жизнь, ч. 2 (машинопись). Музей-усадьба «Ясная Поляна», с. 387—388. В дальнейшем все ссылки на этот экземпляр.

[5] Толстая С. А. Моя жизнь, ч. 2, с. 394—395.

[6] Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка. М.— Л., 1949. Т. II, с. 29.

[7] Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М., 1920. Т. II, с. 115.

[8] Лит. наследство, М., 1961, т. 69, кн. 2, с. 62.

[9] Стасов В. В. И. Н. Крамской. Спб., 1887, с. 19.

[10] Эта подпись и последующие даны в современной орфографии.

[11] Каталог... № 1712, с. 49.

[12] Толстая С. А. Дневники. 1860—1891, с. 145—146.

[13] Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1966, с. 354.

[14] Каталог... № 1714, с. 49.

[15] Толстая С. А. Моя жизнь, ч. 6, с. 1—3.

[16] Репин И. Е. и Толстой Л. Н. Переписка с Л. Н. Толстым и его семьей. М.— Л., 1949, т. 1, с. 78.

[17] Репин И. Е. и Толстой Л. Н. Переписка с Л. Н. Толстым и его семьей, т. 1, с. 88—89.

[18] В каталоге упоминаний о портрете нет.

[19] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 9, запись 10. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[20] Толстая С. А. Моя жизнь, ч. 4, с. 32—33.

[21] Сухотина-Толстая Т. Л. Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1923, с. 32—34.

[22] Каталог... № 1649, с. 39.

[23] Сухотина-Толстая Т. Л. Друзья и гости Ясной Поляны, с. 46.

[24] Толстая С. А. Моя жизнь, ч. 5, с. 304.

[25] Цит. по кн.: Стасов В. В. Н. Н. Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., 1904, с. 347.

[26] Иллюстрированный каталог XIX передвижной выставки. Спб., с. 73.

[27] В каталоге упоминаний о портрете нет.

[28] Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. М.— Л., 1936, с. 516—517, 522—523.

[29] Цит. по кн.: Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952, с. 318.

[30] Толстая С. А. Моя жизнь, ч. 6, с. 251—252.

[31] Грабарь Игорь. В. А. Серов. Жизнь и творчество. 1865—1911. М., 1965, с. 332. Подробно о портрете С. А. Толстой см.: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Редакторы-составители: И. С. Зильберштейн и В. А. Смаков. Л., 1971. Т. I—II.

[32] Толстая С. А. Ежедневник, 1913, с. 51 (машинопись). Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[33] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 7, зап. 22. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[34] ГМТ, фонд Ю. И. Игумновой, отд. рукоп. к. п. 9364.

[35] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 9, зап. 17. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[36] Гинцбург И. Художники в гостях у Л. Н. Толстого.— Голос минувшего, 1916, № 11, с. 195.

[37] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 7, зап. 18. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[38] Репин И. Е. и Толстой Л. Н. Переписка с Л. Н. Толстым и его семьей. М.— Л., 1949. Т. 1, с. 95.

[39] Толстая С. А. Моя жизнь, ч. 7, с. 27—28.

[40] Маковицкий Д. П. У Толстого 1904—1910. Яснополянские записки.— Лит. наследство, т. 90, кн. I. М., 1979, с. 333.

[41] Толстая С. А. Опись, 1918, май, с. 21. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[42] Фонд Ю. И. Игумновой. ГМТ., отд. рукоп. к. п. 9364.

[43] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 13, запись 11 и 12. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[44] Автобиография С. А. Толстой.— «Начала», 1921, № 1, с. 162.

[45] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 9, запись 5. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[46] Там же, зап. 8.

[47] Там же, зап. 15.

[48] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 9, зап. 8. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[49] Там же, зап. 16.

[50] Там же, зап. 13.

[51] Там же, зап. 4.

[52] Толстая-Попова А. И. Мои воспоминания о Льве Николаевиче Толстом.— «Красн. новь», 1928, № 9, с. 176.

[53] Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М., 1923. Т. 2, с. 34.

[54] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 13, зап. 14. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[55] Толстовский ежегодник. Спб.— М., 1913, 1914, с. 47.

[56] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 9, зап. 8. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

[57] Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1958, с. 127.

[58] Сухотина-Толстая Т. Л. Друзья и гости Ясной Поляны, с. 57—58.

[59] Толстая С. А. Моя жизнь, ч. 5, с. 303—304.

[60] Там же, ч. 6, с. 113—114.

[61] Цит. по кн.: И. Е. Репин и Л. Н. Толстой. М.— Л., 1949. Т. 1, с. 38.

[62] Там же, с. 47.

[63] Толстой Л. и Стасов В. В. Переписка. Л., 1929, с. 190.

[64] Худ. наследство. Т. II. Репин. М.— Л., 1949, с. 382.

[65] Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1964, с. 140—141.

[66] Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. 1923. Т. III, с. 147.

[67] Толстая С. А. Дневники. 1891—1897. М., 1929, с. 57.

[68] Стасов В. В. Письмо к издателю «Новое время».— Нов. время, 1891, 26, VII, № 5533.

[69] Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма, с. 143.

[70] Толстая С. А. Дневники, с. 153.

[71] Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма, с. 145—147.

[72] Лев Николаевич Толстой. Юб. сб. М.— Л., 1928, с. 379.

[73] Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма, с. 140—141.

[74] Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910, с. 779.

[75] Толстая С. А. Дневники. 1897—1909. М., 1932, с. 151.

[76] Цит. по кн.: Последние дни и кончина Л. Н. Толстого. М., 1910, с. 24.

[77] Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, с. 779.

[78] В фондах Музея-усадьбы «Ясная Поляна» имеются еще скульптурные работы Л. Л. Толстого, но относящиеся к более поздним годам: бюст повара С. Н. Румянцева (бронза), голова камердинера И. В. Сидоркова (гипс), бюст переписчика А. П. Иванова (гипс).

[79] Толстая С. А. Дневники. 1910. М., 1936, с. 100, 101, 104, 113, 115, 120, 121, 129, 131, 132, 137, 145.

[80] Бюсты Н. Н. Толстого создавались на основании гипсовой маски, снятой после его смерти, дагерротипа и указаний Л. Н. Толстого. В письме к С. Н. Толстому из Гиера Толстой пи-

сал: «Я только на второй день хватился сделать его портрет и маску, портрет уже не застал его удивительного выражения, но маска прелестна». Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 60, с. 354.

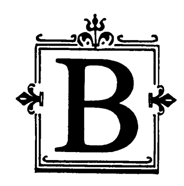
[81] Брюссель, господину Гифсу (скульптору). Сербек.

[82] Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1969, с. 55.

[83] Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. М.— Л., 1936, с. 114.

[84] Толстая С. А. Опись, 1918, л. 78, зап. 15. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

ФОТОГРАФИИ В ДОМЕ-МУЗЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

В Яснополянском Доме-музее хранится редкое собрание фотографий Л. Н. Толстого, членов его семьи и лиц его близкого окружения. Это собрание представляет интерес в том отношении, что оно воссоздает облик Толстого в различные периоды его жизни, начиная с 1856 и кончая 1910 г.

Следует, однако, иметь в виду, что описываемая коллекция не является полной. В семье Толстых собирались разнообразные альбомы и было множество отдельных негативов и снимков, как профессиональных, сделанных зачастую известными фотографами того времени, так и любительских. Но большинство из них в разные годы, после смерти писателя, были переданы для специального хранения в иконографический фонд Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

В Ясной Поляне остались только те фотографии, которые при жизни Толстого висели в комнатах его дома, а также довольно большое количество фотоснимков, хранящихся в спальне С. А. Толстой. Тем не менее и в этом собрании имеется немало оригинальных, существующих только в Ясной Поляне, снимков Толстого и лиц его окружения.

Коллекцию можно условно разделить на следующие группы: а) портреты Л. Н. Толстого; б) Л. Н. Толстой в

кругу семьи и близких; в) семейные фотографии Толстых и Берсов; г) знакомые Толстых и посетители Ясной Поляны; д) «Толстовские места» в Ясной Поляне и ее окрестностях.

Мы даем описание двух первых разделов коллекции. В описание включены сведения о месте и дате снимка, указано, кем снимок сделан, его размеры.

Приведенные свидетельства современников помогают документировать описываемые фотографии[1].

I. ПОРТРЕТЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

1. Л. Н. Толстой. 1856 г., 15 февраля. Петербург. Фотография С. Л. Левицкого. 13,5×9,5. Овал /Инв. № 1799. Комната С. А. Толстой/.

Поясной, 3/4 вправо. Толстой в военном двубортном мундире. Фотография наклеена на белое паспарту с золотой полоской вокруг изображения. Черная овальная рамка с резьбой, стекло. Размер 29,5×26. Снимок сделан одновременно с фотографией, запечатлевшей группу писателей — сотрудников журнала «Современник». Вероятно, Л. Н. Толстой привез его из Петербурга в Ясную Поляну.

«Другой офицерский портрет, по-моему, один из самых замечательных его портретов...— Это то время, когда он приехал в Петербург из Севастополя и вошел в литературную среду, ему под тридцать лет, он в артиллерийском мундире совсем простого вида, худ и широк в кости, снят до пояса, но легко угадываешь, что он высок, крепок и ловок; и красивое лицо,— красивое в своей сформированности, в своей солдатской простоте,— тоже худое, с несколько выдающимися скулами и только с усами, редкими, загибающимися над углами рта и с небольшими

умными глазами, сумрачно и грустно глядящими снизу вверх /от наклона головы/»

Бунин И. А. Освобождение Толстого.— Собр. соч. М., 1967, т. 9, с. 87—88.

2. Л. Н. Толстой. 1856 г., 15 февраля. Петербург. С фотографии С. Л. Левицкого /деталь группового портрета: Толстой снят среди писателей — сотрудников журнала «Современник»/. 29,5×24,5 /Инв. № 1798. Комната С. А. Толстой/.

Увеличенный переснимок: фон, нижняя часть одежды и правая рука пройдены белилами и сепией. Портрет почти по пояс, 3/4 влево. Толстой со скрещенными на груди руками. В военном двубортном мундире.

Портрет в черной дубовой раме с золоченым внутренним краем, стекло. Размер 44,5×39,5. На обороте монтировки наклейка магазина Недоманского /частью оборванная/.

«Большая фотография Льва Николаевича артиллеристом».

Толстая С. А. Опись, 1918, л. 9. зап. 18. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

3. Л. Н. Толстой. 1867—1868 гг. Москва. 21×17,5 /Инв. № 1781. Комната С. А. Толстой/.

Поколенный, 3/4 вправо. Толстой сидит, подложив под себя правую ногу, на мягком стуле; правой рукой он облокотился на резную спинку стула, левая рука лежит на колене. Одет в темную блузу и полосатые брюки с темными лампасами. Темные волосы, усы и борода. На правой руке обручальное кольцо.

На картоне внизу вдавленный овальный штамп /часть утрачена/; «Фотография Москвъ...». Сверху наложено узкое белое паспарту с тиснеными полосками и золотым кантом.

Портрет в овальной ореховой лакированной раме с медным ободком по внутреннему краю, стекло. Размер 33,5×29.

«...Портреты твои я тоже взяла и заплатила 9 р. 85 к. Рамки без всяких вычурных украшений, очень изящны, а про портреты и говорить нечего, так вышло мило, что я и не ожидала. Мы советовались с Леночкой насчет рамки и обе решили, что в ней нет недостатков...»

Е. А. Берс — Л. Н. Толстому (1867 г. 27 июня)

4. Л. Н. Толстой. 1885 г. Ясная Поляна. Фотография С. С. Абамелек-Лазарева. 13,7×11. На темном картоне. /Инв. № 1846. Комната С. А. Толстой/.

В рост, 3/4 вправо. Толстой в белой блузе и белых брюках; сидит в кресле на каменной террасе, подогнув под себя ногу; левая рука — на спинке кресла, правая — на боку.

Портрет под толстым стеклом на проволочной подставке.

«Лето 1885—1887 гг. Абамелек тогда бывал у нас несколько раз и сделал несколько фотографических снимков с барышень, с групп и с Льва Николаевича».

Толстая С. А. Моя жизнь, ч. V, с. 71, машинопись. Хранится в Музее-усадьбе «Ясная Поляна».

5. Л. Н. Толстой. 1892 г., сентябрь. Ясная Поляна.

Фотография Шерера, Набгольца и К°. 19,5×13,5 /Инв. № 1800. Комната С. А. Толстой/.

Ниже пояса, $^{3}/_{4}$ вправо. Толстой в светлой блузе; правая рука заложена за ремень. На сером паспарту. Надпись: «Шерер, Набгольц и К°. Москва».

Портрет в коричневой кожаной рамке с никелевым ободком, стекло. Размер 33,5×27.

6. Л. Н. Толстой. 1896 г. Москва, Фотография Ше-

рера, Набгольца и К°. 20×13,5 /Инв. № 1783. Комната С. А. Толстой/.

Ниже колен, 3/4 вправо. Толстой сидит у резного стола, положив руки на стол. Одет в темную блузу и темные брюки. Внизу на паспарту — тисненый штамп: «Шерер, Набгольц и К°. Москва».

Портрет в темной кожаной раме с никелевым ободком у внутреннего края, стекло. Размер 34×28.

«Я получил возможность рассмотреть лицо Льва Николаевича и его самого. В общем, он не имел никакого сходства ни с одним из своих прежних портретов,— и лишь один, работы московской фотографии Шерер и Набгольц, продававшийся в Петербурге... был очень похож на того Толстого, которого я теперь видел, хотя портрет был снят еще в 1896 году. На нем Лев Николаевич был в рабочей блузе, борода была немного раздвоенная, длинная и седая; но особенно хороши были на портрете глаза; как живые, выглядывали они из-под нависших седых бровей, оживляя все его задумчивое, строгое и в то же время милое и добродушное лицо... То же было и теперь на этом живом лице гения: голубые, блестящие, как у юноши, глаза придавали его старческому лицу какой-то моложавый и красивый вид. И сам он на вид был очень добр и жив».

Захарьин-Якунин И. Н. Встречи и воспоминания. Спб.: изд. М. В. Пирожкова, 1903, с. 216—217.

7. Л. Н. Толстой. 1896 г., осень. Ясная Поляна. Фотография П. И. Бирюкова. 14×10. На кабинетном паспарту. / Инв. № 1790. Комната С. А. Толстой/.

Поколенный, 3/4 вправо. Толстой сидит на скамье, облокотившись левой рукой на подлокотник. Одет в темную блузу и более светлые брюки; на голове темная шапочка. На фоне парка, около березы.

Ореховая рамка и стекло. Размер 23,5×20.

8. Л. Н. Толстой. 1901 г., 7—13 декабря. Ялта. Фотография М. Л. Оболенской. 37×28. На светло-желтом паспарту. / Инв. № 1365. Комната под сводами/.

В рост, 1/2 вправо. Толстой сидит с газетой в руках на кушетке, обитой светлой тканью в цветах. Одет в темную блузу, на голове темная шапочка; в высоких сапогах. На фоне комнаты с темными стенами.

Портрет в черной багетной раме с золоченым внутренним краем, стекло. Размер 52,5×43,5.

«Здесь Л. Н. Толстой. Он почти здоров и работает каждый день. Как-то на днях он приехал в Ялту, заболел здесь и должен был прожить в доме Иловайской у дочери дня два-три[2]. Госпожа Иловайская поторопилась прописать его в полиции...»

А. П. Чехов — Н. П. Кондакову. 1901, 15 декабря. Ялта.— Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1950, т. XIX, с. 192.

9. Л. Н. Толстой. 1903 г. Ясная Поляна. Фотография И. А. Бодянского. 30×33. /Инв. № 1797. Комната С. А. Толстой/.

Ниже колен, 1/2 вправо. Толстой сидит в плетеном садовом кресле, положив ногу на ногу. Руки лежат на коленях, в левой руке шляпа, на правую — надета петля от хлыста. Одет в белую блузу и темные брюки.

Фотография в белом пожелтевшем паспарту с четырехугольным, заканчивающимся вверху овалом, вырезом для портрета. На паспарту черными чернилами, справа под фотографией надпись: «Дорогому учителю И. Бодянский».

Портрет в белой багетной раме с продольными рубчиками и золоченым внутренним краем, стекло. Размер 50,5×42,5.

«28 августа, 1903 г., четверг, Ясная Поляна. Рождение Льва Николаевича; ему 75 лет. Приехали все 8 человек.

Чужие неприятны. Телеграмм со всей России очень много. Фотографировали нас целый день».

Толстая С. А. Ежедневник, с. 170.

10. Л. Н. Толстой. 1903 г., 28 августа. Ясная Поляна. Фотография Ф. Т. Протасевича. 37×27. / Инв. № 1214. Ремингтонная/.

Ниже пояса, прямоличный. Толстой сидит на деревянном садовом диване. Руки лежат одна на другой; в левой руке фетровая шляпа. У колена ручка хлыста, петля от которой надета на правую руку. Одет в белую блузу и темные брюки. На сером паспарту, с тисненым рисунком и белой надписью.

Портрет в черной багетной раме с золоченым внутренним краем, стекло. Размер 64,5×54.

11. Л. Н. Толстой. 1903 г., 28 августа. Ясная Поляна. Фотография Ф. Т. Протасевича. 36,5×27,5./Инв. № 1366. Комната под сводами/.

В рост, прямолично. Толстой сидит, положив ногу на ногу, на садовом диване. Одет в белую блузу. В правой руке фетровая шляпа; рядом хлыст, висящий на ручке. На светло-желтом картоне и коричневом паспарту, с тисненым рисунком.

Портрет в узкой черной багетной раме; стекло. Размер 57×47.

12. Л. Н. Толстой. 1909 г, 18—19 октября. Ясная Поляна. Фотография Отто Ренара. 22×16. На коричневом картоне. /Инв. № 1792. Комната С. А. Толстой/.

Ниже пояса, прямоличный. Толстой сидит в кресле, пальцы рук сложены вместе. Одет в темную блузу. На фоне стены яснополянского зала, с календарем, висящим возле этажерки с нотами.

Дубовая с бронзой рамка, стекло. Размер 34×26.

«...когда Лев Николаевич, слегка утомленный, вошел

в столовую, ему опять пришлось подвергнуться фотографическому испытанию.

— Теперь без шапочки,— сказал г. Ренгард /Отто Ренар/, плохо выговаривая русские слова, и Лев Николаевич улыбнулся. Так с этой улыбкой он и вышел на снимке».

Митропольский И. В Ясной Поляне.— В кн.: Живые слова. М., 1910, с. 157; см. также журн. Кривое зеркало, 1909, № 4, с. 8.

«Когда Лев Николаевич раздевался внизу, в передней, фотограф успел перенести свой аппарат наверх, в столовую, и как только Лев Николаевич вошел туда, он снова обратился к нему с просьбой снять еще раз: — Я вас, Лев Николаевич, сейчас снял в шапочке, а теперь извольте снять без шапочки.

Лев Николаевич улыбнулся и покорно сел в кресло.

Все время, пока фотограф суетился около аппарата, вставлял касетки, накрывался черной материей и смотрел в объектив, подходил к Льву Николаевичу, подправлял его блузу, двигал под ним кресло,— Лев Николаевич не делал никаких замечаний и внимательно следил за фотографом, потом обратился ко мне и сказал:

— Я думаю, что это очень хороший фотограф!

— Почему,— спросил я,— ведь еще неизвестно, какие у него выйдут снимки...

— Потому хороший, что он уж очень серьезно относится к своему делу: посмотрите, какой здоровый, крепкий человек, а занимается такими пустяками! Но на него весело смотреть, а потому тот, кого он снимает, всегда выйдет веселым... Хороший фотограф,— подтвердил Лев Николаевич.

Фотограф действительно был высокого роста, крепко сложенный, но подвижной и озабоченный своим делом

немец, что и казалось смешным Льву Николаевичу».

Белоусов И. А. Воспоминания. 1880—1928.— Литературная среда. М., 1928, с. 225—226.

13. Л. Н. Толстой. 1910 г., 14 апреля. Ясная Поляна. Фотография Шерера, Набгольца и К°. 58×48, увеличенное. /Инв. № 1759. Комната С. А. Толстой/.

Ниже колен, прямоличный. Толстой сидит в черном кресле. Сложенные руки лежат на колене, левая нога положена на правую. Одет в темную блузу и темные полосатые брюки. Подпись на фотографии: «Шерер, Набгольц и К°. Москва, 1910».

Светло-коричневое паспарту, черная багетная рама с золоченым внутренним краем, стекло. Размер 80×70.

Фотография сделана для издания «Сочинения графа Л. Н. Толстого», М., типолит. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1911.

14. Л. Н. Толстой. 1910 г., 14 апреля. Ясная Поляна. Фотография Шерера, Набгольца и К°. 14,5×10,3. /Инв. № 1762. Комната С. А. Толстой/.

Прямоличный. Толстой сидит в кресле. Сложенные вместе руки лежат на коленях; левая нога положена на правую, одет в темную блузу, темные брюки, высокие сапоги.

На кабинетном паспарту, на обороте рекламный штамп фотографа. Чернилами надпись рукою С. А. Толстой: «Лето. 1910 г.».

Рамка, обтянутая зеленой тканью с вышитым узором, стекло. Размер 25,5×23.

Снимок датирован по сопоставлению с предыдущим. Надпись С. А. Толстой — ошибочна.

«14 апреля 1910 г. приезжали фотографы от фирмы Мей[3], снимали Льва Николаевича одного; потом группа...»

Толстая С. А. Дневники, 1910 г. М., 1936, с. 52.

«14 апреля 1910 г. Приезжали фотографы от московской фирмы «Шерер и Набгольц», вызванные Софьей Андреевной, чтобы сделать новую фотографию Льва Николаевича, специально для подготовляемого ею двенадцатого издания собрания сочинений Толстого. Снимали на террасе. Лев Николаевич очень неохотно позировал».

Булгаков В. Л. Толстой в последний год его жизни. М., 1957, с. 176.

II. Л. Н. ТОЛСТОЙ В КРУГУ СЕМЬИ И БЛИЗКИХ

15. Л. Н. Толстой в группе писателей — сотрудников журнала «Современник». 1856 г., 15 февраля. Петербург. Фотография С. Л. Левицкого. 13,5×15. Края фотографии закруглены. /Инв. № 602. Кабинет Л. Н. Толстого/.

В первом ряду сидят /слева направо/: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, А. Н. Островский. Во втором ряду стоят: Л. Н. Толстой и Д. В. Григорович.

Фотография наклеена на белом паспарту с двумя золотыми полосками вокруг изображения. Под изображением на паспарту подписи чернилами /автографы/: «И. Гончаров 30 марта 1856; Ив. Тургенев 30 марта 1856; А. Дружинин 29 марта 1856; А. Островский 27 марта 1856».

В темно-коричневой ореховой лакированной рамке с закругленными углами, стекло. Размер 24×25.

«Утром по плану Толстого сошлись у Левицкого я, Тургенев, Григорович, Толстой, Островский, Гончаров... Сняли фотографиями наши лица. Утро в павильоне фотографическом имело нечто интересное. Пересматривали портреты свои и чужие, смеялись, беседовали и убивали время.

Общая группа долго не давалась...»

Дружинин А. В. Дневник. Запись 15 февраля, 1856 г. ЦГАЛИ.

«По моему предложению, все литераторы сделали фотографическую группу: Тургенев, Григорович, Дружинин, Гончаров, Островский и я, и эту группу пришлю».

Л. Н. Толстой — М. Н. Толстой. 1856, 14 апреля. Петербург.— Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 61, с. 373.

«Левицкий на днях пригласил к себе многих литераторов, в том числе и меня, и просил дозволения снять портреты, для спекуляции кажется: хочет продавать и посылать в Париж тоже, в тамошнюю иллюстрацию. Кроме отдельных портретов, он снял группу из шести человек: Островского, Дружинина, гр. Толстого, Тургенева, Григоровича и опять-таки меня. Все это удалось превосходно...

Портреты будут готовы на первой неделе поста, на второй их отделают в рамки, и на третьей, вероятно, можно будет посылать, если Вы напишите, куда послать...»

И. А. Гончаров — Е. В. Толстой. 1856, 20 февраля.— Голос минувшего, 1913, № 12, с. 249, 250.

«В 1856 году, с окончанием великой борьбы России с Европой и почти в самом начале нынешнего царствования, в Петербург собрались со всех концов России наши лучшие писатели: кто явился из-под твердынь Севастополя, кто из ополченных баталионов, туда же спешивших, но остановленных вестью о мире, кто из ссылки из невольного уединения в деревне, кто из провинциальной глуши или из большой деревни — Москвы... В это время теснее сплачиваться стали кружки наших писателей; давние друзья и новые знакомые, посещая друг друга, меж-

ду прочим, обменялись на память портретами, для чего снимались даже группами.

Даровитейший и ныне старейший русский художник-фотограф С. Л. Левицкий, двоюродный брат одного из талантливых отечественных писателей и добрый приятель едва ли не всего Олимпа русской литературы, радушно предлагал свое искусство для воспроизведения портретов собравшихся в Петербург писателей... В этой группе, как объяснил нам С. Л. Левицкий, случайно отсутствовал Н. А. Некрасов, а положения вятского изгнанника М. Е. Салтыкова еще не было тогда /1856/ географически улучшено, чтоб он мог занять свое место в этой группе, да и «Губернские очерки» еще не явились тогда в печати...»

К портрету шести русских писателей.— Русская старина, 1880, № 4, с. 871.

«Тогда автор «Севастопольских рассказов» только что приехал в Петербург и был молодым статным артиллерийским офицером, его очень схожий портрет того времени помещен в известной фотографической группе Левицкого, где вместе с ним изображены Тургенев, Гончаров, Григорович, Островский и Дружинин».

Данилевский Г. Поездка в Ясную Поляну.— Историч. вестник, 1886, март, № 3, с. 531.

«Покорнейше прошу Вас, любезнейший Александр Васильевич, занять в этой группе за столом Ваше место, которое Вы занимаете в группе Левицкого, но с правом мигать, шевелиться и говорить даже непотребные вещи. О праве есть и пить я уже не упоминаю».

И. А. Гончаров — А. В. Дружинину, 1856, 20 февраля.— Летописи. Письма к А. В. Дружинину (1850—1863), кн. 9, М., изд. Гос. Лит. Музея, 1948, с. 72.

«Говоря о литературных портретах, нельзя не упомянуть о замечательной коллекции портретов лиц артистического нашего круга, исполненных в светописном заведении С. Л. Левицкого. На днях удалось нам видеть полное их собрание, заслуживающее величайшей похвалы, как по сходству лиц, так и по совершенству исполнения. Коллекция начала образовываться случайно, в марте 1856 года...

В это время разом съехалось в Петербург с театра войны и из отдаленных губерний множество лиц, принадлежащих к литературе. Пользуясь своим случайным соединением, некоторые из наших писателей согласились сделать свои портреты в заведении г. Левицкого... Таким образом сняты были портреты гг. Гончарова, графа Толстого, Григоровича, Тургенева, Дружинина, Островского, общей группой и по одиночке, а к портретам этим скоро прибавились портреты Е. П. Ковалевского, В. П. Боткина, А. А. Фета, А. Ф. Писемского, П. В. Анненкова, гр. В. А. Соллогуба, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова, И. И. Панаева, Ф. И. Тютчева и многих других литераторов».

Библиотека для чтения, 1857, март, т. 142, с. 47—48.

«В нижнем этаже яснополянского дома, в небольшой комнате, отделенной перегородкой с дверью от рабочего кабинета Л. Н., стоит против двери низкий старинный диван... Над диваном... портреты Диккенса, Страхова, Фета в офицерском сюртуке и фотографическая группа пятидесятых годов работы Левицкого. В этой группе на диване сидят: Тургенев и Дружинин, с левой стороны на кресле подсел весь еще бритый тогда А. Н. Островский, с правой стороны на кресле Гончаров, посредине стоят Григорович, рядом с ним в артиллерийском сюртуке с по-

гонами Толстой; внизу группы подписи этих литераторов».

Стахович А. А. Клочки воспоминаний.— Толстовский ежегодник. М., 1912, с. 34—35.

«Софья Андреевна обмела и разложила на столе в гостиной портреты, которые висели в «старой библиотеке»: Н. Н. Страхов, группа шести писателей из кружка «Современника», Фет, Некрасов, Лелевель, брат Л. Н-ча Сергей Николаевич, Волконская, потом Татьяна Львовна девочкой /рисунок Соколовской/ и другие.

Взглянув на них, Л. Н. сказал:

— Это — мои настоящие приятели.

Просил повесить их в своем кабинете...»

Маковицкий Д. П. 1905—1906 год в Ясной Поляне.— Голос минувшего, 1923, № 3, с. 16.

«Глядел на портреты знакомых писателей 1856 года, всех умерших, живо представил себе...»

Толстой Л. Н. Дневник. 1907 г., 14 января.— Полн. собр. соч., т. 56, с. 6.

16. Л. Н. Толстой в кругу родных и гостей. 1887 г. Ясная Поляна. Фотография М. А. Стаховича. 16,5×22,5. /Инв № 856. Гостиная/.

В зале за круглым столом сидят слева направо: Л. Н. Толстой /читает книгу; поворот головы 3/4 вправо; одет в темную блузу/, М. А. Стахович, Т. Л. Толстая, М. А. Кузминская, М. Л. Толстая, С. А. Толстая, С. Л. Толстой; справа верхом на трельяже сидят Андрей и Михаил Львовичи Толстые.

Белое паспарту. Черная багетная рама с золоченым внутренним краем, стекло. Размер 32,5×39.

«...гостит у нас молодой Стахович с фотографией и старательно снимает виды, группы детей, прислугу, а то, чего ему больше всего хочется — портрет Льва Николаевича, ему все не дается».

С. А. Толстая — П. И. Бирюкову. 1887, 5 октября, ГМТ.

«...Прошу Вас напомнить Софье Андреевне о другом, еще более важном для меня, обещании — дать мне вашу семейную группу. Говорю более важном потому, что книгу рано или поздно я могу достать, фотографию же помимо Вас нельзя достать.

Если окажется невозможным дать ту фотографию, которую я просил /Вы сняты сидящим за шахматами/, то я горячо буду благодарен и за всякую другую, так как мне очень хочется иметь фотографию вашей семьи и, в особенности, глубокоуважаемой Софьи Андреевны и ваших милых дочерей».

Г. А. Русанов — Л. Н. Толстому. 18 февраля 1888, ГМТ.

«О фотографии сказано Стаховичу, который был здесь, и он обещал Вам выслать».

Л. Н. Толстой — Г. А. Русанову. 1888, 28 февраля.— Полн. собр. соч., т. 64, с. 152.

17. Л. Н. Толстой и Т. Л. Толстая. 1887 г. Ясная Поляна. 22,5×16,5. Фотография М. А. Стаховича /Инв. № 863. Гостиная/.

Л. Н. Толстой — прямолично. Стоит, заложив руки за пояс. Одет в темную блузу. Т. Л. стоит рядом, скрестив на груди руки. Одета в закрытое полосатое платье. На фоне белой стены.

На белом паспарту. В черной багетной раме с золоченым внутренним краем, стекло. Размер 41×33.

На обороте монтировки — надпись рукою С. А. Толстой: «Лев Николаевич Толстой с дочерью Татьяной Львовной. Снимал М. А. Стахович».

18. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. 1895 г., 23 сентября. Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой. 17×12. /Инв. № 1787. Комната С. А. Толстой/.

Л. Н. и С. А. Толстые стоят рядом на дорожке. Толстой одет в темное расстегнутое пальто, на голове темная шапочка. С. А. Толстая одета в белый костюм; в правой опущенной руке держит шляпу. На фоне цветочных клумб у дома и обнаженных деревьев. Справа, у клумбы, собака.

Портрет в черной багетной раме, стекло. Размер 19,5×14,5. На обороте монтировки, под откидной подставкой — надпись рукою С. А. Толстой: «В 1895 году после смерти сына Ванички гр. Лев Ник. Толстой с женой».

19. Л. Н. Толстой в кругу семьи и гостей, 1898г., 28 августа, Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой. 22,5×28. Переснимок /?/ /Инв. № 1336. Комната под сводами/.

На площадке перед домом и на крыльце стоят слева направо: М. Н. Муромцева /Климентова/, А. А. Цуриков, Э. Э. Ухтомский, Л. Л. Толстой, И. Н. Потапенко, А. Б. Гольденвейзер, С. Л. Толстой, С. Н. Толстая, Т. Л. Толстая, П. А. Сергеенко, Ю. А. Нарышкин, А. Л. Толстая, С. А. Толстая, П. М. Волконский, Л. Н. Толстой, И. Л. Толстой, М. Л. Толстая, Михаил и Анна Ильичи Толстые, В. А. Маклаков, Н. Л. Оболенский, М. Л. Толстой.

На белом паспарту. Портрет в коричневой багетной рамке, стекло. Размер 38×32.

«Льву Николаевичу минуло 70 лет... Собралась вся семья с женами и детьми, отсутствовала только жена Сережи — Маня с сыном, да меньшие мальчики Ильи — Андрюша и Илюша. Приехали гости: Потапенко, Сергеен-

ко, князь Волконский, Мих. Стахович, Миташа Оболенский, князь Ухтомский, Муромцева с Гольденвейзером и пр. и пр. Обедали около сорока человек».

Толстая С. А. Дневники. 1897—1909. М., 1932, с. 76.

«И. Н. Потапенко, с которым мы беседовали о юбилее Льва Николаевича Толстого, лет десять тому назад провел день в Ясной Поляне. Его привез к Толстому П. А. Сергеенко.

Это был день рождения Льва Николаевича и он был окружен родственниками и знакомыми. Между прочим был здесь Стахович.

Попал Потапенко прямо на торжественный обед... После обеда всей группой, во главе которой поместился Толстой, снялись».

Визит Потапенко в Ясную Поляну.— Петербургская газета, 1908, 28 августа, № 236.

20. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. 1903, 28 августа. Ясная Поляна. Фотография Ф. Т. Протасевича. 75×60 /Инв. № 4989. Комната «личных вещей»/.

Л. Н. и С. А. Толстые на садовом диване. Толстой — 3/4 влево, в светлой блузе, в сложенных на коленях руках держит фетровую шляпу. С. А. Толстая — 3/4 вправо, в светлом платье.

В правом нижнем углу подпись черной тушью: «Ф. Протасевич. Калуга».

На сером с тисненым узором паспарту. В черной багетной раме, стекло. Размер 85×70.

Снимок сделан одновременно с № 1214.

21. Л. Н. Толстой. Портреты и семейные группы. 1905 г., 12—17 августа. Ясная Поляна. Фотография Д. А. Олсуфьева. Монтаж из 11 фотографий. № 1, 4, 5, 7, 9 — размер 16,5×11,5; № 2, 3, 6, 8, 10, 11 — размер

7,5×10 /Инв. № 1279. Комната с бюстом Н. Н. Толстого/:

1) Л. Н. Толстой, 3/4 вправо; верхом. Одет в светлую блузу и шляпу с широкими полями. Впереди стоит С. А. Толстая, в рост, 3/4 влево; в белом платье, в шляпе со страусовым пером.

2) Л. Н. Толстой, 3/4 вправо; верхом. Одет в светлую блузу и шляпу. В глубине видна изба /Белая кухня/. Перед лошадью — черная собака.

3) Л. Н. Толстой, 3/4 вправо; верхом с натянутыми поводьями. Слева на траве белая собака. Снимок одновременный с предыдущим.

4) Л. Н., С. А. Толстые, Т. А., А. М. Кузминские, В. В. Нагорнова, Д. А. Олсуфьев, мальчики: М. И. Толстой /лежит/, И. И. Эрдели и кучер.

У линейки, на опушке леса, запряженная тройка лошадей. Л. Н. Толстой в светлой блузе.

Снимок одновременный с № 1.

5) Л. Н. Толстой в рост, прямолично. Сидит на садовом диване, опершись сложенными руками на палку. Одет в темную блузу. Перед ним на земле лежит собака.

6) Л. Н. Толстой и неизвестный на террасе за чайным столом. Л. Н. Толстой погрудно, в белой блузе.

7) Л. Н. Толстой в рост, прямолично. Сидит на садовом диване, опершись обеими руками на палку. Снимок одновременный с № 5.

8) Л. Н. Толстой и неизвестный на террасе за чайным столом. Л. Н. Толстой в белой блузе. Снимок одновременный с № 6.

9) А. Л. Толстая — 3/4 вправо, верхом на лошади у дома в Ясной Поляне. На заднем плане у крыльца коляска.

10) Л. Н. Толстой в рост со спины. Одет в темную блузу. Идет рядом с крестьянином по аллее... На первом плане — клумба.

11) Л. Н. Толстой в рост со спины. Одет в темную блузу. Стоит возле деревенских женщин под вязом у дома. Снимок одновременный с № 10.

Фотографии наклеены на светло-серый картон. В темно-желтой полированной раме с вырезанными надписями: «Ясная Поляна. 1828—28 августа. 1905». Стекло. Размер 87×67.

«Разные моменты из жизни Л. Н-ча, подарок гр. Д. Ад. Олсуфьева в красной раме.

Толстая С. А. Опись, 1918. Архив Музея-усадьбы «Ясная Поляна».

22. Л. Н. Толстой, М. Л. Толстая и М. А. Шмидт. 1906 г. 26—31 июля. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова 16,8×11,8 /Инв. № 621. Кабинет Л. Н. Толстого/.

Л. Н. Толстой и М. Л. Толстая стоят рядом перед террасой. Толстой одет в светлую блузу, темные брюки, высокие сапоги; в левой руке — шляпа и палка, правой рукой держится за пояс. М. Л. Толстая одета в белое закрытое платье, на груди часы, висящие на цепочке. В глубине видна фигура М. А. Шмидт, облокотившейся на балюстраду террасы.

Белое паспарту. Палисандровая рама с бронзовыми полосками. Стекло. Размер 37×27,2. На обратной стороне рамы вверху на наклеенной бумаге подпись рукою С. А. Толстой: «Гр. Лев Николаевич Толстой с дочерью Машей».

23. Л. Н. Толстой, М. С. Сухотин и Т. М. Сухотина. 1906 г. Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой 16,5×11,5 /Инв. № 1801. Комната С. А. Толстой/.

Л. Н. Толстой сидит в кресле, держит на руках внучку Таню Сухотину. Слева сидит М. С. Сухотин. На фоне книжного шкафа и закрытой двери в библиотечной комнате.

Коричневая картонная рамка с виньеткой — две ласточки на березовой перекладине /масляными красками/. Подпись на рамке: «Ю. Игумнова, 4 апр. 1906 г.» Вырез для портрета сделан в правом нижнем углу рамки. Стекло. Размер 35,5×25.

24. Л. Н. Толстой и А. Л. Толстая. 1908г., 7 июля. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова. 21×15,5. /Инв. № 618. Кабинет Л. Н. Толстого/.

Л. Н. Толстой снят ниже пояса, 3/4 вправо, стоит, положив левую руку на плечо сидящей А. Л. Толстой. Одет в светлую блузу и расстегнутое темное пальто. А. Л. Толстая в темном закрытом платье с часами на груди. На фоне деревьев.

Коричневое паспарту. В темной дубовой раме. Размер 37,5×32.

На обороте монтировки надпись рукою В. Г. Черткова/?/: «Фотография В. Черткова, июль 1908 г.».

25. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. 1908 г., 27 августа. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова. 12,5×19,5. /Инв. № 1794. Комната С. А. Толстой/.

Л. Н. Толстой сидит в больничном кресле, 3/4 вправо, правой рукой перелистывает книгу, одет в вязаную куртку. Справа С. А. Толстая лицом к Толстому в белом платье с бумагами в руках. В яснополянском зале.

Светло-зеленое паспарту. В дубовой с бронзой рамке. Стекло. Размер 27,5×33,5.

На обороте рукою С. А. Толстой: «Граф Лев Николаевич Толстой и его жена Софья Андреевна».

«28 августа 1908 г. было восьмидесятилетие Льва Николаевича. Лев Николаевич все это время был опасно болен... А 28-го он сидел уже в передвижном кресле, выписанном из Москвы во время его болезни в Крыму...

В Ясной было очень оживленно: корреспонденты, фотографы. Со всех сторон снимали виды усадьбы... Льва

Николаевича сняли на балконе несколько раз. Чертков был тоже с аппаратом».

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 241—243.

26. Л. Н. Толстой и Т. М. Сухотина. 1908 г., 26 ноября. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова. 17×11,8/Инв. № 1825, комната С. А. Толстой/.

Толстой изображен стоящим, повернувшись влево и наклонившись к Тане Сухотиной, которая держит его за руку и смотрит на него, подняв голову. Толстой одет в шубу, шапку; на ногах — боты. Таня — в белой шубке, белой шапочке и темных валенках. Темно-серое паспарту. В коричневой рамке, стекло, 35×24.

«Вчера с Тапселем мы снимали Льва Николаевича на дворе с Танечкой».

Чертков В. Г. Дневник. 26 ноября 1908 г. Рукоп. отд. Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

«Лев Николаевич выходил гулять... Приехали П. И. Бирюков, Мария Александровна (Шмидт.— *Н. П.*); Владимир Григорьевич (Чертков.— *Н. П.*) привез управляющего Пашковых Козлова. Фотограф Тапсель снимал Л. Н. и Танечку».

Маковицкий Д. П. У Толстого 1904—1910. Яснополянские записки.— Лит. наследство. М., 1979, т. 90, кн. 3, с. 254.

27. Л. Н. Толстой и Т. М. Сухотина. 1909 г., 27 марта. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова. 18×14. (Инв. № 1716. Комната С. А. Толстой.)

Толстой 3/4 влево. Сидит в вольтеровском кресле, придерживает правой рукой Таню Сухотину, сидящую на подлокотнике. Левая рука лежит на колене. Одет в темную блузу. Таня одета в темное матросское платье.

Коричневое паспарту. Картонная рамка (имитация клена) с бронзовым украшением, стекло, 35×24,5.

«Вдоль стены стоит рояль, и в конце его — большое вольтеровское кресло, на котором иногда вечером сидит Лев Николаевич, а по утрам это кресло служит местом игр для маленьких детей, внуков и внучек».

Кузминская Т. А. В Ясной Поляне осенью 1907 года. Спб., 1908, с. 6.

28. Л. Н. Толстой и И. В. Сидорков. 1909 г., 27 марта. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова. 16,5×22. /Инв. № 2910. Комната И. В. Сидоркова/.

Л. Н. Толстой, 3/4 влево, снят ниже пояса. Сидит в кабинете на диване с письмом в левой руке; правая рука лежит на столике, с которого И. В. Сидорков убирает поднос с кофе. Сидорков — поколенно, 3/4 вправо.

На коричневом паспарту. В красной деревянной с золотом рамке, стекло. Размер 34,5×39.

«Приехал Владимир Григорьевич с Тапселем-фотографом и снимал Льва Н-ча с нами: с Танечкой в зале /в кресле/, с Александрой Львовной и Варварой Михайловной в ремингтонной, с Николаем Николаевичем в его комнате, с Владимиром Григорьевичем в кабинете, с Ильей Васильевичем тоже в кабинете, со мной в спальне».

Маковицкий Д. П. У Толстого 1904—1910. Яснополянские записки.— Лит. наследство. М., 1979, т. 9, кн. 3, с. 370.

29. Л. Н. Толстой в группе родных и гостей. 1909 г. 28 августа. Ясная Поляна. Фотография Ф. Т. Протасевича. 28,5×36,5. (Инв. № 1364. Комната под сводами).

Вблизи дома у клумб, слева направо: стоят — М. А. Шмидт, А. Л. Толстая, А. В. Цингер, Д. А. Кузминский, Т. Л. Сухотина, С. Т. Семенов, И. И. Горбунов-Посадов, М. Н. Толстая, Д. П. Маковицкий; сидят — С. А. Толстая, В. А. Маклаков, С. Д. Николаев,

Л. Н. Толстой. В глубине виден двор и верховая лошадь.

На желтом паспарту с тисненым рисунком. В правом нижнем углу тисненный золотом штамп.

В широкой черной багетной раме с золотым внутренним краем, стекло.

«28 августа /1909 г./ — день рождения Льва Николаевича. Я, жена и брат приехали к обеду. Обедали в саду. Там были: Мария Николаевна, Татьяна Львовна, Андрей Львович с женой и с ними фотограф Протасевич из Калуги. Среди обеда приехали: Сергей Львович, Митя Кузминский, В. А. Маклаков, А. В. Цингер, М. А. Шмидт, И. И. Горбунов, С. Т. Семенов и позже пришла Л. Д. Николаева».

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого, с. 308.

30. Л. Н. Толстой с С. А. и И. А. Толстыми. 1909 г., 1 сентября. Крекшино. Фотография В. Г. Черткова. 20,2×15,8 /Инв. № 1719. Комната С. А. Толстой/.

Л. Н. Толстой, 3/4 вправо. Сидит на садовой скамейке около стены дома. Одет в темное пальто. Справа от него на скамье смеющийся И. А. Толстой, одетый в светлый костюмчик. Сзади стоит, положив руку на спинку скамьи, С. А. Толстая, одетая в светлое платье с белой пелериной и темное расстегнутое пальто; распущенные волосы перетянуты темной лентой.

Темно-серое паспарту. Деревянная темно-зеленая рамка с бронзой, стекло, 34×26.

«18 сентября 1909 г. Нынче же утром Чертков снял Льва Николаевича с детьми Ольги Константиновны, Сонечкой и Илюшком, на скамейке в то время, как Лев Николаевич рассказывал им сказку об огурце».

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого, с. 340.

«Сегодня... я отправился... в Ясную Поляну... С собой вез письмо Льву Николаевичу и фотографии его с внучатами для него, для их матери О. К. Толстой /жены Андрея Львовича/ и для бабушки, Софьи Андреевны: все от Чертковых... Лев Николаевич долго любовался присланными фотографиями. На них были изображены Лев Николаевич и его внучата Соня и Илюша Толстые. Лев Николаевич рассказывает детям сказку об огурце. «Шел мальчик и видит: лежит огурчик, вот такой...» и т. д. Дети смеются и с сосредоточенным любопытством смотрят на дедушку, ожидая продолжения рассказа.

— Прелестно, прелестно! — говорил он. — И как это он... захватит! Что это я рассказываю детям? Забыл... И ведь до какого совершенства исполнения доведено! Пойду удивить ими Соню и других».

Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни, с. 53, 54.

«На одной из чудесных по своему внутреннему движению фотографий Лев Николаевич Толстой снят со своими внуками Илюшком и Соней, слушающими его сказку об огурце. Указательные пальцы обеих разведенных рук Толстого показывают размеры огурца».

Лидин В. Г. Люди и встречи.— Москва, 1963, № 10, с. 162.

Опубл.: Яснополянский сборник, Тула: 1974, с. 152—167.

ПРИМЕЧАНИЯ

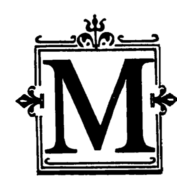
[1] Датировка фотографий уточнена по картотеке Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

[2] На даче К. М. Иловайской в 1901 г. жили М. Л. и Н. Л. Оболенские.

[3] Альберт Иванович Мей (1840—1913), с 1872 г. владелец фотографической фирмы «Шерер, Набгольц и К^{0}», находившейся в Москве.

ПОТОМСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО

(родословная роспись и материалы к ней)

ногочисленные посетители толстовских музеев Москвы и Ясной Поляны, а также почитатели великого писателя и мыслителя проявляют живой интерес к предкам, родственникам и потомкам Л. Н. Толстого.

Родословная Толстого, как по линии отца писателя Н. И. Толстого, так и по линии матери М. Н. Волконской, подробно прослежена в специальной литературе*.

Роспись потомства Л. Н. Толстого была составлена в начале 1930-х годов на основании личных изысканий его

* Долгоруков П. Российская родословная книга. Спб., 1855, ч. II, с. 133; Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Спб., 1887. Т. II, с. 487; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Спб., 1906. Т. I; кн. Волконская Е. Г. Род князей Волконских. Спб., 1900; Модзалевский Б. Л. Род графа Л. Н. Толстого.— В кн.: Толстой. Памятники творчества и жизни. Пг.: Огни, 1917, ч. I, с. 163; Петров П. Н. История родов русского дворянства. Спб., изд. Г. Гоппе, 1885. Т. I, с. 310—311; Подробное описание герба графов Толстых приведено в книге: Лакиер Александр. Русская геральдика. Спб., 1855, кн. II, с. 581—584. Генеалогические таблицы опубликованы в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого (см. т. 46, с. 479).

старшего сына Сергея Львовича Толстого, в нее были введены лица, родившиеся лишь при жизни Толстого, кончая ноябрем 1910 г. С. Л. Толстой настойчиво советовал нам продолжать работу над генеалогической росписью потомков, доведя ее до наших дней.

В процессе многолетней работы над собранием сведений о потомках Л. Н. Толстого автору данной публикации встретилось немало трудностей, связанных с тем, что надо было проследить судьбы всех Толстых, живущих во многих странах — Советском Союзе, Франции, США, Швеции, Италии, Швейцарии, ФРГ, Чехословакии, Канаде.

Говоря о потомках, мы затрагиваем лишь одну ветвь могучего генеалогического древа рода Толстых. Приведены имена, отчества, фамилии, годы жизни, место жительства, место погребения и, где возможно, указан род занятий. В роспись включены только прямые потомки и их жены. О некоторых из них сведений мало или совсем не имеется.

Роспись составлена на 1 января 1980 г. Некоторые исправления и дополнения внесены в 1987 г. Даты до 1917 г. приведены по старому стилю, а с 1 января 1918 г.— по новому. Цифра слева указывает порядковый номер, а цифра справа — номер родителей (см. схему)*.

---

1. **Лев Николаевич Толстой,** родился 28 августа 1828 г. в Ясной Поляне Крапивенского уезда Тульской губ.; умер 7 ноября 1910 г. в Астапово (теперь ст. Лев Толстой) Данковского уезда Рязанской губ. Погребен 9 ноября 1910 г. в Ясной Поляне.

Женат с 23 сентября 1862 г. на Софье Андреевне

---

* Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность родственникам писателя и особенно внукам Л. Н. Толстого — Павлу Львовичу и Сергею Михайловичу Толстым.

Берс, родилась 22 августа 1844 г. на даче в с. Покровском Глебово-Стрешнево под Москвой, умерла 4 ноября 1919 г. в Ясной Поляне. Погребена на Кочаковском кладбище.

I. ДЕТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

2. **Сергей Львович ТОЛСТОЙ,** родился 28 июня 1863 г. в Ясной Поляне, умер 23 декабря 1947 г. в Москве. Погребен на Введенском кладбище. (1)

Первым браком женат с 9 июля 1895 г. на Марии Константиновне Рачинской (род. 29 сентября 1865 г., ум. 2 июля 1900 г. в Англии. Погребена в с. Татево Бельского уезда Смоленской губ., ныне с. Татево Оленинского района Калининской обл.)

Вторым браком — с 30 июня 1906 г. на Марии Николаевне Зубовой (род. 5 августа 1868 г., ум. 22 июня 1939 г. в Москве. Погребена на Введенском кладбище.)

Композитор, музыковед, мемуарист. Псевдоним С. Бродинский. Автор мемуаров «Очерки былого». Изд. 4-е. Тула: Приок. кн. изд-во, 1975.

Литература: Пузин Н. С. Л. Толстой (вступит. статья).— В кн.: Толстой С. Л. Очерки былого.

3. **Татьяна Львовна ТОЛСТАЯ,** родилась 4 октября 1864 г. в Ясной Поляне, умерла 21 сентября 1950 г. в Риме. Погребена на кладбище около Пирамиды Цестия. (1)

Замужем с 14 сентября 1899 г. за Михаилом Сергеевичем Сухотиным (род. 1 января 1850 г., ум. 4 августа 1914 г. Погребен в с. Суворово Мценского уезда Орловской губ.).

Художница, мемуаристка. Псевдоним Ольга Балхина. Автор книг «Воспоминания». М.: Худ. лит., 1976; Дневник, М., Современник, 1979.

Литература: Жданов В. А. Старшая дочь Льва Толстого.— В кн.: Л. Н. Толстой. Статьи и материалы. Горький, 1970. Т. 7.

Шифман А. И. Воспоминания дочери. (вступит. статья) — В кн.: Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания.

Альбертини-Сухотина Т. М. Моя мать.— Яснополянский сборник, 1978, Тула: Приок. кн. изд-во, 1979.

Волкова Т. Н. От составителя (вступительная статья).— В кн.: Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник.

4. **Илья Львович ТОЛСТОЙ,** родился 22 мая 1866 г. в Ясной Поляне, умер 11 декабря 1933 г. в Нью-Йорке (США). Погребен в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, США. (1)

Первым браком женат с 28 февраля 1888 г. на Софье Николаевне Философовой (род. 28 июля 1867 г., ум. в 1934 г. в Праге. Погребена на Ольшанском русском кладбище — Чехословакия).

Вторым браком с 1920 г. на Надежде Климентьевне Катульской (по первому мужу Паршина)*.

Писатель, мемуарист. Псевдоним Илья Дубровский. Автор книги «Мои воспоминания. Одним подлецом меньше. Труп». М., 1969.

Литература: Розанова С. Книга любви и признательности (вступит. статья).— В кн.: Мои воспоминания. М., 1969.

5. **Лев Львович ТОЛСТОЙ,** родился 20 мая 1869 г. в Ясной Поляне, умер 18 октября 1945 г. в Швеции. Погребен при церкви Сиричепинге в Сконе. (1)

Первым браком женат с 15 мая 1896 г. на Доре Федоровне Вестерлунд (род. 5 ноября 1878 г., ум. 3 мая 1933 г. в Швеции). Погребена на кладбище Фыннбу.

Вторым браком на Марьяне Николаевне Сольской*.

Писатель, скульптор. Псевдоним Львов. Автор воспоминаний «Отрывок из моего дневника 1903».— Столица и усадьба, 1914, № 3; Правда о моем отце. Л.: Книжный угол, 1924.

Литература: Розанова С. А. Л. Л. Толстой.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7, с. 548.

6. **Мария Львовна ТОЛСТАЯ,** родилась 12 февраля 1871 г. в Ясной Поляне, умерла 27 ноября 1906 г. там же. Погребена на Кочаковском кладбище. (1)

Замужем с 2 июня 1897 г. за князем Николаем Леонидовичем Оболенским (род. 28 ноября 1872 г., ум. в 1934 г.).

---

* Сведений не имеется.

М. Л. Оболенская много времени отдавала секретарской работе, отвечая на письма корреспондентов Толстого.

Литература: Письма Л. Н. Толстого к дочери М. Л. Оболенской. Предисл. и прим. Н. Н. Гусева.— Печать и революция, кн. 6, 1928.

7. **Петр Львович ТОЛСТОЙ,** родился 13 июня 1872 г. в Ясной Поляне, умер 9 ноября 1873 г. там же. Погребен на Кочаковском кладбище. (1)

8. **Николай Львович ТОЛСТОЙ,** родился 22 апреля 1874 г. в Ясной Поляне, умер 20 февраля 1875 г. там же. Погребен на Кочаковском кладбище. (1)

9. **Варвара Львовна ТОЛСТАЯ,** родилась и умерла 1 ноября 1875 г. в Ясной Поляне. Погребена на Кочаковском кладбище. (1)

10. **Андрей Львович ТОЛСТОЙ**, родился 6 декабря 1877 г. в Ясной Поляне, умер 24 февраля 1916 г. в Петрограде. Погребен в Александро-Невской лавре. (1)

Первым браком женат с 8 января 1899 г. на Ольге Константиновне Дитерихс (род. 27 сентября 1872 г., ум. 14 октября 1951 г. в Москве. Погребена на Кочаковском кладбище). Разведены в 1906 г.

Вторым браком с 14 ноября 1907 г. на Екатерине Васильевне Горяиновой, по первому мужу Арцимович (род. 14 января 1876 г., ум. 20 мая 1959 г. в Москве). Погребена на Введенском кладбище.

А. Л. Толстой состоял чиновником особых поручений при тульском губернаторе. Во время русско-японской войны в 1904 г. участвовал в сражениях на Дальнем Востоке.

Автор воспоминаний «О моем отце» (публикация и вступит. статья А. Сергеенко).— В кн.: Яснополянский сборник, Тула, 1965, с. 127—138.

11. **Михаил Львович ТОЛСТОЙ,** родился 20 декабря 1879 г. в Ясной Поляне, умер 19 октября 1944 г. в Рабате, Марокко. (1)

Женат с 31 января 1901 г. на Александре Владимировне Глебовой (род. 15 апреля 1880 г., ум. 15 апреля 1967 г. Погребена на кладбище Ново-Дивеевского монастыря. Спринг Валли, штат Нью-Йорк, США).

В 1898 году М. Л. Толстой оставил лицей и поступил на военную службу. С детства отличался музыкальностью. Автор воспоминаний «Мои родители» (публикация и вступит. статья Н. Пузина).— В кн.: Яснополянский сборник, Тула, 1976, с. 137—154.

12. **Алексей Львович ТОЛСТОЙ,** родился 31 октября 1881 г. в Москве, умер 18 января 1886 г. там же. Погребен на кладбище при с. Никольском, близ Покровского-Стрешнева под Москвой, с 1932 г. на Кочаковском кладбище. (1)

13. **Александра Львовна ТОЛСТАЯ,** родилась 18 июня 1884 г. в Ясной Поляне, умерла 26 сентября 1979 г. в Валли Каттон, штат Нью-Йорк. Погребена на кладбище Ново-Дивеевского монастыря, Спринг Валли, штат Нью-Йорк. (1)

Автор книги «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого». Тула, 1928.

14. **Иван Львович ТОЛСТОЙ,** родился 31 марта 1888 г. в Москве; умер 23 февраля 1895 г. там же. Погребен на кладбище при с. Никольском близ Покровского-Стрешнева под Москвой, с 1932 г. на Кочаковском кладбище. (1)

II. ВНУКИ Л. Н. ТОЛСТОГО

15. **Сергей Сергеевич ТОЛСТОЙ,** родился 24 августа 1897 г. в Англии, умер 18 сентября 1974 г. в Москве. Погребен на Введенском кладбище. (2)

Первым браком женат с 1918 г. на Марии Александровне Кражановской (род. в 1898 г., ум. в 1919 г.).

Вторым браком — с 2 мая 1927 г. на Вере Хрисанфовне Абрикосовой (род. 27 марта 1906 г., ум. 29 апреля 1957 г. в Москве. Погребена на Введенском кладбище).

Третьим браком — с 29 июля 1966 г. на Раисе Васильевне Чучковой (род. в 1922 г.). Разведены 14 марта 1972 г.

С. С. Толстой — кандидат педагогических наук, специалист в области английского языка. Последние годы профессор кафедры английского языка Института международных отношений МИД СССР. Автор мемуаров: «Как я помню Льва Николаевича и чему он меня учил (Воспоминания внука)».— В кн.: Л. Н. Толстой для детей. М.: Детгиз, 1961, с. 227—235. СССР, Москва.

16. **Татьяна Михайловна СУХОТИНА,** родилась 6 ноября 1905 г. в Ясной Поляне. (3)

Замужем с 1930 г. за Леонардо Альбертини (род. 30 апреля 1903 г. в Милане, умер 17 октября 1981 г. в Риме, Италия).

Т. М. Альбертини-Сухотина трижды была в СССР, посещала Ясную Поляну. Значительная часть архива ее матери была передана в дар Государственному музею Л. Н. Толстого в Москве. Италия, Рим.

Автор воспоминаний «Моя мать».— Яснополянский сборник, Тула, Приок. кн. изд-во. 1978.

17. **Анна Ильинична ТОЛСТАЯ,** родилась 24 декабря 1888 г. в сельце Гринево (Гриневка) Чернского уезда Тульской губернии, умерла 3 апреля 1954 г. в Москве. Погребена на Кочаковском кладбище. (4)

Первым браком замужем с 16 июля 1908 г. за Николаем Андреевичем Хольмберг (род. 30 марта 1887 г., ум. 18 июня 1954 г. в Москве).

Вторым браком с 1926 г. за Павлом Сергеевичем Поповым (род. 22 августа 1892 г., ум. 31 января 1964 г. в Москве. Погребен на Ваганьковском кладбище).

А. И. Толстая-Попова — автор статей: «Мои воспоминания о Льве Николаевиче Толстом».— Красная новь, 1928, № 9, с. 150—179; «В родовом имении Толстых (по личным воспоминаниям и неопубликованным материалам)».— Нов. мир, 1935, № 11; с. 188—203. СССР, Москва.

18. **Николай Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 22 декабря 1891 г. в сельце Гринево (Гриневка) Чернского уезда Тульской губернии, умер 2 декабря 1893 г. (4)

19. **Михаил Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 10 октября 1893 г.

в сельце Гринево (Гриневка) Чернского уезда Тульской губернии, умер 28 марта 1919 г. (4)

20. **Андрей Ильич ТОЛСТОЙ**, родился 1 апреля 1895 г. в сельце Гринево (Гриневка) Чернского уезда Тульской губернии, умер 3 апреля 1920 г. (4)

Во время империалистической войны — офицер.

21. **Илья Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 16 декабря 1895 г. в сельце Гринево (Гриневка) Чернского уезда Тульской губернии, умер 7 апреля 1970 г. в Москве. Погребен на Кочаковском кладбище. (4)

Женат с 9 июня 1918 г. на Ольге Михайловне Лопатиной (род. 19 октября 1898 г.; ум. 5 февраля 1987 г. в Москве. Погребена на Кочаковском кладбище).

Кандидат педагогических наук, доцент Московского университета. Был специалистом в области славянской лексикографии. Автор сербско-хорватского словаря. СССР, Москва.

22. **Владимир Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 1 мая 1899 г. в сельце Гринево(Гриневка) Чернского уезда Тульской губернии, умер 24 ноября 1967 г. в с. Троицком под Москвой. Погребен на Кочаковском кладбище. (4)

Женат с 1926 г. на Ольге Михайловне Гардениной (род. 15 июня 1908 г. в Липецке Тамбовской губернии, ум. 13 декабря 1975 г. в Москве. Погребена на Введенском кладбище).

Инженер-агроном. Читал лекции о Толстом, принимал активное участие в работе музеев Л. Н. Толстого в Москве и особенно в Ясной Поляне. СССР, Москва.

23. **Вера Ильинична ТОЛСТАЯ,** родилась 19 июня 1903 г. в сельце Дубровка Калужского уезда Калужской губернии. (4)

Замужем за Баковским*. Разведены. США. Флорида.

24. **Кирилл Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 18 января 1907 г. в сельце Дубровка Калужского уезда Калужской губернии, умер 1 февраля 1915 г. (4)

25. **Лев Львович ТОЛСТОЙ,** родился 8 июня 1898 г. в Ясной Поляне, умер 24 декабря 1900 г. там же. Погребен на Кочаковском кладбище. (5)

* Сведений не имеется.

26. **Павел Львович ТОЛСТОЙ,** родился 20 июля 1900 г. в Ясной Поляне. (5)

Женат на Бригитте Лундеберг (род. 12 июня 1909 г.). Швеция.

27. **Никита Львович ТОЛСТОЙ,** родился 2 июля 1902 г. в имении Хальмбибуда, Швеция. (5)

Первым браком женат на Улле Херлин (род. 25 июня 1914 г., ум. в 1962 г.)

Вторым браком на Диане Кемпе (род. 25 июля 1937 г.).

Ученый славист, преподавал в университете в Упсале практикум перевода с шведского на русский язык. Швеция.

28. **Петр Львович ТОЛСТОЙ,** родился 8 августа 1905 г. в имении Хальмбибуда, Швеция, умер 4 июня 1970 г. (5)

Женат на Астрид Седерман (род. 10 октября 1905 г.).

Занимался сельским хозяйством — животноводством. Жил и умер в своем имении — Софиалунд в Швеции. Швеция.

29. **Нина Львовна ТОЛСТАЯ,** родилась 22 октября 1906 г. в г. Энкепинге, Швеция. (5)

Замужем за Кристианом Лундебергом (род. 22 сентября 1905 г.). Швеция.

30. **Софья Львовна ТОЛСТАЯ,** родилась 5 сентября 1908 г. в имении Хальмбибуда, Швеция. (5)

Замужем за Карлом Седером (род. 31 января 1914 г.). Швеция.

31. **Федор Львович ТОЛСТОЙ,** родился 2 июля 1912 г. в имении Хальмбибуда, Швеция, умер 25 октября 1956 г. (5)

Женат на Улле Мак Кей (род. 24 октября 1911 г.). Швеция.

32. **Татьяна Львовна ТОЛСТАЯ,** родилась 20 сентября 1914 г. в имении Хальмбибуда, Швеция. (5)

Замужем за Германом Паусом (род. 4 мая 1897 г.). Швеция.

33. **Дарья Львовна ТОЛСТАЯ,** родилась 2 февраля 1915 г. в имении Хальмбибуда, Швеция, умерла 29 ноября 1970 г. (5)

Замужем за Хенриком Стрейффертом (род. 11 февраля 1905 г.). Швеция.

34. **Иван (Жан) Львович ТОЛСТОЙ,** родился в 1924 г. (?) в Ницце, Франция (от второго брака)*. (5)

* Сведений не имеется.

35. **Софья Андреевна ТОЛСТАЯ,** родилась 12 апреля в 1900 г. в Ясной Поляне, умерла 29 июля 1957 г. в Малаховке под Москвой. Погребена на Кочаковском кладбище. (10)

Первым браком замужем с 19 октября 1921 г. за Сергеем Михайловичем Сухотиным (род. 18 февраля 1887, ум. 4 июня 1926 г. в Париже).

Вторым браком с июля 1925 г. за Сергеем Александровичем Есениным (род. 21 сентября 1895 г., ум. 28 декабря 1925 г. в Ленинграде. Погребен на Ваганьковском кладбище).

Третьим браком с 1948 г. за Александром Дмитриевичем Тимротом (род. 30 сентября 1915 г.). Разведены в 1957 г.

С. А. Толстая-Есенина с 1928 г. неразрывно связана с деятельностью музеев Толстого. В 1941—1957 гг.— директор толстовских музеев. Провела большую работу по восстановлению Ясной Поляны после гитлеровской оккупации. СССР, Москва.

36. **Илья Андреевич ТОЛСТОЙ,** родился 3 февраля 1903 г. в сельце Топтыково Тульского уезда Тульской губернии, умер 28 октября 1970 г. в Нью-Йорке. Погребен на кладбище Ново-Дивеевского монастыря, Спринг Валли, штат Нью-Йорк, США. (10)

Первым браком женат с 1920 г. на Зое Дмитриевне Платоновой (род. 18 декабря 1891 г.).

Вторым браком на Вере Ильиничне Сидорковой (род. 28 сентября 1894 г., ум. 10 августа 1974 г. в Москве. Погребена на Кочаковском кладбище). Разведены в 1923 г. США.

37. **Мария Андреевна ТОЛСТАЯ,** родилась 17 февраля 1908 г. в сельце Топтыково Тульского уезда Тульской губернии (от второго брака). (10)

Замужем за Александром Ваулиным.* США, Нью-Йорк.

38. **Иван Михайлович ТОЛСТОЙ,** родился 10 декабря 1901 г. в с. Бегичево Калужского уезда Калужской губернии, умер 26 марта 1982 г. в Ричмонде. (11)

Женат на Нине Александровне Коцебу (род. 15 февраля 1907 г.) США, Ричмонд.

---

* Сведений не имеется.

39. **Татьяна Михайловна ТОЛСТАЯ,** родилась 22 февраля 1903 г. в Москве. (11)

Замужем за Александром Константиновичем Львовым (род. в 1900 г.). Разведены. Франция, Париж.

40. **Любовь Михайловна ТОЛСТАЯ,** родилась и умерла в сентябре 1904 г. в Москве. (11)

41. **Владимир Михайлович ТОЛСТОЙ,** родился 11 декабря 1905 г. в Москве. (11)

Женат на Ольге Михайловне Родзянко (род. 9 ноября 1911 г.). Архитектор. США, Найак, штат Нью-Йорк.

42. **Александра Михайловна ТОЛСТАЯ,** родилась 11 декабря 1905 г. в Москве, умерла 11 января 1986 г. в Париже. Погребена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем. (11)

Первым браком замужем за Игорем Константиновичем Алексеевым (Станиславским), (род. 27 сентября 1892 г., ум. в 1974 г. в Москве. Погребен на Новодевичьем кладбище).

Вторым браком с 4 октября 1953 г. за Иваном Ивановичем Сагацким (род. 27 декабря 1901 г., ум. в 1982 г. в Париже). Франция, Париж.

43. **Петр Михайлович ТОЛСТОЙ,** родился 15 октября 1907 г. в Москве. (11)

Женат на Елене Александровне Чубовской (род. в 1921 г. в Париже). США, штат Аризона.

44. **Михаил Михайлович ТОЛСТОЙ,** родился 2 сентября 1910 г. в Москве, умер в 1915 г. (11)

45. **Сергей Михайлович ТОЛСТОЙ,** родился 14 сентября 1911 г. в имении Тарасково Каширского уезда Тульской губернии. (11)

Первым браком женат на Ольге Александровне Вырубовой (род. 14 декабря 1916 г. в Кисловодске, ум. в сентябре 1969 г. в Швейцарии).

Вторым браком на Коллет Делофр (род. 25 марта 1929 г.).

Доктор медицины. Президент общества друзей Льва Толстого во Франции. Франция. Париж.

46. **Софья Михайловна ТОЛСТАЯ,** родилась 26 января 1915 г. в Москве, умерла 15 октября 1975 г. Погребена на кладбище Ново-

Дивеевского монастыря, Спринг Валли, штат Нью-Йорк, США. (11)

Замужем за Рафаилом Николаевичем Лопухиным (род. в 1916 г., ум. в 1960 г.).

III. ПРАВНУКИ Л. Н. ТОЛСТОГО

47. **Луиджи АЛЬБЕРТИНИ,** родился 9 сентября 1931 г. в Риме. (16) Первым браком женат на Николетте Дзанони (род. в 1931 г.). Разведены. Вторым браком с 9 апреля 1979 г. на Диане Марии Партини (род. 8 июля 1941 г. в Риме).

Технолог молока. Фотограф. Италия. Рим.

48. **Анна АЛЬБЕРТИНИ,** родилась в 1934 г. в Риме, умерла в 1936 г. там же. (16)

49. **Марта АЛЬБЕРТИНИ,** родилась 11 мая 1937 г. в Риме. (16) Замужем за Джузеппе Гадда Конти (род. в 1930 г.). Италия, Рим.

50. **Кристина АЛЬБЕРТИНИ,** родилась 15 марта 1948 г. в Риме. (16) Замужем за Андреа Бенаццо (род. в 1950 г.). Италия, Рим.

51. **Сергей Николаевич ХОЛЬМБЕРГ,** родился 7 ноября 1909 г. в Калуге, умер 3 июня 1985 г. в Москве. Погребен на Кочаковском кладбище. (17)

Первым браком женат на Марии Николаевне Лисовой (род. в 1909 г.). Разведены.

Вторым браком на Наталии Сергеевне Домогацкой (род. 20 февраля 1920 г. в Саратове).

Преподаватель труда в средней школе. СССР, Москва.

52. **Владимир Николаевич ХОЛЬМБЕРГ,** родился 15 апреля 1915 г. в Калуге. Умер в 1932 г. (?) (17)

53. **Никита Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 15 апреля 1923 г. в Югославии. (21)

Женат на Светлане Михайловне Шур (род. 14 декабря 1938 г. в Москве). Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор. СССР, Москва.

54. **Олег Владимирович ТОЛСТОЙ,** родился 3 июля 1927 г. в Тетово, Югославия. (22)

Первым браком женат на Татьяне Владимировне Плигиной (род. 29 апреля 1929 г.). Разведены в 1961 г.

Вторым браком с 1967 г. на Ольге Алексеевне То́мара (род. 3 декабря 1935 г. в Ростове-на-Дону).

Художник-живописец. Член Союза художников СССР с 1959 г. Участник многих всесоюзных и республиканских выставок. СССР, Москва.

55. **Илья Владимирович ТОЛСТОЙ,** родился 29 июня 1930 г. в Новой Бече, Югославия. (22)

Первым браком женат на Рите Александровне Карпенко (род. 16 июля 1930 г. в Брянске). Разведены в 1986 г.

Вторым браком — на Светлане Владиславовне Светана (род. 3 марта 1938 г. в Новосибирске).

Кандидат филологических наук. Доцент МГУ. Автор книги «Свет Ясной Поляны», М.: Мол. гвардия, 1986. СССР, Москва.

56. **Сергей Владимирович ТОЛСТОЙ,** родился 20 октября 1922 г. в Новом Саду, Югославия. Носит фамилию матери — В. И. Толстой (род. в 1903 г.). Отчество по крестному отцу. США. (23)

57. **Анна ТОЛСТАЯ,** родилась 5 мая 1937 г. Швеция. (26)

58. **Екатерина ТОЛСТАЯ,** родилась 3 августа 1940 г. (26)

Замужем за Стеффаном Юхансоном (род. 25 декабря 1939 г.).

Инженер. Швеция.

59. **Иван ТОЛСТОЙ,** родился 25 января 1945 г. (26)

Женат на Екатерине Нурбекк (род. 18 мая 1946 г.) Швеция.

60. **Мария (Майя) ЭБЕРГ,** родилась 15 февраля 1932 г. (незаконная дочь П. Л. Толстого и Марии Эберг, род. 1903 г.). (26)

Замужем за Вольдемаром Юхансоном (род. 23 мая 1928 г.)

Агроном. Швеция.

61. **Мария ТОЛСТАЯ,** родилась 8 мая 1938 г. (27)

Замужем за Эриком Челльбергом (род. 3 октября 1939 г.). Швеция.

62. **Стефан ТОЛСТОЙ,** родился 18 ноября 1940 г. (27)

Женат на Сузанне Эдлинд (род. 3 января 1945 г.). Швеция.

63. **Даниил ТОЛСТОЙ,** родился 18 сентября 1972 г. (от второго брака). Швейцария. (27)

64. **Надежда ТОЛСТАЯ,** родилась 27 января 1974 г. (от второго брака). Швейцария. (27)

65. **Лев (Лео) ТОЛСТОЙ,** родился 31 января 1934 г. (28)

Женат на Ионике Иенссон (род. 23 марта 1937 г.). Швеция.

66. **Петр ТОЛСТОЙ,** родился 10 августа 1935 г. (28)
Женат на Агнете Бруман (род. 4 июня 1938 г.). Швеция.

67. **Андрей ТОЛСТОЙ,** родился 28 июля 1938 г. (28)
Женат на Гунилле Росин (род. 23 февраля 1939 г.). Швеция.

68. **Елизавета ТОЛСТАЯ,** родилась 28 октября 1941 г. (28)
Замужем за Герхардтом Иохлиге (род. 1 мая 1939 г.). ФРГ.

69. **Кристиан ЛУНДЕБЕРГ,** родился 25 декабря 1931 г. (29)
Женат на Христине Бергхом (род. 26 апреля 1931 г.). Швеция.

70. **Вильгельм ЛУНДЕБЕРГ,** родился 17 августа 1933 г. (29)
Женат на Ива Юханссон (род. 16 октября 1935 г.). Швеция.

71. **Стефан ЛУНДЕБЕРГ,** родился 19 февраля 1936 г. (29)
Женат на Керштин Нильссон (род. 26 декабря 1937 г.). Швеция.

72. **Стеллан Рюрик ЛУНДЕБЕРГ,** родился 30 декабря 1939 г. (29)
Женат на Гунилле Бруберг (род. 5 сентября 1950 г.). Швеция.

73. **Гердт ЛУНДЕБЕРГ,** родился 20 июля 1948 г. Швеция. (29)

74. **Сингне СЕДЕР,** родилась 29 августа 1939 г. (30)
Замужем за Бьёрном Бергстромом (род. 30 декабря 1938 г.) Швеция.

75. **Шарлотта СЕДЕР,** родилась 12 мая 1944 г. (30)
Замужем за Яном Бергмарком (род. 24 октября 1943 г.). Швеция.

76. **Михаил ТОЛСТОЙ,** родился 28 июня 1944 г. Швеция. (31)

77. **Николай ТОЛСТОЙ,** родился 1 октября 1946 г. (31)
Женат на Гуннель де Геер (род. 14 марта 1946 г.). Швеция.

78. **Христофор ПАУС,** родился 2 июня 1941 г. (32)
Женат на Бритте Нутандер (род. 24 января 1945 г.). Швеция.

79. **Грегер ПАУС,** родился 14 февраля 1943 г. Швеция. (32)

80. **Татьяна ПАУС,** родилась 16 декабря 1945 г. (32)
Замужем за Магнусом Увнэсом (род. 1 июля 1945 г.). Швеция.

81. **Петр ПАУС,** родился 9 февраля 1950 г. Швеция. (32)

82. **Иёран СТРЕЙФФЕРТ,** родился 1 декабря 1946 г. (33)
Женат на Кристине Артуол (род. 14 ноября 1942 г.). Швеция.

83. **Елена СТРЕЙФФЕРТ,** родилась 18 января, 1948 г. (33)
Замужем за Ульфом Асканом (род. 9 июня 1946 г.). Швеция.

84. **Сузанна СТРЕЙФФЕРТ,** родилась 15 марта 1949 г. Швеция. (33)

85. **Доротея СТРЕЙФФЕРТ,** родилась 14 декабря 1955 г. Швеция. (33)

86. **Александр Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 19 июля 1921 г. в станице Ханской, Майкопского района, Краснодарского края (от первого брака). (36)

Женат с 2 августа 1957 г. на Светлане Николаевне Синьковой (род. 4 июня 1923 г. в Москве). СССР, Москва.

87. **Софья Ильинична ТОЛСТАЯ,** родилась 29 июля 1922 г. в Туле (от второго брака). (36)

Замужем за Петром Мартыновичем Вилистером (род. в мае 1894 г., ум. в ноябре 1965 г., Рига). СССР, Москва.

88. **Татьяна Александровна ВАУЛИНА,** родилась 26 сентября 1929 г. в Праге. (37)

Замужем с 17 апреля 1965 г. за Владимиром Бенеткой. Чехословакия, Прага.

89. **Илья Иванович ТОЛСТОЙ,** родился 20 сентября 1926 г. в г. Кламаре под Парижем. (38)

Женат на Сесиоль Лешарне (род. в 1930 г.). США.

90. **Михаил Александрович ЛЬВОВ,** родился 21 декабря 1923 г. в Париже. (39)

Женат на Люсиль Дюбрей (род. 10 декабря 1922 г. в Саусбридже, США). Франция, Париж.

91. **Татьяна Владимировна ТОЛСТАЯ,** родилась 12 сентября 1942 г. (41)

Замужем с 25 сентября 1965 г. за Петром Алексеевичем Панкратовым (Пенкрат), (род 11 августа 1931 г.). США.

92. **Мария Владимировна ТОЛСТАЯ,** родилась 22 августа 1961 г. США. (41)

93. **Ольга Игоревна АЛЕКСЕЕВА-СТАНИСЛАВСКАЯ,** родилась 4 марта 1933 г. в Париже. (42).

Замужем первым браком за (?).

Вторым браком за Иосифом Нанталовичем Мардухаевым (род. 10 февраля 1935 г. в Баку). Франция; Париж.

94. **Сергей Петрович ТОЛСТОЙ,** родился в 1957 г. в Ньек, США. (43)

Служит в коммерческом флоте США.

95. **Александр Сергеевич ТОЛСТОЙ,** родился 19 мая 1938 г. в Париже (от первого брака). (45)

Женат на Марии Франс Кобарер (род. 28 февраля 1940 г. в Париже). Франция, Париж.

96. **Михаил Сергеевич ТОЛСТОЙ,** родился 19 мая 1938 г. в Париже (от первого брака). Франция, Париж. (45)

97. **Мария Сергеевна ТОЛСТАЯ,** родилась 8 августа 1939 г. в Париже (от первого брака). Швейцария. (45)

98. **Сергей Сергеевич ТОЛСТОЙ,** родился 29 января 1958 г. в Париже (от второго брака), умер 3 июля 1979 г. Погребен в Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем. Франция, Париж. (45)

99. **Дмитрий Сергеевич ТОЛСТОЙ,** родился 29 января 1959 г. в Париже (от второго брака). Франция, Париж. (45)

100. **Сергей Рафаилович ЛОПУХИН,** родился 1 марта 1942 г. в Париже. (46)

Женат с 2 августа 1965 г. на Анастасии Борисовне Хаустовой (род. 23 октября 1943 г. в Югославии). США.

101. **Никита Рафаилович ЛОПУХИН,** родился 5 декабря 1944 г. в Париже. (46)

Женат с 21 июня 1971 г. на Марианне Николаевне Николаевой (род. 16 июля 1948 г. в США). Канада, Оттава.

Лесовод-эколог.

102. **Андрей Рафаилович ЛОПУХИН,** родился 6 марта 1947 г. в Париже. (46)

Женат с 6 июля 1970 г. на Лидии Борисовне Хаустовой (род. 28 марта 1950 г. в Австрии). США.

IV. ПРАПРАВНУКИ Л. Н. ТОЛСТОГО

103. **Леонардо АЛЬБЕРТИНИ,** родился 30 сентября 1957 г. в Самадене (Швейцария). Италия, Рим. (47)

104. **Андреа АЛЬБЕРТИНИ,** родился 10 февраля 1960 г. в Риме. Италия, Рим. (47)

105. **Филиппо АЛЬБЕРТИНИ,** родился 23 ноября 1968 г. в Риме. Италия, Рим. (47)

106. **Пиеро Гадда КОНТИ,** родился 14 января 1959 г. в Милане. Италия, Рим. (49)

107. **Марко Гадда КОНТИ,** родился 18 августа 1960 г. в Милане. Италия, Рим. (49)

108. **Констанца Гадда КОНТИ,** родилась 15 ноября 1965 г. в Милане. Италия, Рим. (49)

109. **Илария Гадда КОНТИ,** родилась 16 сентября 1969 г. в Милане. Италия, Рим. (49)

110. **Марфа Никитична ТОЛСТАЯ,** родилась 15 октября 1965 г. в Москве. СССР, Москва. (53)

111. **Анна Никитична ТОЛСТАЯ,** родилась 27 февраля 1971 г. в Москве. СССР, Москва. (53)

112. **Наталия Олеговна ТОЛСТАЯ,** родилась 14 июля 1954 г. в Москве (от первого брака). (54)

Художник.

Замужем за Владимиром Николаевичем Лысяковым (род. 10 апр. 1948 г. с. Зубовка Куйбышевской обл.). СССР, Москва, (54)

113. **Петр Олегович ТОЛСТОЙ,** родился 20 июня 1969 г. в Москве (от второго брака). (54) СССР, Москва.

114. **Илья Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 4 декабря 1954 г. в Москве. (55) СССР, Москва.

Женат на Наталии Анатольевне Лебедко (род. 4 декабря 1964 г.) Журналист.

115. **Владимир Ильич ТОЛСТОЙ,** родился 28 сентября 1962 г. в Москве.

Женат на Марии Всеволодовне Шишковской (род. 28 января 1962 г. в Москве).

Журналист. СССР, Москва.

116. **Елена (Лена) ЮХАНСОН,** родилась 16 июня 1970 г. Швеция. (58)

117. **Андре ТОЛСТОЙ,** родился 5 февраля 1975 г. Швеция. (59)

118. **Марк ТОЛСТОЙ,** родился 12 августа 1976 г. Швеция. (59)

119. **Маттс ЮХАНСОН,** родился 16 сентября 1958 г. Швеция. (60)

120. **Ларс ЮХАНСОН,** родился 20 апреля 1961 г. Швеция. (60)

121. **Эрик ЮХАНСОН,** родился 30 марта 1964 г. Швеция. (60)

122. **Андрес ЮХАНСОН,** родился 17 июня 1968 г. Швеция. (60)

123. **Николай ЧЕЛЛЬБЕРГ,** родился 9 июня 1963 г. Швеция. (61)

124. **Елена ЧЕЛЛЬБЕРГ,** родилась 24 декабря 1964 г. Швеция. (61)

125. **Софья ТОЛСТАЯ,** родилась 25 марта 1967 г. Швеция. (62)

126. **Александр ТОЛСТОЙ,** родился 1 июня 1969 г. Швеция. (62)

127. **Себастьян ТОЛСТОЙ,** родился 4 апреля 1972 г. Швеция. (63)

128. **Мария ТОЛСТАЯ,** родилась 24 февраля 1960 г. Швеция. (65)

129. **Лев ТОЛСТОЙ,** родился 8 июня 1962 г. Швеция. (65)

130. **Тереза ТОЛСТАЯ,** родилась 12 января 1966 г. Швеция. (65)

131. **Вивека ТОЛСТАЯ,** родилась 6 февраля 1961 г. Швеция. (66)

132. **Александра ТОЛСТАЯ,** родилась 8 февраля 1964 г. Швеция. (66)

133. **Татьяна ТОЛСТАЯ,** родилась 29 августа 1968 г. Швеция. (66)

134. **Екатерина (Катерина) ТОЛСТАЯ,** родилась 20 апреля 1966 г. Швеция. (67)

135. **Елизавета ТОЛСТАЯ,** родилась 19 января 1969 г. Швеция. (67)

136. **Дарья ТОЛСТАЯ,** родилась 13 марта 1970 г. Швеция. (67)

137. **Петр ТОЛСТОЙ,** родился 15 января 1972 г. Швеция. (67)

138. **Каролина ИОХЛИГЕ,** родилась 13 июля 1965 г. ФРГ, Бавария. (68)

139. **Еристина ИОХЛИГЕ,** родилась 31 мая 1967 г. ФРГ, Бавария. (68)

140. **Урсула ИОХЛИГЕ,** родилась 12 апреля 1970 г. ФРГ, Бавария. (68)

141. **Кристиан ЛУНДЕБЕРГ,** родился 6 марта 1957 г. Швеция. (69)

142. **Фредрик ЛУНДЕБЕРГ,** родился 4 мая 1969 г. Швеция. (69)

143. **Мартина ЛУНДЕБЕРГ,** родилась 23 января 1964 г. Швеция. (69)

144. **Пер-Оскар ЛУНДЕБЕРГ,** родился 18 августа 1962 г. Швеция. (70)

145. **Ильва ЛУНДЕБЕРГ,** родилась 17 марта 1965 г. Швеция. (70)

146. **Эва-Лотта ЛУНДЕБЕРГ,** родилась 23 ноября 1968 г. Швеция. (70)

147. **Катерина ЛУНДЕБЕРГ,** родилась 30 августа 1962 г. Швеция. (71)

148. **Анна-Карин ЛУНДЕБЕРГ,** родилась 19 марта 1964 г. Швеция. (73)

149. **Карина ЛУНДЕБЕРГ,** родилась 20 ноября 1976 г. Швеция. (73)

150. **Ильва БЕРГСТРОМ,** родилась 7 января 1965 г. Швеция. (74)

151. **Ульф БЕРГСТРОМ,** родился 15 июля 1966 г. Швеция. (74)

152. **Пер БЕРГМАРК,** родился 12 января 1969 г. Швеция. (75)

153. **Магнус БЕРГМАРК,** родился 13 сентября 1972 г. Швеция. (75)

154. **Софья БЕРГМАРК,** родилась 4 сентября 1976 г. Швеция. (75)

155. **Фредерик ПАУС,** родился 29 мая 1971 г. Швеция. (78)

156. **Карл ПАУС,** родился 21 мая 1973 г. Швеция. (78)

157. **Михаил УВНЭС,** родился 11 марта 1976 г. Швеция. (80)

158. **Татьяна Петровна ВИЛИСТЕР-ТОЛСТАЯ,** родилась 15 ноября 1943 г. в Ясной Поляне. (87)

Замужем за Диком Вонгсореджо (род. 19 сентября 1927 г. Кроя, Индонезия). СССР, Москва.

159. **Ольга Петровна ВИЛИСТЕР-ТОЛСТАЯ,** родилась 6 апреля 1945 г. в Ясной Поляне. Преподаватель. СССР, Москва. (87)

160. **Петр БЕНЕТКА,** родился 1 ноября 1965 г. в Праге. Чехословакия, Прага. (88)

161. **Яна БЕНЕТКА,** родилась 12 октября 1970 г. в Праге. Чехословакия, Прага. (88)

162. **Варвара Ильинична ТОЛСТАЯ,** родилась 26 июля 1956 г. Франция, Париж. (89)

163. **Марк Михайлович ЛЬВОВ,** родился 9 декабря 1952 г. Франция. Париж. (90)

164. **Иван (Джон) Михайлович ЛЬВОВ,** родился 22 декабря 1954 г. Франция, Париж. (90)

165. **Матвей Михайлович ЛЬВОВ,** родился 20 октября 1960 г. Франция, Париж. (90)

166. **Иван Петрович ПЕНКРАТ,** родился 14 февраля 1967 г. США. (91)

167. **Алексей Петрович ПЕНКРАТ,** родился 28 августа 1968 г. США. (91)

168. **Владимир Петрович ПЕНКРАТ,** родился 15 февраля 1970 г. США. (91)

169. **Софья Петровна ПЕНКРАТ,** родилась 31 января 1976 г. США. (91)

170. **Михаил Юрьевич АЛЕКСЕЕВ,** родился 15 сентября 1954 г. в Москве (фамилия матери от первого брака). (93)

Женат на Татьяне Викторовне Карповой (род. 8 декабря 1954 г. в Москве). СССР, Москва.

171. **Максим Иосифович МАРДУХАЕВ,** родился 24 февраля 1960 г. (от второго брака). Франция, Париж. (93)

172. **Кирилл Иосифович МАРДУХАЕВ,** родился 2 апреля 1961 г. (от второго брака). Франция, Париж. (93)

173. **Валерия Александровна ТОЛСТАЯ,** родилась 10 января 1965 г. в Париже. Франция, Париж. (95)

174. **Иван Александрович ТОЛСТОЙ,** родился 3 мая 1967 г., умер 28 июня 1974 г. в Париже. Погребен на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем. Франция, Париж. (95)

175. **Василий Александрович ТОЛСТОЙ,** родился 31 августа 1976 г. в Париже. Франция, Париж. (95)

176. **Мария Сергеевна ЛОПУХИНА,** родилась 8 июня 1965 г. США. (100)

177. **Наталья Сергеевна ЛОПУХИНА,** родилась 14 февраля 1967 г. США. (100)

178. **Лидия Сергеевна ЛОПУХИНА,** родилась 25 сентября 1968 г. США. (100)

179. **Петр Сергеевич ЛОПУХИН,** родился 17 мая 1972 г. США. (100)

180. **Софья Никитична ЛОПУХИНА,** родилась 6 мая 1974 г. в США. Канада, Оттава. (101)

181. **Матвей Андреевич ЛОПУХИН,** родился 26 марта 1972 г. США. (102)

182. **Дмитрий Андреевич ЛОПУХИН,** родился 20 августа 1974 г. США. (102)

V. ПРАПРАПРАВНУКИ Л. Н. ТОЛСТОГО

183. **Иван Владимирович ЛЫСЯКОВ,** родился 21 августа 1977 г. в Москве. Носит фамилию матери — Н. О. Толстой (род. в 1954 г.). (112). СССР, Москва.

184. **Анна Ильинична ТОЛСТАЯ,** родилась 10 февраля 1986 г. в Москве. СССР, Москва. (114)

185. **Анастасия Владимировна ТОЛСТАЯ,** родилась 1 февраля 1984 г. в Москве. СССР, Москва. (115)

186. **Татаасари Мурдики ВОНГСОРЕДЖО,** родилась 25 сентября 1962 г. в Москве. СССР, Москва. (158)

187. **Марианна Мурдики ВОНГСОРЕДЖО,** родилась 2 января 1966 г. в Москве. СССР, Москва. (158)

188. **Екатерина Михайловна АЛЕКСЕЕВА,** родилась 10 января 1974 г. в Москве. СССР, Москва. (170)

Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЫСТУПИЛ, КАК ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК ЕЩЕ ПРИ КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ. В РЯДЕ ГЕНИАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, КОТОРЫЕ ОН ДАЛ В ТЕЧЕНИЕ СВОЕЙ БОЛЕЕ ЧЕМ ПОЛУВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОН РИСОВАЛ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СТАРУЮ, ДОРЕВОЛЮЦИОННУЮ РОССИЮ, ОСТАВШУЮСЯ И ПОСЛЕ 1861 ГОДА В ПОЛУКРЕПОСТНИЧЕСТВЕ, РОССИЮ ДЕРЕВЕНСКУЮ, РОССИЮ ПОМЕЩИКА И КРЕСТЬЯНИНА. РИСУЯ ЭТУ ПОЛОСУ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ, Л. ТОЛСТОЙ СУМЕЛ ПОСТАВИТЬ В СВОИХ РАБОТАХ СТОЛЬКО ВЕЛИКИХ ВОПРОСОВ, СУМЕЛ ПОДНЯТЬСЯ ДО ТАКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИЛЫ, ЧТО ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАНЯЛИ ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ МЕСТ В МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

В. И. ЛЕНИН

Т. Н. Архангельская

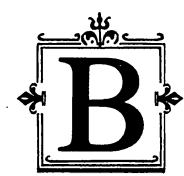

II

КНИГИ, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННИКИ

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ 16-Й ГЛАВЫ РАССКАЗА «СЕВАСТОПОЛЬ В МАЕ 1855 ГОДА»

В яснополянском кабинете Л. Н. Толстого, где писатель работал с 1902 г. по 1910 г., на одной из книжных полок находится 14-томное издание «Сочинений графа Л. Н. Толстого», вышедшее в 1903 г. Этот экземпляр последнего собрания сочинений, полностью выпущенного при жизни Толстого, был, очевидно, рабочим экземпляром писателя, постоянно находившимся у него под рукой.

Книги сохранили следы чтения их Толстым: в трех томах имеются карандашные пометы, бесспорно принадлежащие писателю, многие тома разрезаны не полностью, так как внимание его привлекали лишь отдельные произведения, а иногда и отрывки из них.

Во втором томе, содержащем повести и рассказы 50—60-х годов, среди неразрезанных страниц есть два листа разрезанных. Толстой перечитал XVI главу рассказа «Севастополь в мае 1855 года». Страницы 336—339, содержащие текст этой главы, испещрены его многочисленными пометами. Зачеркнуты отдельные слова, фразы, местами целые отрывки (в общей сложности исключено свыше 200 слов). В то же время поля книги и пространство между строками исписаны Толстым. Расшифровка этих записей показывает, что мы имеем одну из новых

редакций главы, созданную писателем в последнее десятилетие его жизни, то есть полвека спустя после выхода рассказа в свет.

Какова же была цель этой работы и когда она могла быть произведена?

В упомянутой главе описано перемирие на войне в период обороны Севастополя в мае 1855 г., когда Толстой был на знаменитом четвертом бастионе.

Тема братания солдат враждебных лагерей, раскрываемая в этом отрывке, безусловно стала еще ближе позднему Толстому, обличителю империалистических войн. Мысли о ненужности для простых людей этих кровопролитных войн постоянно встречаются в его статьях и других работах последних лет.

На протяжении жизни Толстой много раз вспоминал моменты Крымской войны, осуждая ее и в моральном, и в политическом плане.

В апреле 1886 г. В. Г. Чертков, основавший народное книгоиздательство «Посредник», известил Толстого о том, что готовится для народного чтения издание «Севастопольских рассказов». Посылая рассказы, сокращенные и измененные работавшим в издательстве знакомым Толстого Н. Л. Озмидовым, Чертков писал: «Я их перечел в этом виде, и мне кажется, что они производят очень сильное впечатление в желательную сторону. Мне также кажется, что вам там много изменять не стоит»[1].

В библиотеке Ясной Поляны сохранились два экземпляра изданной «Посредником» брошюры, вышедшей, вероятно, осенью 1886 г. под названием «Осада Севастополя. (Сокращено по рассказам о Севастопольской обороне Льва Толстого)». Эта книжечка имеет 71 страницу малого формата. Изложение рассказа «Севастополь в мае 1855 года» занимает в ней 27 страниц. Около трех страниц приходится на главу о перемирии. Следует отметить, что по сравнению с общим объемом сокращений текста рассказа

примерно в полтора раза эта глава изложена довольно полно. В первом издании, в 1855 г., рассказ вышел с целым рядом цензурных исключений. Н. Л. Озмидов восстанавливает отдельные фразы и отрывок из конца XVI главы, изъятые цензурой.

Прочитав рассказы в сокращении Озмидова, Толстой написал Черткову: «Севаст[опольские] рассказы так очень хороши. Трогать их не могу»[2].

15 мая 1889 г. Чертков обратился к Толстому с просьбой дать для «Посредника» что-либо еще, поскольку, писал он, «ваша книжечка... «Осада Севастополя» запрещена...»[3]

Незадолго до этого, 10 марта 1889 г., Толстой закончил работу над своим «Предисловием» к «Севастопольским воспоминаниям» А. И. Ершова.

Автор воспоминаний, участник Севастопольской обороны, артиллерийский офицер А. И. Ершов посетил Толстого в январе 1889 г. и обратился к нему с просьбой написать предисловие к готовившемуся тогда новому изданию его книги. Переизданные воспоминания Ершова, выпущенные в 1891 г., вышли, однако, без предисловия Толстого. Оно появилось лишь в 1902 г. в издании «Свободного слова» (Англия) под названием «Против войны». В России эта статья под заглавием «О войне» была издана «Посредником» в 1906 г. 24 января 1909 г. это издание было конфисковано[4].

Рассказы А. И. Ершова Толстой находил хорошими, о чем писал в Дневнике 31 октября 1857 г. Перекликаясь во многом с автором воспоминаний, переживая вновь свои севастопольские впечатления, Толстой в «Предисловии» дал вместе с тем новую оценку виденному. «Я переживал с автором пережитое и мною 34 года тому назад»,— пишет Толстой. Он особенно подчеркивает положение солдата, которого «заставили делать самые противоестественные дела в мире, убивать ничем не обидевших меня

братьев». Между тем «...война кончилась постыдно и ничем не может быть оправдана (нет ни освобождения Европы или болгар, или т. п.)». В воспоминаниях Ершова, пишет Толстой, «описываются страдания и смерти людей, но не говорится о том, что производит их.

35 лет тому назад и то хорошо было, но теперь уже нужно другое.

Нужно описывать то, что производит страдания и смерти войн для того, чтобы узнать, понять и уничтожить эти причины»[5].

В одном из вариантов статьи выражена мысль, близкая к содержанию XVI главы рассказа «Севастополь в мае»: «Нельзя найти самых диких людей, которые бы стали воевать только вследствие своей национальной ненависти... тем не менее это могло быть у нас, убивавших англичан и французов...»[6]

Один из трех экземпляров русского издания «Предисловия» к «Севастопольским воспоминаниям» А. И. Ершова, имеющихся в яснополянской библиотеке, разрезан. Очевидно, Толстой перечитывал эту статью в 1906 г. или позднее.

С 1906 г. писатель работал над «Новым кругом чтения» для детей и народа. В связи с этим в его записной книжке и в Дневнике за 30 апреля 1907 г. намечено шесть сюжетов рассказов для детей и среди них «Перемирие на войне». В комментарии к 56 тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, содержащему эту дневниковую запись, указано, что она, очевидно, относится к «картинам «братания» русских с французами, которые Толстой лично наблюдал в севастопольскую кампанию»[7], что отразилось в главе XVI рассказа «Севастополь в мае». Там отмечено также, что ни один из шести сюжетов, в том числе и упомянутый, не был разработан.

Вариант XVI главы, складывающийся при учете исключений и дополнений, сделанных Толстым на стра-

ницах рассказа в издании 1903 г., очевидно, и представляет собой разработку данного сюжета. Ниже публикуется текст этого отрывка:

«Вот что я видел в Севастопольскую войну. Было перемирье. Это было в мае. На нашем бастионе и на французской траншее выставлены белые флаги, и между ними в долине среди свежей зелени и цветов кучами лежат без сапог, в серых и синих одеждах изуродованные трупы. Рабочие поднимают их и накладывают на повозки. Запах мертвого тела стоит по всему месту. Из Севастополя и из французского лагеря толпы народа высыпали смотреть на то, что делается, и французы, и русские сходятся, оглядывают друг друга и разговаривают.

Вот посреди кучки русских и французов молоденький офицер рассматривает гвардейскую сумку на франц[узском] солдате.

— Э сеси пуркуа се уазо лие? — говорит он. Он плохо говорит по-французски, но француз понимает его. Он спрашивает, зачем на сумке орел. Француз отвечает, что это знак того, что он гвардейский.

— Э сеси у аште? — спрашивает офицер, указывая на деревянн[ый] желтый муштучек[8], в котором француз курит папиросу. Француз говорит, что он купил это в Балаклаве.— Жоли,— говорит офицер. Это значит: хорошо. Француз выдувает папироску и подает офицеру муштучек с маленьким поклоном. «Возьмите на память, если Вам нравится»,— говорит француз. Офицер достает сигарочницу и подает французу, и все присутствующие, как французы, так и русские смотрят на это радостно и улыбаются.

А вот пехотный бойкий солдат в розовой рубашке и шинели внакидку подошел к французу и попросил у него огня закурить трубку. Трое молодых солдат, заложив руки за спину, с веселыми любопытными лицами подо-

шли вместе. Француз разжигает, расковыривает трубочку и высыпает огня русскому.

— Табак бун,— говорит солдат в розовой рубашке, и молодые солдаты смеются.

— Oui, bon tabac, tabac turs,— говорит француз,— et chez vous autres, tabac russe? bon?[9]

— Рус бун,— говорит солдат в розовой рубашке. Он ничего не понял, но думает, что он знает. Солдаты покатываются со смеху.

— Франсе нет бун, бонжур, мусье! — говорит солдат в розовой рубашке, сразу уж выпуская весь свой заряд знаний языка, и треплет француза по животу, и смеется.

Французы тоже смеются и переговариваются между собой.

— Кафтан бун,— говорит бойкий солдат, рассматривая шитые полы мундира.

Французский капрал строго кричит, чтобы солдаты не выходили за черту, и солдаты расходятся.

А вот в кружке французских офицеров наш молодой кавалерийский офицер [зачеркнуто: хорошо] бойко говорит с французским офицером.

Француз знал русского в Париже и спрашивает про него. Русский офицер говорит, что не знает такого, и они говорят о вчерашнем ночном сражении.

Оба делают вид, что им не жалко того, что было.

— Горячо б[ыло] ж вам ночью,— говорит русский, желая поддержать разговор и указывая на трупы.

— Да, ужасно,— говорит француз.— Но и молодцы же ваши солдаты.

— Ну, и ваши охулки на руку не положат,— говорит кавалерист, кланяясь и улыбаясь.

А вот десятилетний мальчишка, в старом, должно быть, отцовском картузе, в башмаках на босу ногу и нанковых штанишках на одной помочи тоже вышел за вал

и все ходит по лощине, глядя то на живых французов, то на трупы русских и французов.

Он набрал большой пук голубых цветов и идет домой. Запах мертвечины, видно, неприятен ему, и он, закрыв нос цветами, остановился около кучки снесенных тел и смотрит на страшный безголовый труп. Вот он пододвинулся к трупу и дотронулся ногой до вытянутой окоченевшей руки трупа».

В книге отрывок ограничен горизонтальной чертой, подведенной Толстым под фразой: «Белые флаги спрятаны... слышатся стоны и проклятия». Заключительная часть отрывка не имеет правки. Лишь перед началом последней фразы («Белые флаги...») Толстой вписал слово: «Нет».

Толстой обрабатывал отрывок независимо от варианта Озмидова. Имея общую цель — дать переложение главы для народного чтения,— Толстой и Озмидов неизбежно повторяют друг друга в переработке отдельных мест (например, в переложении фраз, данных в оригинале по-французски, и др.). Приведем несколько примеров обработки соответствующих отрывков Озмидовым:

1. «На нашем бастионе и на французской траншее выставлены белые флаги (белые флаги означают перемирие), на лугу кучками лежат без сапог, в серых и синих одеждах, изуродованные тела».

2. «Это где купили? — спрашивает офицер, указывая на деревянную желтую сигарочницу, в которой француз курит папиросу.— В Балаклаве. Это очень простая вещь из пальмового дерева,— отвечает француз.— Хорошенькая вещичка,— говорит офицер.— Если вы возьмете от меня эту вещичку на память, то я буду очень рад.

3. «Теперь посмотрите на этого десятилетнего мальчишку, который... (Опускаем совпадающие детали.— *Т. А.*) с самого начала перемирия вышел за вал и все ходил по лощине, глядя на французов и на тела, лежа-

щие на земле, и набирал голубые цветы. Возвращаясь домой с большим букетом, он закрыл нос от запаха и остановился около кучки тел и долго смотрел на один страшный безголовый труп».

При сопоставлении вариантов Озмидова с вышеизложенной обработкой Толстого, несмотря на то, что писатель признал обработку Озмидова вполне удачной, совершенно явно выступают несомненные преимущества толстовского варианта.

Этот вариант представляет собой произведение, характерное для прозы позднего Толстого, с необычайно ясной, простой и вместе с тем глубокой по мысли фразой.

Что же руководило Толстым, когда он переделывал главу? Молодой Толстой, критически относившийся к большей части русского офицерства, в этой главе, где не выражено ясно обличительного направления, несколько иронически относится к отдельным своим персонажам. Позднего Толстого это не могло удовлетворить. Он смотрит на окружающее глазами простого человека, равного тем простым людям, о которых он рассказывает, и не может принять прежнего тона наблюдателя, порой как бы приглашающего посмотреть и послушать[10].

В переработанном отрывке иной рассказчик. Считая недостаточным простое изложение событий, писатель наделяет его новым взглядом на вещи, делает судьей происходящего. Это сделано настолько мастерски, что рассказ, лишенный нарочитой тенденциозности, производит тем не менее совершенно определенное впечатление.

Тон рассказа стал более строгим. Исключены, например, такие выражения по адресу офицеров: «так и рассыпается», или: говорит, «воображая, что он очень мил», или: говорит, «руководимый не столько собственным произволом, сколько словами, которые он знает» (вследствие недостаточных познаний во французском языке). Теперь эти детали для Толстого не столь важны. И солдаты,

и офицеры выступают теперь единой группой, их соединяет то, что все они — исполнители чужой воли. Более того, это единство подчеркнуто Толстым применительно к русским и французским участникам войны: два офицера враждебных лагерей, беседуя, лишь «делают вид, что им не жалко того, что было».

На самом же деле, считает Толстой, им до глубины души жаль, что так вышло, больно видеть вокруг трупы товарищей. В душе они не враги, но тупая, жестокая высшая воля толкает их на убийство.

Многие фразы Толстой делает проще, но в то же время серьезнее, значительнее. Вот примеры подобной обработки:

Прежний текст	Новый вариант
«...Толпы народа высыпали смотреть на это зрелище и с жадным благосклонным любопытством стремятся одни к другим. Послушайте, что говорят между собой эти люди».	«...Толпы народа высыпали смотреть на то, что делается, и французы, и русские сходятся, оглядывают друг друга и разговаривают».
«...офицер... хотя плохо, но достаточно хорошо, чтобы его понимали, говорящий по-французски».	«Он плохо говорит по-французски, но француз понимает его».

Толстой стремится освободить рассказ от французской речи. В прежнем варианте в отрывке было около двадцати французских предложений, рассчитанных на читателя, знающего в той или иной мере французский язык. Ответы французов следовали вперемежку с вопросами русских, сделанными на французском же языке, и смысл целого диалога ускользнул бы от того нового читателя, которого имел в виду Толстой, обрабатывая рассказ. В новом варианте содержание всего разговора русского офицера с группой французов передано по-русски. В рас-

сказе оставлены лишь одна французская фраза, две французские фразы русского офицера, плохо знающего язык (его слова передаются русскими буквами), и несколько полурусских-полуфранцузских фраз солдат. При этом контекст настолько проясняет смысл сказанного, что перевода не требуется; следом обычно идет авторское пояснение: «Э сеси пуркуа се уазо лие?..— Он спрашивает, зачем на сумке орел». Или: «Жоли,— говорит офицер. Это значит хорошо».

Отрывку, видимо, была предназначена роль самостоятельного, законченного маленького произведения. В связи с этим вводится новое вступление к рассказу, состоящее из трех коротких предложений. Рассказ закончен фразой, оставляющей читателя в раздумье над нелепостью описываемой войны, лишь на время прерванной недолгим перемирием.

Читатель подведен к этому прекрасной заключительной сценой отрывка, сохраненной Толстым полностью и лишь несколько усиленной. Как в начале, так и в конце повествования автор подчеркивает контраст трупов и цветов, смерти и жизни. «В долине среди свежей зелени и цветов» (первоначально было просто «в цветущей долине») еще страшнее выглядят изуродованные тела. В новом варианте для мальчишки, собирающего здесь же, в лощине, голубые цветы, характерно не просто «тупое любопытство». Он старается постичь происходящее: смотрит «то на живых французов, то на трупы русских и французов». Деталь усиливает контраст прекрасной природы и варварского отношения к человеческой жизни. По замыслу Толстого, этот отрывок, очевидно, призван послужить живой иллюстрацией мысли о том, что война противоестественна.

«Простой народ во Франции, Германии, Англии и Америке — против войны. Мы желаем только, чтобы нас оставили в покое. Люди, имеющие жен, родителей, детей,

дома,— не имеют желания уходить драться с кем бы то ни было. Мы миролюбивы...» Так говорит Толстой в статье «Патриотизм и правительство»[11].

Вероятно, сюжет «Перемирие на войне» лишь в первое время интересовал Толстого как материал для детского чтения. Когда в апреле 1908 г. предполагалось издание хрестоматии «Детям от Льва Николаевича», Толстой не счел нужным предоставить эту вещь издателю. Он дал полную свободу в подборе материалов составителю П. А. Сергеенко. На 278—300 страницах этой хрестоматии перепечатан сокращенный озмидовский вариант «Осады Севастополя». Текст заканчивается главой о перемирии. Толстой, возможно, не видел этого переиздания: экземпляр, имеющийся в его библиотеке, разрезан только до 241 страницы.

В 1909 г. «Новый круг чтения», по предложению Черткова, получил название «На каждый день». Новая редакция XVI главы предназначалась для напечатания именно в этом сборнике.

Но объем материала мог изменить планы Толстого. Сборник составлен из отдельных изречений, мыслей и рассказов значительно меньшего объема.

И вот Толстой ввел в «На каждый день» отрывок, соединивший в себе и повествовательный, и публицистический заряд, вложенный в разработку сюжета о перемирии:

«Человек, понимающий смысл и назначение жизни, не может не чувствовать свое равенство и братство с людьми не одного своего, но и всех народов.

Не раз видал я под Севастополем, когда во время перемирия сходились солдаты русские и французские, как они, не понимая слов друг друга, все-таки дружески, братски улыбались, делая знаки и похлопывая друг друга по плечу или брюху. Насколько люди эти были выше тех людей, которые устраивали войны и внушали людям, что

они не братья, не одинаковые люди, а враги, потому что члены разных народов»[12].

Эта запись помещается в мартовском выпуске «На каждый день». При жизни Толстого раздел «Март» в неполном виде, с большими цензурными пропусками, печатался в феврале 1910 г. в газете «Новая Русь». За печатание «На каждый день» редактор газеты К. П. Славин был приговорен к $1^1/_2$ годам тюремного заключения. 1 мая 1910 г. газета перестала выходить.

Лишь в наше время Толстой — критик империалистического строя и обличитель милитаризма — говорит полным голосом, призывая к всеобщему миру, к уважению прав всех народов.

Опубл.: Яснополянский сборник. Тула, 1962. с. 105—113.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 85, с. 337—338.

[2] Там же, с. 343.

[3] Там же, т. 86, с. 239.

[4] В яснополянской библиотеке есть и английское, и русское издания брошюры.

[5] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 27, с. 522, 523, 524.

[6] Там же, с. 734.

[7] Там же, т. 56, с. 436.

[8] Так у Толстого.

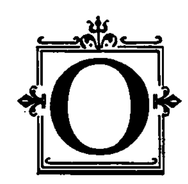
[9] «Да, хороший табак, табак турецкий... А у вас, русский табак — хороший?» (франц.).

[10] Кстати, обороты: «послушайте», «посмотрите лучше» в ряде случаев Толстым зачеркнуты.

[11] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 90, с. 438.

[12] Там же, т. 43, с. 141.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

т 1825 г. «исходит все литературное движение России XIX века»[1],— писал А. И. Герцен.

На протяжении всего своего творческого пути Толстой изучал взгляды и деятельность декабристов, мечтал создать произведение о них. 1856—1863 гг., затем период работы над «Войной и миром», конец 70-х годов, 1884 г., годы работы над повестью «Хаджи-Мурат», рассказами «Стыдно», «За что?», над поздними статьями характерны неизменным обращением писателя к декабристской теме. Самое разностороннее отражение нашла она в романе «Война и мир».

Среди исторических источников романа-эпопеи, хранящихся в личной библиотеке Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, есть издание, остававшееся до сих пор вне поля зрения исследователей «Войны и мира».

Речь идет о сочинении в трех томах, написанном на французском языке декабристом Николаем Ивановичем Тургеневым под названием «Россия и русские». Факт наличия этой книги в библиотеке писателя и чтения ее в брюссельском издании 1847 г. Л. Н. Толстым отмечен исследователем творчества Толстого М. А. Цявловским в его комментарии к незаконченному роману Толстого

«Декабристы» в 17 томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого[2].

Комментатор приводит здесь отрывок из письма знакомого Толстого, большого знатока материалов о декабристах М. И. Семевского, предлагавшего писателю в 1878 г. в числе «некоторых печатных источников» и «Ник. Ив. Тургенева». На 511, 579 и 580 страницах указанного тома поясняются комментатором ссылками на названную выше книгу Тургенева в издании 1847 г. выписки на отдельных листах, сделанные Л. Н. Толстым из сочинения Тургенева в период создания «Декабристов» в конце 70-х годов. Казалось бы, все ясно. Книга вероятнее всего получена от Семевского. Однако в те годы это было далеко не единственное сочинение Н. И. Тургенева, несколько его работ вышло к тому времени и в России, и за границей, Семевский мог иметь в виду любую из них. К тому же, на шмуцтитуле II и III томов яснополянского экземпляра книги «Россия и русские» имеется типографский штамп, позволяющий установить, что перед нами не издание 1847 г., а переиздание 1856 г.

Толстой свидетельствует в ранних вариантах «Войны и мира» о том, что в 1856 г. он начал писать повесть, героем которой должен был быть декабрист. В период 1856—1863 гг. Толстой встречался с декабристами и близкими к ним людьми, усиленно изучал материалы, связанные с декабристским движением, и среди них опубликованные в «Полярной звезде» статьи А. И. Герцена, содержащие высокую оценку деятельности Н. И. Тургенева. Характеризуя Тургенева того времени, Герцен писал: «Через тридцать лет государственный человек, оттертый Николаем от родины и от деятельности, он является с той же верой, энергия его не утратилась, любовь его к России не остыла»[3].

Толстой встречался с Н. И. Тургеневым в Париже 21 марта 1857 г. и 25 октября 1861 г. Естественно пред-

положить, что книга «Россия и русские» могла быть подарена писателю автором. В пользу того, что в период работы над «Войной и миром» Толстой уже имел названное издание, говорят, прежде всего, пометы писателя в книге, имеющие непосредственное отношение к тексту романа-эпопеи. Кстати, к 12 упомянутым записям, приведенным в 17 томе собрания сочинений Толстого, сделанным Толстым по книге Тургенева к роману «Декабристы», можно (и то только очень условно) отнести лишь две пометы. Видимо, обратившись к книге во второй раз, в конце 70-х годов, писатель не оставил в ней значительных следов чтения.

Все пометки в этом издании типичны для Толстого: это отчеркивания на полях, подчеркивания в тексте, пометы «косой крест» и «обведено рамкой», сделанные ногтем (или концом разрезного ножа), карандашные отчеркивания, закладка-полоска бумаги, своеобразно, по-толстовски, загнутые «вдвое» уголки страниц. В I томе книги («Записки изгнанника») есть 26 ногтевых пометок, две карандашные, 47 загнутых уголков; во II томе («Очерки политической и социальной России») — 47 ногтевых пометок, 13 загнутых уголков, одна закладка; в III томе («Будущее России») — шесть загнутых уголков.

Большой интерес, на наш взгляд, представляют собой следы чтения, оставленные Толстым в тексте второй главы I тома под названием «Война 1812 года», в материалах, касающихся деятельности М. М. Сперанского, а также в главах, отражающих характерные явления общественно-политической жизни России первого 20-летия XIX века.

* * *

Рассказывая о событиях, предшествовавших кампании 1812 г., Н. И. Тургенев пишет, что у русского коман-

дования «не было заметно обдуманного плана, предусматривающего все заранее и направленного к достижению определенной цели... Нигде нет никакого указания на план, принятый русским правительством при приближении войны. Всего логичнее сделать отсюда тот вывод, что оно и не имело никакого плана»[4].

Сравним у Толстого: «Ничего не было готово для войны... Общего плана действий не было»[5]. «Все как-то инстинктивно чувствовали,— отчеркивает Толстой слова Тургенева в начале второй главы,— что Россия может успешно бороться с врагом, лишь заманив его в глубь страны, но нельзя сказать, чтобы эта тактика входила в заранее принятый план»[6]. Подобные мысли находим в тексте «Войны и мира»: «...авторы русские ...любят говорить о том, как с начала кампании существовал план Скифской войны заманиванья Наполеона в глубь России... Все факты совершенно противоречат таким предположениям»[7].

Толстой использует в романе приводимое у Н. И. Тургенева положение о наличии двух главнокомандующих в армии в начале войны и то, что «Александр ни за что не хотел открыто признать официально за собой это звание». В «Войне и мире»: «...общего начальника над всеми армиями не было, и император не принимал на себя этого звания»[8].

Толстовской мысли о путанице, раздробленности в командовании войсками как причине ошибок русской армии в начале войны параллельно суждение Н. И. Тургенева: «Это было первой ошибкой: можно было иметь две армии, но здравый смысл требовал, чтобы у них, при совместном действии, был один главнокомандующий»[9].

Располагая, по-видимому, данными о том, что после отступления из Смоленска командовавшего армией Барклая-де-Толли стали подозревать в измене (об этом сообщалось, например, в письме Растопчина к Балашову),

Толстой, однако, предпочитает оценить это событие так же, как и Н. И. Тургенев. В отчеркнутом несколькими штрихами Толстым отрывке о замене Барклая Кутузовым нет мысли об измене и, напротив, говорится, что в дальнейшем предубеждение против Барклая прошло. «Военные сумеют оценить его заслуги как генерала, а беспристрастные люди воздадут должное его высокой честности и прямодушию»[10]. Князь Андрей у Толстого считает, что замена командующего Кутузовым последовала потому, что Барклай, при всей его честности, для России был «чужой», он готов признать в беседе с Пьером, что этот отличный тактик, стратег и прекрасный военный министр «столько же способен быть изменником, сколько мы с тобой»[11]. Как бы иллюстрируя мысль Н. И. Тургенева о том, что на избрание командующим Кутузова указывало общественное мнение, которому Александр, наконец, уступил, Толстой говорит в романе о «единомыслии и общем одобрении, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова в главнокомандующие»[12].

Убедительные сравнения можно было бы привести относительно оценки Толстым вслед за Н. И. Тургеневым личности и поступков Растопчина, таких, как сожжение своего дома, обращение с прокламацией к французам, расправа над Верещагиным, отношение Растопчина к поджогу Москвы (то признавал за собой, то отрицал), обращение к народу с «афишками» и т. д. В материале о Растопчине Толстым отчеркнуты большие отрывки в 13—15 строк и загнуты уголки страниц.

Особо — черным карандашом — отчеркнул Толстой 14 последних строк на 20 странице тургеневской книги и затем две строки на следующей странице. Продолжая отчеркивание ногтем (или ножом), он отмечает так всю 21 страницу, дополнительно загнув вдвое ее верхний уголок.

Пристальное внимание Толстого к данному отрывку объясняется тем, что здесь, в рассуждениях Тургенева о причинах пожара Москвы, он нашел точку зрения, полностью соответствующую его взглядам на это событие. Такой трактовки пожара Москвы Толстой не смог встретить ни в одном другом источнике.

Это же можно сказать и относительно оценки Тургеневым итога Бородинского сражения. Не случайно Толстой загнул вдвое уголок соответствующей страницы в III томе книги «Россия и русские» (2 страница). Читая слова декабриста о «храбрости, патриотизме», «прекрасной энергии», проявленных русским народом в столкновении с нацией, которая еще до Наполеона имела «военный ореол и опыт», нельзя не вспомнить толстовского описания народного подвига на Бородинском поле, когда на врага «была наложена рука сильнейшего духом противника».

Близко было Толстому и уважение Тургенева к простому русскому мужику, защитнику Отечества. Слова «при появлении врага деревни поднимались добровольно, и крестьяне повсюду вели партизанскую войну, сражаясь с удивительной храбростью»[13], созвучны толстовскому описанию «дубины народной войны».

Кто знает, не была ли в какой-то мере направляющей для Толстого в его описании казачьей атаки Орлова-Денисова при Тарутине оценка казаков, отчеркнутая им у Н. И. Тургенева (том II, ч. I, гл. 2): «Казаки являются всегда и везде первыми; ...военные умеют отдать им справедливость и знают чего они стоят, как легкая кавалерия.

В войну 1813—1814 гг. немецкие солдаты, находившиеся на аванпостах, считали себя счастливыми и совершенно были спокойны, когда имели впереди себя казаков для разведок о неприятельских движениях».

Последняя пометка Л. Н. Толстого в тексте главы

о войне 1812 г. имеется в отрывке на 24 странице I тома о переходе русской армии через Березину. Писатель отчеркнул здесь текст в девять строк, содержавший оценку деятельности Кутузова: «Кутузов... когда его провозгласили спасителем Отечества... сознавал власть, которую его имя имело над умами, и его поведение во всех отношениях соответствовало этому сознанию. Но он недолго занимал это славное положение: смерть поразила его вскоре после его последних триумфов»[14].

Трудно представить себе, чтоб этот материал мог не быть источником толстовской оценки Кутузова как «человека, который от начала и до конца своей деятельности в 1812 году... ни разу ни одним действием, ни словом не изменяя себе, являет необычайный в истории пример самоотвержения и сознания в настоящем будущего значения события»[15].

Невольно вспоминаются и последние слова Толстого о Кутузове, который умер в пору, когда «враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую степень своей славы»[16].

Приведенными данными в некотором смысле поправляется суждение исследователя источников романа Л. М. Мышковской: «Знакомство с материалами о Кутузове, которые были известны Толстому, приводит к убеждению, что в них не было и намека на тот образ, который создан Толстым»[17].

* * *

В своей работе «Мастерство Л. Н. Толстого» Л. М. Мышковская, исходя из ранее имевшихся сведений об источниках образа М. М. Сперанского, отмечает, что этот образ создавался на материале биографии барона Корфа «Жизнь графа Сперанского», где содержится богатый фактический материал. Но тем же фактам Толстой в

романе дает диаметрально противоположное освещение. Мышковская считает, что «совершенно другой» Сперанский представился внутреннему взору писателя под влиянием «общих взглядов Толстого на историческую деятельность Сперанского»; толкование же источников Толстой в подобных случаях отвергает. «Такой сухой, неприятной и отталкивающей становится фигура Сперанского благодаря ...мастерским художественным деталям, которые создала фантазия художника...»

Обращение к книге Н. И. Тургенева убеждает в том, что фантазия Толстого развивалась на этот раз в довольно определенных берегах, и что существует источник, который отнюдь не был отвергнут Толстым.

Два больших отрывка отчеркнул Толстой, помимо загнутых уголков, в заметке-очерке Н. И. Тургенева о М. М. Сперанском, приложенной к I тому его сочинения. Отмечены также касающиеся деятельности Сперанского материалы во II и III томах. Взгляд Н. И. Тургенева на личность и действия статс-секретаря в известной мере явился основой для оценки Сперанского Толстым и персонажами романа — современниками Сперанского, друзьями и недругами его.

В первой главе II тома книги Тургенева (под названием: «Дворянство, духовенство, буржуазия») содержится критика «табели о рангах» и узаконенного ею служебного положения дворян, здесь же подмечено стремление дворян «сделать все более трудным для остального населения доступ в эту касту». В отчеркнутом Толстым отрывке в 15 строк тут же читаем: «Один человек, который хорошо испытал на себе все это, когда был приближенным к императору Александру,— Сперанский,— пытался исправить несообразности и недостатки, которые связаны с табелью о рангах». Далее изложена суть выработанного им закона, по которому каждый чиновник должен пройти необходимый курс наук в университете или под-

вергнуться экзамену перед специальной комиссией из профессоров.— «Этот закон вызвал массу нареканий...».

По аналогии с этим текстом можно напомнить два отрывка в «Войне и мире». В одном из черновых вариантов князь Андрей не скрывает своего дворянского презрения к «кутейницкому тону», «кутейницким рукам» разночинца Сперанского. Пьер упрекает Болконского в проявлении на сей раз в нем «кастового духа». Впоследствии этот «кастовый дух» князя Андрея сменяется в окончательном тексте противоположным отношением. Так же, как Н. И. Тургенев встает выше отмеченного им в книге «некоторого презрения» в русском дворянстве к Сперанскому, князь Андрей сохраняет чувство уважения к нему, несмотря на то, что тот — «сын священника, которого можно было глупым людям, как это и делали многие, пошло презирать в качестве кутейника и поповича»[18].

В предыдущей главе романа говорится об отношении противников к упомянутому закону Сперанского: екатерининский старик иронически спрашивает Кочубея: «Кто будет начальником палат, когда всем экзамены держать?» и называет знакомого чиновника 60 лет — «разве он пойдет на экзамены?»

В сочинении Тургенева Толстой получил и обширные сведения о враждебно настроенном по отношению к Сперанскому историке Карамзине, оценку его Тургеневым Толстой отчеркнул; все страницы специальной записки о Карамзине имеют загнутые Толстым уголки. Не имел ли в виду Толстой подобную записку на французском языке, направленную против Карамзина, когда говорил в вариантах романа, что князь Андрей «один из заметных представителей либеральной молодежи» пишет «на французском языке записку, имевшую в известном свете большой успех»[19]. То Пьер, то князь Андрей, судя по другим вариантам, составляют именно записку в ответ

на записку Карамзина «О древней и новой России». Выдержки из текста карамзинской записки Толстой также мог прочитать у Тургенева.

По Тургеневу, Сперанский — «талантливый и чрезвычайно способный человек...» В отчеркнутом Толстым отрывке в первой главе II тома мы читаем: «Он хотел, насколько возможно, очистить дорогу достойным, раздвинуть преграды, которые заключает в себе лестница чинов, и в то же время изгнать невежество и бездарность с первых ступеней лестницы». Вместе с тем Тургенев отмечает «слабый, гибкий и мелкий характер», «невысокий моральный уровень» Сперанского. Это же двойственное отношение к Сперанскому испытывает у Толстого князь Андрей. С одной стороны, Сперанский для него — «разумный, строго мыслящий, огромного ума человек», с другой стороны, князю Андрею все время мешают его отрицательные черты, которые он особенно ощутил, присутствуя на обеде у Сперанского.

Между прочим, сама ситуация приглашения на обед, в семью, могла быть заимствована у Тургенева: он рассказывает, как был приглашен обедать домой своим начальником председателем департамента общественной экономии графом Головиным[20]. Толстой отчеркнул у Тургенева на странице 400 первого тома заключительные слова очерка о том, что Сперанский не мог «вдохнуть душу» в свои творения «по той простой причине, что сам был лишен ее», «во всех попытках Сперанского, во всем, что вдохновляло его, нет ничего, что обращалось бы к тем благородным и могучим чувствам человеческого сердца, которые одни лишь способны породить порыв к добру, к прогрессу, к совершенствованию». Слова эти могли бы быть взяты эпиграфом к толстовскому освещению образа Сперанского — деятеля и Сперанского — человека с его презрительным спокойствием, «аккуратным» фальшивым смехом, с его «холодным зеркальным...

взглядом».— «Князь Андрей смотрел близко в эти зеркальные. непропускающие к себе глаза. и ему стало смешно, как он мог ждать чего-нибудь от Сперанского...»[21] Кстати. подобное же мнение о Сперанском, оказавшееся общим для декабриста и для создателя «Войны и мира», замечательно кратко и образно выражено А. И. Герценом, сказавшим, что Сперанский светил «целые годы лунным светом, без теплоты, без красок»[22].

Н. И. Тургенев в указанном очерке, а в романе Толстого — князь Андрей в общем высоко оценивают деятельность Сперанского для России. Считая нелепым предположение преступления за Сперанским, Тургенев с возмущением говорит об обвинении его в государственной измене и ссылке; он утверждает, что «опала, которой подвергся Сперанский, была лишь результатом придворной интриги, затеянной его врагами». «Если бы Россия могла иметь когда-нибудь беспристрастно написанную историю, то имя Сперанского фигурировало бы там, окруженное некоторым почетом... Потомство... будет благодарно ему за то, что его помыслы были устремлены к лучшему будущему родины». «Нельзя не признать, что Сперанский был одним из самых передовых людей своей эпохи... При всей необработанности, при всех пробелах его труда, он увековечит имя своего автора».

У Толстого читаем: «Речь шла о Сперанском, известие о внезапной ссылке и мнимой измене которого только что дошло до Москвы.— Теперь судят и обвиняют его (Сперанского.— *Т. А.*) все те, которые месяц тому назад восхищались им,— говорил князь Андрей,— и те, которые не в состоянии были понимать его целей ... а я скажу, что ежели что-нибудь сделано хорошего в нынешнее царствованье, то все хорошее сделано им — им одним... И потомство отдаст ему справедливость»[23].

Совершенно совпадают мотивы разочарования в деятельности Сперанского у Н. И. Тургенева и князя Ан-

дрея. Болконский «вспомнил,— пишет Толстой,— о заседаниях комитета... вспомнил, как в этих заседаниях старательно и продолжительно обсуживалось все, касающееся формы и процесса заседаний комитета, и как старательно и кратко обходилось все, что касалось сущности дела. Он вспомнил о своей законодательной работе», а потом «живо представил себе своих мужиков» и, «приложив к ним права лиц, которые он распределял по параграфам, ему стало удивительно, как он мог так долго заниматься такой праздною работой»[24].

Как похоже это на суждение о Сперанском в очерке Н. И. Тургенева: «Читая проект Сперанского, я искал, прежде всего, каких-нибудь планов относительно главного предмета для России, который должен был быть поставлен во главу угла всех реформ: уничтожения рабства. Я не нашел ничего определенного в этом отношении... Сперанский как будто желал обойти... этот вопрос». И дальше: «Сперанский слишком придерживается формы и недостаточно входит в самое существо дела... Он предписывал формы деловых бумаг,— словом, он, по-видимому, верил во всемогущество приказов, бумажных циркуляров и во всесилие формы».

Период отхода князя Андрея от гражданской службы интересен в плане сравнения с фактами биографии Н. И. Тургенева, изложенными им в своем сочинении. Путь Тургенева был в этом смысле типичен для первых дворянских революционеров послевоенной эпохи. Князь Андрей же испытывает разочарование в гражданской службе еще до 1812 г. На вопрос, имеем ли мы право сравнивать эти периоды в жизни Тургенева и толстовского персонажа, не совпадающие во времени, отвечает исследователь декабристского движения М. В. Нечкина: «Лев Толстой глубоко подметил этот процесс, изучая декабристов, и отразил его в служебной карьере князя Болконского, в его интересе к гражданским делам и рефор-

мам Сперанского, в последующем крушении его замыслов и надежд. Он лишь хронологически сдвинул эти явления назад по праву художника перемещать события»[25].

С увлечением работавший Болконский завершает один из своих проектов и представляет его на рассмотрение высших инстанций. Но другое лицо сделало аналогичную, но дурную работу, и она передана была царю. О работе же князя Андрея долгое время ничего не было слышно. Ситуация подобна той, что не раз складывалась у Н. И. Тургенева. Во II томе книги «Россия и русские» в тексте первой главы осталась закладка Толстого как раз в том месте, где автор рассказывает о порученном ему новом проекте о гражданской службе. Проекту этому не дали хода. После слов: «Мне говорили даже, что в министерстве юстиции был выработан проект, в котором были воспроизведены некоторые из моих идей»,— Толстой провел под текстом раздела черту ножом (или ногтем). В шестой главе I тома книги «Россия и русские» говорится о судьбе той части проекта Тургенева по финансовым вопросам, над которой он «работал с особенной любовью». Работа была представлена министру, долго о ней не было слышно. «Вдруг узнаю,— пишет Н. И. Тургенев,— что министр поручил одному чиновнику министерства составить проект... сообщив ему все прежние работы по этому вопросу, в том числе и мою.

Мое авторское самолюбие не было бы задето этим, если бы я тогда же не узнал, что министр приступил к обсуждению моего проекта с некоторыми из своих друзей»[26].

В сходстве положений окончательно убеждает обращение к черновым вариантам романа. Достаточно привести здесь один: работа князя Андрея, переданная им Сперанскому, «не поступила прямо на рассмотрение Государственного совета, как обещал Сперанский, а была передана **для исправления** Розенкампфу,— тому самому Розенкампфу, над которым в присутствии князя Андрея смеялся

Сперанский», и о котором он говорил с презрением.— «...Кое-что тут есть, хотя и бестолково и без знания дела — вы с вашим талантом и знанием умеете воспользоваться даже и этой уродливой работой»,— говорит при этом Сперанский Розенкампфу. «И Розенкампф, взяв всю работу Болконского, перемарал и переделал ее. Это было оскорбительно для князя Андрея»[27].

Тургенев в жизни и Болконский в романе узнают о судьбе своей работы через третье лицо при полном молчании начальства. После этого и тот, и другой чувствуют, что не могут больше служить, и уходят со своих постов.

Нам представляется не случайным избрание у Толстого в приведенном отрывке соперником Болконского именно Розенкампфа, работавшего со Сперанским, но внутренне относившегося к нему отнюдь не дружески. Когда-то Толстой записал для себя в черновых набросках романа: «Работы — Розенкампф, Ильинский, ссора»[28]. По мере развития замысла в разбираемый отрывок Толстой ввел сначала оба эти лица, потом оставил одного Розенкампфа. В III томе книги Тургенева среди неразрезанных материалов, есть разрезанная Толстым часть, касающаяся Сперанского. Здесь есть выдержки из его проекта, письма его 1810—1813 гг. и, наконец, на странице 344 напечатано: «Extrait d'une note de Rosenkampf».

Н. И. Тургенев лично знал Г. А. Розенкампфа, с которым он работал в комиссии составления законов, а впоследствии содействовал Сперанскому в удалении Розенкапмфа из этой комиссии в 1822 г. (В вариантах «Войны и мира», между прочим, нашло место и это событие, отнесенное Толстым на 10 с лишним лет назад: «Сперанский... отняв у Розенкампфа председательство комиссии составления свода, иначе учреждал комиссию»[29].)

Названная выше заметка могла дать Толстому материал о внутренней враждебности Сперанскому Розенкампфа, что чувствуется в романе; она содержит критику деятель-

ности и личности Сперанского в тот период, когда была раскрыта мнимая его «измена», написана в том духе, в каком «о нем теперь весь Петербург говорит», как подчеркивает Розенкампф. Если Розенкапмф в «Войне и мире» «вырос» из этих материалов, то уместно напомнить известное суждение Толстого: «...когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности»[30].

* * *

Требование достоверности заставляло Толстого внимательно изучать «звук и запах» эпохи 1812 г. Еще в первой редакции романа отражены все важные вопросы времени (их так или иначе касается в своей деятельности Андрей Болконский), начиная от политического устройства страны и крестьянского вопроса в России до проблем преобразований, например, в судах, администрации, просвещении. В дальнейшем Толстой останется в этом направлении верен себе, приобщив к этой деятельности и Пьера.

Когда родственники и знакомые Толстого, на самых первых порах его работы над «Войной и миром», принялись разыскивать по его поручению книги о времени 1812 г., свояченица Толстого Е. А. Берс в сентябре 1863 г. написала ему: «Их на русском языке замечательно мало, а очерков из общественной жизни почти вовсе нет...»[31]

В этих условиях фактические сведения, суждения, мысли, оценки положения в России в годы первых десятилетий XIX в., содержащиеся в книге «Россия и русские», приобретали для Толстого исключительный интерес. Достаточно указать на очень обстоятельный материал об «отдельных классах русского народа», содержащийся во II томе названного сочинения, чему посвящена вся первая часть тома; во второй части перед читателем проходят такие темы «внутреннего устройства» России, как «Государь»,

«Министерства», «Сенат», «Общественное управление», «Финансовое управление», замечания о народном образовании, налогах, пошлинах и т. д. В предисловии к русскому изданию книги 1907 г. Г. Балицкий отмечает, что во II томе «приводится много интересных данных из личных наблюдений и воспоминаний Тургенева, особенно по крестьянскому вопросу и по финансовым делам». Тургенев в предисловии к тому пишет: «Я буду говорить о моем отечестве, об его учреждениях и о власти, которая им управляет; о моих соотечественниках, об их нравах, об их предрассудках». Он отмечает, что эта часть его труда представляет «моральную, политическую и социальную жизнь России».

Начав с первого существенного следа чтения Толстым этих материалов — с закладки на 16—17 страницах, загнутой и на страницы 18 и 19, т. е. в разделе, где идет речь о табели о рангах, критике ее Сперанским, о проекте гражданской службы Тургенева, намереваясь хотя бы просто перечислить отчеркнутые Толстым отрывки, мы коснулись бы и вопросов реформ в управлении страной, и характеристик Государственного Совета и Сената, и проектов конституции и т. д. Тургенев говорит здесь о многих своих работах и проектах, о службе в отделении гражданских и уголовных дел, в Государственном Совете — в департаменте общественной экономии, управляющим отделением в министерстве финансов, в той же должности в департаменте законов.

Не перенося механически в роман данные источника, пользуясь иногда смещением фактов во времени, перебирая в черновых вариантах множество исторически верных жизненных комбинаций, Толстой не мог не иметь в виду материал разбираемой книги. Этот материал стал остовом и канвой многих событий в жизни толстовских героев, событий, оснащенных правдивыми деталями эпохи.

Приведем некоторые примеры из романа.

Общие авторские характеристики того или иного периода есть, например, в определении 1809 г., времени дея-

тельности князя Андрея в Петербурге. Это было время, когда «готовились не только два столь знаменитые и встревожившие общество указа об уничтожении придворных чинов и об экзаменах на чины коллежских асессоров и статских советников, но и целая государственная конституция, долженствовавшая изменить существующий судебный, административный и финансовый порядок управления России от Государственного Совета до волостного управления»[32].

В следующей главе Сперанский характеризует князя Андрея, как «одного из тех камергеров, которые не сочли себя обиженными новым указом о придворных чинах, вызывающим такие толки и пересуды».

В одном из вариантов романа Толстой прямо указывает, что в первый день нового 1810 г. должно было состояться первое заседание Государственного Совета и должна была быть введена новая конституция[33]. В другом варианте вопрос об учреждении Совета и министерств возникает в разговорах с чиновником — гостем Болконского[34]. В окончательном тексте о предполагавшемся первом заседании Совета говорит на балу с князем Андреем барон Фиргоф; а затем Бицкий рассказывает об этом заседании и речи государя[35].

Совершенно определенными общественно-политическими событиями наделяет Толстой и 1805 г.: «Указ о учреждении министерств вместо коллегий уже выдержал бурю гонений со стороны стариков, над дополнениями его работал уже приобретший известность Сперанский. Преобразования... готовились и приводились в исполнение по всем частям государственного управления». «Дать конституцию России, освободить крестьян, дать свободу слова и печати были мысли — дети революции». Пьер считает, что учреждение министерств, Совета не принесет пользы, а конституция и права должны быть завоеваны народом.

Отмечая, что в стране фактически нет законодатель-

ства, Сперанский говорит Болконскому: «Мы хотим дать новую судебную власть Сенату, а у нас нет законов»[36]. Можно сопоставить эти слова с отрывком из второй части II тома книги «Россия и русские»: «В реформах, проектированных Сперанским, власть Сената должна была ограничиваться юридическими делами, он хотел сделать из него только судебное учреждение, только апелляционный суд»[37].

В обстановке, когда, по словам Сперанского, «комиссия законов существует пятьдесят лет, стóит миллионы и ничего не сделала», князь Андрей и Пьер находят себе занятия в законодательных комиссиях и комитетах; упоминания о самых различных из них найдем мы в романе. Так, Пьер, проявляя интерес «к важным государственным и военным вопросам», служит в одном из комитетов комиссии по составлению законов и работает над «проектом преобразования судов». Именно этот вопрос был предметом деятельности Н. И. Тургенева, в книге «Россия и русские» об этом много говорится в третьей главе второй части II тома, где помещен составленный им проект института присяжных. В книге есть также немало материалов, отражающих интерес автора к положению в армии и высказано много суждений о необходимых преобразованиях в военной службе.

Князь Андрей еще в деревне начал работать над проектом военного устава, продолжая эту работу официально в Петербурге (его проект не прошел). В дальнейшем он работает над общим законодательством, становится начальником отделения комиссии составления законов. В этой области и даже в этой должности служил Н. И. Тургенев, о чем говорится в его сочинении. Как и его реальный прообраз в этом отношении, князь Андрей работает в комиссии над отделом «Права лиц» по гражданскому уложению. Основания законодательной работы, как свидетельствует Н. И. Тургенев в I томе книги, часто приходилось

брать из французского законодательства. «Краткость и ясность его заставляют занимающихся в России преобразованием в управлении или законодательстве предпочесть законы французские перед германскими»[38]. Болконский для своей работы «переводил на русский язык статьи римского и французского свода»[39]. В восьмой главе первой части II тома книги Тургенева отмечено, что в России надо укрепить законодательно и права крестьян, чтобы дать им личную свободу. Именно к жизни своих мужиков князь Андрей пытается приложить права лиц, которые он разрабатывал, и осознает несовместимость этих явлений. Вопрос о рабстве в России, бывший вопросом вопросов для Н. И. Тургенева, более всего интересует толстовских героев в процессе их государственных занятий. Судя по вариантам романа, окончив работу по гражданскому своду, князь Андрей приступает к «проекту освобождения крестьян»[40]. Видимо, к образу Болконского относится запись в черновых набросках романа: «В 11 году сочинение о освобождении крестьян»[41].

«В государстве, где миллионы рабов, не может быть мысли об ответственных министрах и представительной каморе депутатов», — говорит в вариантах романа вернувшийся из-за границы Пьер[42]. Положение это совпадало с содержанием самого первого отчеркнутого Толстым отрывка в предисловии к книге Н. И. Тургенева (здесь же загнут уголок листа): «...я видел с самого детства тяжелую жизнь миллионов людей, которые стонали в России в цепях рабства; эта вопиющая несправедливость сильно поразила мое молодое воображение и навеки оставила в моей душе неизгладимое впечатление. Мои занятия в Геттингенском университете только усилили его, показав мне всю ненормальность учреждений, существовавших в моей стране»[43].

Большее количество помет Толстого во II томе приходится на ту часть книги, где характеризуются как «классы

русского народа» «земледельцы», «крепостные», вскрывается сущность современного рабства и говорится о попытках и способах освобождения крестьян (здесь 41 отчеркнутый отрывок из 47 в этом томе, 8 из 13 загнутых уголков).

Остановимся несколько подробнее на разделе второй главы, посвященном «вольным хлебопашцам», т. е. крестьянам, отпущенным на волю по закону 1803 г. В романе Толстого отмечено, что князь Андрей «сделал уже себе репутацию либерала» «отпущением крестьян на волю».

У Тургенева читаем о том, как он, примкнув к «Союзу благоденствия», предлагает в 1819 г. всем его членам: «Освободите немедленно находящихся в вашем личном услужении и в силу закона добейтесь от правительства освобождения крестьян, благодаря чему не только будет меньше несколькими рабами, но вы покажете и власти, и обществу, что наиболее уважаемые собственники желают освобождения крепостных. Так разовьется идея освобождения»[44]. Сам он тут же дал освободительные письма своим дворовым.

Шаг Болконского по-разному воспринят в обществе: вельможа екатерининского времени отнесся к этому с презрением; в вариантах романа сказано, что, написав в деревне записку об освобождении крестьян и собираясь везти ее в Петербург, князь Андрей ничего не сказал о ней отцу, не надеясь, вероятно, получить его одобрение. Приветствуют князя Андрея Сперанский и его друзья. Сперанский говорит ему: «Я вас знаю давно: во-первых, по делу вашему о ваших крестьянах, это наш первый пример, которому так желательно бы было больше последователей»[45]. Сторонником Сперанского в этом мнении Толстой избрал Кочубея. Как и в других местах в романе, Кочубей определен здесь в разрезе тургеневской оценки, найденной Толстым и отчеркнутой в четвертой главе II тома: «...Граф Кочубей был человек просвещенный, который, конечно, не являлся

склонным каким-нибудь способом покровительствовать крепостничеству».

В одном из вариантов, когда уже начали печататься первые главы романа, Толстой записал для себя под рубрикой «вопросы»: «Вольные хлебопашцы» и поставил тут же знак вопроса[46]. Видимо, сам факт, типичный для времени его героев и нужный автору в определенных целях, не был еще тогда ему самому вполне ясен. Вводя его в текст, Толстой сначала только упоминает о нем, перечисляя льготы нового времени в беседе Пьера с чиновником[47].

Затем читаем: «Князь Андрей решил отпустить на волю своих крестьян, зачислив их в вольные хлебопашцы. Он написал о том письмо в Петербург»[48].

Какова доля реальной основы и вымысла во всем этом?

Уже было сказано о подлинности самого закона, о соответствующей действительности позиции Кочубея в романе. Само же это явление из времени отцов и даже дедов было глубоко изучено автором «Войны и мира». Книга «Россия и русские» убеждает нас в этом.

Н. И. Тургенев дает свою оценку этому закону, помещаемому им «среди благодетельных мероприятий, предпринятых в первые годы царствования императора Александра I». Остановимся на отчеркнутых Толстым положениях в этом небольшом разделе всего в пять страниц.

Во-первых, само заглавие раздела на 47 странице II тома обведено ножом (или ногтем) в виде рамки со всех четырех сторон. В первом отчеркнутом отрывке говорится о том, что закон был доступен только для тех крестьян, кто мог выкупить и себя, и землю в пределах не менее восьми гектаров на душу. Освобождение, но с обязательством крестьян платить оброк расценивается как обманчивое и условное. «При медленности, с которой в России вообще протекают дела и в особенности дела подобного рода... нужны годы для выполнения всех... формальностей» (страница 48). Отмечен большой отрывок о многолетней

тяжбе между наследниками и крестьянами графа Салтыкова, отрывок о помощи крестьянам в подобных делах, оказанной Н. И. Тургеневым. Отчеркнута мысль о том, что при всех недостатках закон не был бесплоден и, особенно вначале, «приносил много хорошего». В последнем абзаце раздела отмечено количество свободных землепашцев в России по данным 8-й переписи — всего около 70 тысяч человек. Здесь в конце текста стоит очень типичный для Толстого знак — косой крест.

Рассказав в одном из вариантов, что князь Андрей отпустил на волю крестьян и был обласкан Кочубеем, Толстой отмечает: «Это был тогда третий таковой случай»[49]. В последующих вариантах, уже близких к окончательному тексту, сказано, что это был первый пример в России.

В окончательном тексте читаем: «Одно имение его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебопашцы (это был один из первых примеров в России)»[50]. Даже это колебание: «третий таковой случай», «первый пример», «один из первых примеров в России» нам представляется не случайным. Когда Толстой говорит о «третьем» случае, он отмечает, что тогда «ходили неясные слухи о том, что в числе преобразований находилось и освобождение»[51]. Именно такая ситуация была в России в 1819 г. во времена, когда Тургенев подал Милорадовичу свой проект освобождения крестьян. (Материал этот есть в книге «Россия и русские».) Если Толстой имел в виду Тургенева, а затем его друга, упоминаемого в книге, хотя и не названного по фамилии, И. Д. Якушкина, обратившегося в правительство с ходатайством об освобождении своих крестьян,— то князя Андрея Толстой мог «считать» третьим. По воле авторской фантазии он вполне мог и «опередить» реальных современников, действовавших в 1819 г. и быть «первым» или «одним из первых», что выглядит правдоподобнее всего.

Остановимся на пометах Толстого в последующих главах II тома. В третьей главе («Земледельцы») разделы об удельных, арендных, дарственных крестьянах остались без помет, зато в разделе «Государственные крестьяне» отчеркнуто более 80 строк, т. е. примерно половина текста.

Толстого заинтересовали сведения об укладе их жизни (например, вид их деревень), о некоторых льготах, которыми пользуются крестьяне этой группы, вместе с тем отмечены факты их нелегкого положения, стирающие грань между ними и помещичьими крестьянами. Внимание Толстого привлек и рассказ в следующей главе о насильственном поселении и запрещении ухода крестьян с земель в Малороссии во времена Екатерины.—В Малороссии были имения Пьера Безухова. Не этот ли факт имеет в виду Толстой, когда рассказывает, что в ответ на пожелание Пьера отпустить на волю крестьян, управляющий имением объясняет ему, что это очень сложно и требуется «снятие запрещения, истребование разрешения». В материале о государственных крестьянах в III томе книги Тургенева остался загнутый уголок страницы 29. Вопрос о государственных крестьянах не ставится непосредственно в «Войне и мире». Но слова в эпилоге о военных поселениях вполне могут быть связаны с одной из помет Толстого в этом разделе, где отчеркнуты слова: «К несчастью, если государство не делает их рабами, то оно может их считать таковыми: царствование Александра представляет этому печальный и кровавый пример в учреждении военных поселений».

В четвертой главе — «Крепостные» — на текст в 12 страниц приходится около 100 отчеркнутых строк. Этот «класс русского народа» рассматривается Тургеневым как «наиболее интересный», «наиболее достойный попечения просвещенного правительства».

Толстой не оставил без внимания мысль Тургенева о том, что вопросы, кто ковал цепи на крестьянине и довел

его до такой степени рабства, которая не легче участи африканских негров,— это «вопросы, от освещения которых русские историки и публицисты тщательно отворачиваются». На следующих пяти страницах мы встречаем несколько отмеченных отрывков о произволе в обращении с крепостными — продаже их без земли. Упомянут старинный реестр рыночных цен на крестьян, фактически возобновленный при Александре в 1807 г. Далее Тургенев рассказывает (и Толстой это подчеркнул) о судьбе закона, запрещающего такую продажу: подготовленный его братом и им самим закон не был принят, и крестьян продают по-прежнему. Тургенев расценивает крепостничество как настоящее рабство, пишет записку об освобождении крестьян.

В 1862 г. А. И. Герцен, вспоминая этот документ, писал: «Николай Иванович Тургенев, старейший и самый неутомимый враг крепостного состояния, сорок три года тому назад, в 1819 году, подавал императору Александру I записку об ограничении помещичьей власти, резко и благородно высказывая свое мнение о крепостном праве»[52]. (Вспомним князя Андрея: в вариантах романа Толстой записал: «...устраивая своих вольных хлебопашцев, он, обдумывая общее дело освобождения рабов, составил записку и об этом предмете»[53].)

Далее Толстой полностью отчеркивает текст (в 20 строк) вступления к пятой главе под названием «Современное положение рабства» о бесправии русского крепостного и неограниченном произволе владельца, который может «в силу недавнего закона подвергнуть его вечной ссылке в Сибирь!» В рассуждениях Толстого о нравах и жизни богучаровских и окрестных крестьян упомянуто, что за их самовольное переселение в конце прошлого века «на теплые реки» «многие были наказаны, сосланы в Сибирь»[54]. О ссылке крестьян в Сибирь говорит князь Андрей в беседе с Пьером: «...их бьют, секут, посылают в Сибирь... В Сибири ведет он ту же свою скотскую жизнь»[55].

В конце пятой главы, где Толстым загнут уголок, есть фраза Тургенева по поводу злоупотреблений помещиков: «Легко себе представить, куда заводят человека страсти, когда предмет лишен законом всяких прав и всякой защиты». Прибавив к этому приведенные выше отметки в отрывках о продаже крестьян, обратим внимание на один из малозаметных, но интересных фактов в «Войне и мире». Соперник Ростовых по охоте помещик Илагин, отличавшийся в округе «буйством и своевольством», рассказывает Николаю Ростову про свою собаку, «за которую он год тому назад отдал соседу три семьи дворовых».

Дядюшка Ростовых о том же Илагине и собаках добавляет: «Ведь ваши... по деревне за собаку плачены, ваши тысячные»[56].

В той же главе внимание Толстого привлекли слова Тургенева о высоких душевных свойствах русского крестьянина, сохраняющего человеческое достоинство, любящего труд, поражающего своей проницательностью и умом. Немало подтверждений этому можно встретить и в «Войне и мире».

Суждения Тургенева о русских крестьянах-крепостных, о задачах улучшения их участи отразились, возможно, в намерениях Пьера, который, собрав своих управляющих, распоряжается принять «меры для совершенного освобождения крестьян от крепостной зависимости», подчеркнув, что и до тех пор крестьяне не должны быть отягчаемы работой и т. д. Уступки, сделанные ему хитрым и ловким управляющим, принятые Пьером за чистую монету, разоблачены Толстым в том же духе, в каком пишет Тургенев о злоупотреблениях эпохи крепостничества. Мы читаем у Толстого о величайшем разорении девяти десятых крестьян в одном из сел Пьера, о тяжелых работах женщин-ребятниц, о поборах священников, об увеличении барщины. Произвол управляющего сводит на нет благие намерения хозяина, и «крестьяне продолжают давать работой и день-

гами все то, что они дают у других, т. е. все, что они могут давать»[57]. Вопросами барщины и оброка занимается не только Пьер: князь Андрей заменяет у себя барщину оброком. Видимо, в этой связи сделаны Толстым отчеркивания и загнуты уголки в разделах пятой главы «Оброчные крестьяне» и «Барщинные крестьяне». В отмеченных отрывках Тургеневым вскрывается сущность оброка, подробно рассматриваются условия барщины, указано, что в России более половины крестьян уплачивают оброк, а на барщине работает меньшая часть. Факт замены барщины оброком, ослабление притеснения крестьян, как говорит Тургенев, «делает, конечно, честь русскому помещичьему сословию», это определенная заслуга, тех «единственных хозяев, которые, с тех пор, как на свете существует рабство, смягчили участь своих рабов». (Отрывок отчеркнут Толстым.)

Вторая часть II тома книги Н. И. Тургенева, как уже говорилось, посвящается вопросам внутреннего устройства России. В четвертой главе, о народном просвещении, 12 страниц занято небезразличными для Толстого сведениями о характерном явлении в общественной жизни России конца XVIII — начала XIX вв.: это раздел «О масонских обществах и их влиянии на народное просвещение».

Читая в процессе работы над романом масонские рукописи, Толстой находил их «очень интересными», как он писал жене, в то же время для него было «грустно то, что все эти масоны были дураки»[58]. Официальные документы о масонстве времен Александра I, сохранившиеся в департаменте полиции, в период писания «Войны и мира» и даже еще полвека спустя были недоступны для исследования[59]. Откуда же мог знать Толстой о составе, положении, целях масонов начала XIX века, как решился он провести через масонство лучших своих героев — будущих декабристов?

Думается, что слова князя Андрея «ваш орден, я знаю, одно из лучших учреждений в мире» или суждение Пьера,

что это не просто обрядная секта, «а масонство есть лучшее, единственное выражение лучших, вечных сторон человечества» — при определенном уклоне того и другого в моральный смысл масонства — не противоречат (и развитие взглядов Пьера это подтверждает) тургеневскому объяснению природы русского масонства: «Так как поле умственной и политической деятельности, вследствие состояния страны, было ограничено тесными рамками... все, что между людьми было выдающегося, устремилось в масонство»[60].

В «Войне и мире» можно найти параллели и тургеневским мыслям о том, что в просвещении народа масоны видели путь «практического улучшения страны»: деятельность эта, как отмечает Тургенев, выразилась в основании общества книгопечатания, открытии школ, в организации учебы молодых людей за границей, в основании библиотек. Здесь же говорится о благотворительных пожертвованиях масонов. В этом отношении Тургенев подчеркивает заслуги московских масонов, хорошо знакомых ему, так как отец его был выдающимся масоном в Москве. Сам Н. И. Тургенев был масоном с 1811 г. (Отметим, что в одном из вариантов начал толстовского романа отец Пьера — богач, московский масон)[61]. В споре с экс-аббатом в вариантах романа Пьер говорит, что для того, чтобы идеи справедливости и свободы «проникли во все углы», «нужны общества распространения этих идей, нужна пропаганда, как общества масонов»[62]. В первом же разговоре Пьера с его наставником-масоном отмечено, что если он хочет следовать правилам масонов, то в имениях его «везде должны были [быть] учреждены богадельни, больницы, школы. Огромные средства должны были б[ыть] употреблены на распространение просвещения в России, издание книг, воспитание духовных лиц, собрание библиотек»[63]. Совпадение перечисленного здесь с вышеупомянутыми у Тургенева делами масонов почти дословное.

Тургенев говорит далее о своем убеждении в том, «что после работы по распространению просвещения народа масонские общества непременно перенесли бы свое внимание и силы на освобождение крепостных», что эти общества не были чужды политического духа, и «в их журналах, также в некоторых произведениях некоторых из их членов, встречаются нападки столь же умные, сколь справедливые, против этого ужасного института рабства... они не выказывали себя противниками освобождения, каковыми была в России большая часть помещиков»[64]. Таким масоном и был Пьер.

Благодетель-мастер ложи говорит ему «прямые и сильные слова»: «Ты богат: десять тысяч человек зависят от твоей воли; видел ли ты их, узнал ли ты об их нуждах, позаботился ли подумать о том, в каком положении находятся их тело и душа? ...Нет, пользуясь плодами их трудов, ты предоставил их воле своекорыстных и невежественных людей...»[65]. Пьер едет в свои имения «с готовым и одобренным в ложе ...проектом освобождения крестьян и улучшения их физического и нравственного мира»[66].

В одной из речей Пьера в ложе, когда он прямо говорит, что «препятствуют нам весьма много — нынешние политические учреждения», большинство братьев усмотрело «опасные замыслы иллюминатства». Целью ордена иллюминатов была борьба против деспотизма; во времена Александра I так обозначалось неблагонамеренное направление людей. Великий мастер ложи подмечает у Пьера «не одну любовь к добродетели, но и увлечение борьбы»[67].

Дальнейший путь Пьера — к тайному обществу — логичен и совершенно правдоподобен. Он, как и Тургенев в жизни, испытал скептическое отношение к масонству; чувствуется это у Толстого и в холодности, проявленной к масонам князем Андреем. В книге «Россия и русские» Толстой мог ознакомиться с попыткой возобновить масонство соответственно духу времени, придав ему «политичес-

кую или скорее практическую цель», предпринятой М. Орловым в 1817 г. Это очень близко напоминает намерение Пьера превратить масонскую ложу в политическую организацию. Уголки страниц всего текста предисловия к «Оправдательной записке» Н. И. Тургенева, где приведен этот факт, загнуты Толстым. Автор рассматривает здесь процесс возникновения тайных обществ в России; критически разбирая текст «Донесения следственной комиссии о событиях, предшествующих событию 1825 года», Тургенев касается в предисловии периода 1817—1818 годов. В тексте о следующем этапе — периоде «Союза благоденствия» (1818— начало 1821 г.) мы находим загнутые уголки на 263 и 266 страницах I тома. Это как раз было время толстовского «Эпилога». О подобном тайном обществе должен был говорить Пьер в кругу друзей. Подробные сведения о позиции, лозунгах такого общества можно было почерпнуть у Тургенева. Тайное общество в романе напоминает «Союз благоденствия», о котором у Тургенева сообщено очень много сведений, не противоречащих в принципе тому, что говорит Пьер.

Здесь позволительно обратить внимание на два имени, упомянутых приехавшим из Петербурга Пьером — «князь Федор» и «князь Сергей». «Князь Сергей славный человек и умен». «От князя Федора, призывавшего его в Петербург для обсуждения важных вопросов, занимавших в Петербурге членов одного общества, которого Пьер был одним из главных основателей», Пьер получает письмо. Он едет, обнаруживает, что в обществе много разногласий, сплачивает его членов, обращает внимание на то, что «соревновать просвещению и благотворительности» в настоящих обстоятельствах уже недостаточно.

В «Оправдательной записке» Н. И. Тургенева в I томе его книги подробно рассказывается о Петербургском совещании 1820 г. членов Коренной управы «Союза благоденствия». На совещании обсуждались вопросы о дальней-

шей деятельности Союза, о формах правления в России. По этим вопросам среди членов общества было много разногласий, совещание их устранило.

На совещании были два Федора: председательствовал граф Федор Толстой (руководитель Союза), собирались на квартире полковника Федора Глинки. Два Сергея были князь Трубецкой и Муравьев-Апостол. Возможно, мы имеем дело еще с одним примером вплетения в ткань романа нити реальной жизненной основы.

Не случайно Пьер в эпилоге говорит и о Тугендбунде, «Союзе добродетели», тайно действовавшем тогда в Германии после запрещения его 31 декабря 1809 г. Устав Тугендбунда оказал определенное влияние на устав «Союза благоденствия». Тургенев отмечает в предисловии книги, что среди его друзей некоторые, «чтобы более распространить новые идеи, пытались организовать общество по примеру тайных союзов Германии из тех, кого одушевляла любовь к общему благу». Об этом же сказано на 73 странице II тома книги, где остался своеобразно загнутый «вдвое» толстовский уголок. На 520 и 521 страницах I тома книги приводятся сведения о встречах Тургенева с членами Тугендбунда.

Время действия романа кончается 1820 г., периодом жестокой политической реакции. Тема реакции и будущего России, возможно, вызвала внимание Толстого к III тому книги Н. И. Тургенева под названием «Будущее России» и к материалам II тома, где освещались общественно-политические вопросы 20-х годов, намеченные Толстым уже в ранних набросках эпилога.

В начале эпилога, касаясь оценки деятельности Александра I, Толстой называет несколько линий его действия, которые вызвали осуждение историков «как неправильные поступки»: «... Он поступил дурно, дав конституцию Польше, сделав Священный Союз, дав власть Аракчееву, поощряя мистицизм...

...Он сделал дурно, занимаясь фронтовою частью армии; он поступил дурно, раскассировав Семеновский полк, и т. д.». Всех этих «линий» касается в своей книге Н. И. Тургенев, давая отнюдь не одобрительные оценки Александру. Этот материал прошел перед глазами Толстого. О конституции Польши, например, можно было прочитать в четвертой и шестой главах I тома, о Священном Союзе — в пятой главе, здесь — к теме о мистицизме — есть даже упоминание о мадам Крюднер, с которой молился в то время Александр, о религиозных кружках Госнер и Татариновой, о реакционной роли князя Голицына и основанного им Библейского общества. Обо всем этом говорится и в толстовском эпилоге.

В шестой главе второй части II тома о вооруженных силах, а также в приложении к тому «О муштровке солдат при Александре I » прослеживается развитие армии при Александре и печальные последствия этого. Тургенев подчеркивает тяжелые условия солдатчины, безобразия и несправедливость, царившие в армии. Из такой армии ушел у Толстого генерал Денисов; о том же говорит в эпилоге Пьер; «в армии одна палка, шагистика, поселения...» Относительно внимания Толстого к материалу о военных поселениях уже говорилось выше, во II томе есть специальный раздел «Военные поселения». Подчеркнув, что военные поселения вызывают всеобщее осуждение, Тургенев называет вдохновителем усердного насаждения этих поселений самого Александра, а «человек, который был во главе военных поселений», Аракчеев — исполнитель его воли. Оценка Аракчеева Толстым совпадает с тургеневской. У Тургенева сказано, что это был «человек, ненавидимый всеми по причине многочисленных жестокостей, виновником которых он был, но который пользовался наибольшим расположением императора, которому тот оказывал полное доверие»[68]. В другом месте Тургенев говорит, что Аракчеев был самым могущественным после

государя человеком в России. В «Войне и мире» он назван (в эпилоге) среди тех, кто «рубит и душит все сплеча»; его грубое лицо «подло-предано», он «доверенное лицо» императора и один заменил по военной части всех прежних друзей Александра. «Аракчеев и Голицын,— говорит в эпилоге Пьер,—...это теперь все правительство». В набросках эпилога Пьер «рассказывает о деспотизме Аракчеева». У Тургенева и Толстого отмечена еще одна характерная черта Аракчеева — его необразованность, даже безграмотность. Приведя одну его нескладную фразу, Тургенев пишет: «Он так же плохо говорил, как и писал»[69].

У Толстого Аракчеев написал резолюцию на проекте князя Андрея «без заглавных букв, без орфографии, без знаков препинания»[70]. Не остались незамеченными Толстым и тургеневские строки о реакционной деятельности Магницкого, возглавившего министерство народного просвещения. «... Просвещение душат. Что молодо, честно,— то губят»,— говорит Пьер; имя Магницкого он ставит рядом с именем Аракчеева, это «люди без совести и чести».

Определяя современное правительство, Пьер говорит: «Во всем видят заговоры, всего боятся». (У Тургенева читаем: «Своим подозрением и мелочными предосторожностями правительство много способствовало распространению слухов о тайных обществах. Оно всё подозревало»).

Самому Пьеру переворот представляется неизбежным: «Все видят, что это не может так идти. Все слишком натянуто и непременно лопнет...» «Все ждут неминуемого переворота...» Предвестником декабрьского восстания выступает в романе бунт Семеновского полка.

Тема «Семеновцы» намечена Толстым еще в наброске эпилога. Некоторые из персонажей романа служат в этом полку, и Толстой подчеркивает особый уклад жизни этого гвардейского полка. Еще в вариантах эпилога упоминается о раскассировании полка как об одном из «дурных» поступков Александра (это осталось и в окончательном тексте).

Пытаясь найти объективную оценку происшедшему, Толстой задает в вариантах романа проблематичный вопрос: «Кто сделал направление Семеновского полка — возмущение?» Тема эта, однако, осталась у него неразвитой. Говоря в эпилоге романа об истории в Семеновском полку, Денисов фактически оправдывает бунтовщиков: «Ну на что похоже — солдату Шварцу дать Семеновский полк?» У Тургенева об этом читаем: «В одном из гвардейских полков, шефом которого был император, вспыхнуло восстание, вызванное грубым и глупым поведением нового полкового командира, но правительство усмотрело в нем деятельность тайного общества» [71]. Толстой не связывает бунт с действием тайных обществ. Мы чувствуем, что бунт этот вытекает из самой обстановки того времени.

В вариантах «Войны и мира» Толстой писал о том, что он намерен провести своих героев «через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825 и 1856 года» [72].

Время действия романа «Война и мир» ограничено 1820 г. Но в процессе чтения книги Тургенева — тогда же или позднее — Толстой обращал внимание и на сведения о дальнейшей судьбе членов тайных обществ.

Подобных материалов немало содержалось, например, в тексте шестой главы I тома книги Тургенева под названием «Мое пребывание в России с 1816 по 1824 год». Толстовские уголки остались также в разделе «Оправдательной записки» Тургенева «Некоторые подробности моего осуждения», где говорится о Сперанском как об одном из членов Верховного суда. В заключительных главах и заметках к книге были интересны для Толстого сведения о процессе декабристов, о личности Рылеева, Бестужева, Бриггена, Якубовича, о тайных обществах 1821, 1822 гг. В тексте полностью отчеркнутой Толстым страницы 240 I тома приводится резкая характеристика графа Блудова.

В I томе содержится общая оценка Тургеневым декабристов: «Это благородные люди, погибшие вследствие сво-

ей преданности общественному благу или своим убеждениям...» В приложенных в конце книги развернутых заметках в разделе «Тайные общества» мы найдем привлекшее внимание Толстого глубоко патриотическое суждение убежденного борца за свободу, готового к жертвам ради правого дела во имя идей «справедливости, правды и свободы». Толстой подчеркнул в одном из отмеченных им отрывков слова: «Он, может быть, подвергнется опасностям, но разве мысль о них может найти себе место в душе, полной горячего порыва ко всему, что является наиболее священным в глазах мыслящего существа?»[73] Именно такими предстали бы перед нами и Пьер, и Денисов, и, главное, Николенька Болконский, если бы Толстой продлил время действия романа до 14 декабря 1825 г. и дальше.

«...Добрые, образованные, умные, лучшие русские люди, виновные в том только, что они хотели избавить Россию от грубого своеволия Аракчеевых и им подобных и, в ущерб своим выгодам, дать свободу миллионам и миллионам рабов»[74],— так сказал Толстой много лет спустя о декабристах, к славной плеяде которых принадлежал и автор книги «Россия и русские».

Опубл. в сокращенном варианте: Яснополянский сборник. Тула, 1972, с. 103—117.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. В 22-х т. под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919—1925. Т. 6, с. 356.

[2] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 17, с. 501—502, 579.

[3] Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 428—429.

[4] Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1915, т. I, с. 8, 9. В данной работе сочинение Н. И. Тургенева цитируется по следующим русским изданиям: М., 1915. Т. I в переводе Н. И. Соболевского; М., 1907, т. I в серии «Библиотека декабристов»; М.,

1908, т. II в той же серии. В дальнейшем при обозначении изданий 1 тома для краткости указывается лишь год издания.

[5] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 11, с. 11.

[6] Тургенев Н. И. Россия и русские, 1907, с. 19.

[7] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 11, с. 99—100.

[8] Там же, с. 11—12.

[9] Тургенев Н. И. Россия и русские, 1907, с. 19.

[10] Там же, 1915, с. 10.

[11] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 14, с. 335.

[12] Там же, т. 11, с. 173.

[13] Тургенев Н. И. Россия и русские, 1907, с. 23.

[14] Там же, 1915, с. 25.

[15] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 12, с. 183.

[16] Там же, с. 203.

[17] Мышковская Л. М. Мастерство Л. Н. Толстого. М., 1958, с. 158.

[18] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 170.

[19] Там же, т. 13, с. 692.

[20] Тургенев Н. И. Россия и русские, 1907, с. 75.

[21] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 210.

[22] Герцен А. И., т. 15, с. 181.

[23] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 369—370.

[24] Там же, с. 210—211.

[25] Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1951, с. 273.

[26] Тургенев Н. И. Россия и русские, 1907, с. 81—82.

[27] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 13, с. 761.

[28] Там же, с. 24.

[29] Там же, с. 695.

[30] Там же, т. 73, с. 353.

[31] Там же, т. 16, с. 24.

[32] Там же, т. 10, с. 160.

[33] Там же, т. 13, с. 708.

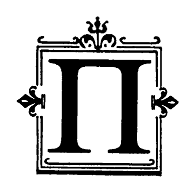
[34] Там же, с. 187.

[35] Там же, т. 10, с. 207.

[36] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 13, с. 160.
[37] Тургенев Н. И. Россия и русские, т. II, с. 171.
[38] Там же, 1907, с. 79.
[39] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 211.
[40] Там же, т. 13, с. 753.
[41] Там же, с. 32.
[42] Там же, с. 190.
[43] Тургенев Н. И. Россия и русские, 1907, с. 1.
[44] Там же, с. 59.
[45] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 166.
[46] Там же, т. 13, с. 37.
[47] Там же, с. 292.
[48] Там же, с. 667.
[49] Там же, с. 693.
[50] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 153.
[51] Там же, т. 13, с. 693.
[52] Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 99.
[53] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 13, с. 753.
[54] Там же, т. 11, с. 143.
[55] Там же, т. 10, с. 114.
[56] Там же, с. 258, 259.
[57] Там же, с. 107.
[58] Там же, т. 83, с. 129.
[59] Это отмечено в статье В. Семевского «Декабристы-масоны (журн. Минувшие годы, 1908, № 2).
[60] Тургенев Н. И. Россия и русские, т. II, с. 198.
[61] См.: Лит. наследство, т. 69, кн. 1, М., 1961, с. 357.
[62] Цит. по кн.: Лит. наследство, т. 69, кн. 1, с. 363.
[63] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 13, с. 596.
[64] Тургенев Н. И. Россия и русские, т. II, с. 205.
[65] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 13, с. 595.
[66] Там же, с. 607.
[67] Там же, т. 10, с. 175.
[68] Тургенев Н. И. Россия и русские, т. II, с. 235.
[59] Там же, 1907, с. 88.

[70] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 10, с. 161.
[71] Тургенев Н. И. Россия и русские, 1907, с. 90.
[72] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 13, с. 55.
[73] Тургенев Н. И. Россия и русские, 1915, с. 363
[74] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 35, с. 550.

КНИГИ О ДЕКАБРИСТАХ В ЯСНОПОЛЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

ервым опытом в источниковедческом обследовании романа Л. Н. Толстого «Декабристы» является комментарий в 17 томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, составленный исследователем творчества Толстого М. А. Цявловским в 1936 г. В связи с одним из писем к Л. Н. Толстому знатока декабристской литературы, издателя «Русской старины» М. И. Семевского, предлагавшего Толстому книги по данному вопросу, в этом комментарии констатируется, в подстрочном примечании, наличие в библиотеке Л. Н. Толстого шести книг о декабристах.

В комментариях к наброскам, планам и записным книжкам отражены небольшие заимствования, сделанные Толстым еще по семи источникам.

За небольшим исключением комментаторы ограничили круг чтения Толстого о декабристах изданиями, вышедшими до 1878 г.

Эти сведения, естественно, не давали полного представления о «декабристской» литературе, сохранившейся в Ясной Поляне. Сказанное обуславливает целесообразность общего обзора литературы о декабристах, имеющейся в Ясной Поляне на сегодняшний день в составе мемориальной личной библиотеки Л. Н. Толстого.

Следует иметь в виду, что так же, как относительно источников «Войны и мира», яснополянская библиотека располагает лишь частью, возможно, даже малой частью того, что читал Л. Н. Толстой о декабристах в продолжение почти всей жизни и особенно в период непосредственного обращения к произведениям, имеющим связь с этой эпохой. Известно, что многие книги Толстой брал на время в библиотеках и частных собраниях и затем возвращал их владельцам.

Тем не менее в яснополянской коллекции мы найдем и редкие герценовские издания материалов о декабристах, издания документального характера и — правда, сохранившуюся в разрозненном состоянии — русскую периодику от 60-х до 900-х годов, содержащую немало сведений о событиях и личностях эпохи декабризма.

Заимствования Л. Н. Толстого из журналов с достаточной тщательностью установлены комментаторами 17 тома собрания сочинений писателя. Известно, что номера «Русской старины» и «Русского архива» Толстой просматривал буквально грудами, получая их в Москве от своего приятеля историка-дилетанта В. К. Истомина.

Временной границей начала собирания и чтения материалов о декабристах исследователи считают конец 1877 г., когда Толстой читает книги по истории царствования Николая I, в частности, «Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг.» Н. Лукьяновича (ч. I — IV, Спб., 1844—1847).

Еще 12 ноября 1877 г. в письме к Н. Н. Страхову Толстой просил посоветовать, «что есть о первом времени Николая Павловича и специально о войне 28, 29 года»[1]. Названная выше книга, купленная и присланная Толстому Страховым, сохранилась. Пометки Л. Н. Толстого здесь — это, главным образом, отчеркнутые отрывки, касающиеся военных действий русской армии. Они имеются на 75 страницах. Заинтересовавшись турецкой войной,

как отмечает в своих записях С. А. Толстая, Л. Н. Толстой «стал изучать эту эпоху; изучая ее, заинтересовался вступлением Николая Павловича на престол и бунтом 14 декабря»[2].

В январе 1878 г. Толстой писал А. А. Толстой: «Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время»[3].

В числе бесспорно читанных Толстым в этот период сочинений об эпохе Николая I — труд Поля Лакруа «История жизни и царствования Николая I, императора всероссийского». Из восьми томов французского оригинала в Ясной Поляне есть первый, второй и шестой тома с пометками Толстого. В русском переводе труд Лакруа сохранился в двух выпусках II тома издания 1877—1878 гг. Здесь несколько «загнутых дважды» — по особому «толстовскому» способу — уголков страниц. В конце 1877 г. Толстой писал Н. Н. Страхову, приславшему первые книги этого издания, что «необходимы следующие томы».

В письмах от 14 и 25 января 1878 г. к сестре Татьяне С. А. Толстая, отметив, что Лев Николаевич «читает очень много материалов», пишет «...это будет что-то очень хорошее, историческое, времен декабристов»[4].

«Я еду завтра в Москву за книгами. Круг нужных мне книг теперь очень определился»[5],— писал Толстой Н. Н. Страхову в начале февраля 1878 г. В это время С. А. Толстая отмечает в дневнике, что Толстой «весь поглощен историей декабристов. Он ездил в Москву и привез целую груду книг и иногда до слез тронут чтением этих записок»[6].

Среди этих книг, бесспорно, были и книги, полученные Толстым на время от дочери декабриста Н. М. Муравьева — Софьи Никитичны Бибиковой, с которой Толстой встретился в Москве в тот же день, когда посетил

двух декабристов — М. И. Муравьева-Апостола и П. Н. Свистунова.

В марте 1878 г. писатель встречается в Москве с декабристом А. П. Беляевым. Восстание, последующие 12 лет каторги, поселение дали материал для его воспоминаний, содержащих немало интересных бытовых подробностей. Печатая воспоминания Беляева в «Русской старине» (в 1880—1886 гг.), издатель М. И. Семевский писал, что они были рекомендованы Л. Н. Толстым: «Он читал эти воспоминания и, как свидетельствует их автор, сделал на полях рукописи много отметок». «Согласно с указаниями гр. Л. Н. Толстого,— пишет А. Беляев,— я сделал необходимое прибавление того, что мною было упущено». В Ясной Поляне сохранилась часть номеров «Русской старины» с воспоминаниями Беляева. Есть и отдельное издание беляевских «Воспоминаний декабриста о пережитом и перечувствованном» (Спб., 1882).

Лето 1878 г. характеризуется активным чтением Толстым материалов о декабристах в журналах, в рукописных собраниях, получаемых через М. И. Семевского. В записных книжках Толстого появляются записи названий нужных книг и статей. М. И. Семевский в письме от 31 июля спрашивает Толстого, «не имеет ли он надобности в некоторых печатных источниках», перечисляя далее воспоминания и записки С. Трубецкого, Н. И. Тургенева, Розена, книжку Корфа о восшествии на престол Николая и критику на нее Герцена, донесение следственной комиссии. Все издания, о которых идет речь в этом письме, в Ясной Поляне имеются; возможно, часть их была получена от Семевского.

Обратившись впервые в ноябре 1856 г. к чтению «Полярной звезды» А. И. Герцена, Толстой познакомится в последующие годы с разнообразными материалами о декабристах, появлявшимися на страницах «Полярной

звезды» и «Колокола». В VI книге «Полярной звезды», читанной Толстым в 1861 г., были опубликованы, например, воспоминания о Рылееве Н. А. Бестужева, извлечения из записок декабристов, показания очевидца казни, переписка декабристов и т. д. Позднее Толстой будет постоянно возвращаться к материалам Герцена. В записях Д. П. Маковицкого за 1905 г., например, многократно упоминается чтение Толстым произведений А. И. Герцена в пору интенсивного изучения писателем времени Николая I и декабристов. Собрание сочинений Герцена хранится в Ясной Поляне в издании 1905 г.

В 1855 г. Толстой познакомился с Н. П. Огаревым, слушал в память 30-летия восстания декабристов чтение его поэмы «Зимний путь». В 1904 г., видимо, редактором М. О. Гершензоном собрание стихотворений Н. П. Огарева было послано Толстому, оно хранится в его библиотеке.

Лондонское герценовское издание «Записок декабристов» 1863 г. (вып. 2—3) могло быть источником ознакомления Толстого с «Записками» С. Трубецкого, впервые вышедшими в этом издании. 11 марта 1898 г. Толстой в письме к С. А. Стахович упоминает о записках Трубецкого как о знакомом ему материале. В «Записках декабристов» были помещены материалы Н. Муравьева, М. Лунина, И. Пущина. Послесловие написано А. И. Герценом. Официальные издания — такие, как «Донесение следственной комиссии» или материалы «Верховного уголовного суда над злоумышленниками, учрежденного по высочайшему манифесту 1 июня 1826 г.», соседствуют в библиотеке Толстого с разоблачающими их герценовскими изданиями, которые вполне могли быть получены Толстым лично от Герцена или через связанных с ним лиц.

Так, в лондонском издании «14 декабря 1825 г. и император Николай» (1858) «Донесение» и материалы Вер-

ховного суда помещены вслед за предисловием А. И. Герцена. Упомянутый выпуск «Записок декабристов» (Лондон, 1863) включает в себя разбор «Донесения», сделанный Н. Муравьевым и М. Луниным. В рукописных материалах к «Декабристам» есть записи Толстого о сошедших с ума декабристах Андреевиче и Фурмане; эти сведения взяты, как считает комментатор, из приложения к «Разбору донесения» Муравьева и Лунина (страница 120). Сборник «14 декабря 1825 г. и император Николай» содержит беспощадную критику А. И. Герценом верноподданнического сочинения М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (в библиотеке Толстого есть два экземпляра этой книжки).

На 36 страницах сборника имеются в яснополянском издании отчеркивания ногтем или загнутые уголки, по-видимому, принадлежащие Толстому.

Сочинение Корфа не единственно в своем роде: с льстиво-монархических позиций написано сочинение Рафаила Зотова «Исторические очерки царствования Императора Николая I» (Спб., 1859). И этот источник, неизвестный исследователям, расширяет наше представление о достаточном разнообразии литературы о декабристах в Ясной Поляне. Группа черновых заметок к «Декабристам» была сделана Л. Н. Толстым в записных книжках по издававшемуся П. И. Бартеневым историческому сборнику «XIX век» (М., 1872, кн. I). Выписки сделаны из статей Юрия Толстого «Очерк жизни и службы Е. А. Головина», «О духовном союзе Е. Ф. Татариновой», из воспоминаний Е. П. Оболенского о К. Ф. Рылееве. Загнутый Толстым уголок остался в разделе «Из бумаг Рылеева» (страница 370). Имя Рылеева, частные факты его биографии не раз записаны в набросках к «Декабристам». В Ясной Поляне хранится собрание сочинений К. Ф. Рылеева в издании 1872 г., вероятно, полученное Толстым от дочери Рылеева А. К. Пущиной. Дом Пущи-

ных Толстой посетил в Туле в 1878 г. Он писал жене: «Много интересного от дочери Рылеева»[7]. В книге разрезано предисловие с биографической справкой о Рылееве, переписка Рылеева с женой, где есть письма из крепости. В Ясной Поляне имеется, кроме того, издание произведений Рылеева (1874). Книга полностью разрезана. Эти издания до сих пор не были отмечены исследователями.

К этой же группе книг можно отнести отдельное издание «Записок Николая Васильевича Басаргина» (М., 1872). Здесь, кстати, описан запомнившийся Толстому случай, пересказанный им потом С. А. Берсу, когда заключенный просил сторожа купить на последние деньги яблоко, а ему прислали с воли корзину фруктов, узнав о его личности. Комментаторы считали до сих пор, что об этом случае Толстой, вероятно, прочитал в рукописи записок декабриста Завалишина или слышал от него.

В тексте записок Басаргина, напечатанных в том же году в сборнике «XIX век», остался толстовский «загнутый вдвое» уголок на странице 119, где рассказывается об отношении населения в Сибири к декабристам по пути их следования.

В конце записной книжки «Б», вслед за относящейся к марту 1878 г. записью «свезти Беляеву рукопись», Толстой пишет: «Кни[г]и: Письма Карамзина к Дмитр[иеву], <Записки Ив. Ив. Дмитриева.> Жизнь Муравьева Кропотов[а]»[8]. Все эти издания мы находим в библиотеке Ясной Поляны. К ним восходит целый ряд записей Толстого, в частности, в конспектах о 1816, 1818 гг. (по темам «В России общественное, правительственное, литературное»). Эта литература была для писателя источником исторических деталей и подробностей времени первой четверти XIX века. Из книги Д. А. Кропотова «Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором

в Гродно» (Спб., 1874) Толстой, например, отметил для себя: «1818. Собрание союза благоденствия». В книге описаны совещания членов Союза спасения в 1817—1818 гг. Записи Толстого: «1820. Семеновская история» — может соответствовать отрывок в 12 страниц в книге Кропотова (страницы 152—164). Автору были доступны подлинные дела декабристов (об этом писал Толстому в одном из писем Н. Н. Страхов), некоторые данные из этих дел использованы в книге.

В материалах к «Декабристам» несколько раз упомянуто имя Н. М. Карамзина. Взятые Толстым на заметку «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» нашли отражение в планах и набросках к «Декабристам», равно как и «Материалы для биографии Н. М. Карамзина» М. П. Погодина (М., 1866), (книга сохранилась в Ясной Поляне).

Книга М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», как и воспоминания М. П. Погодина в «Русском архиве» за 1866 г. (номер сохранился в Ясной Поляне), отчасти отвечали на очень интересовавший Толстого вопрос об отношении Н. М. Карамзина к восстанию, к смертной казни. Для Толстого оказалось существенно и то, что Карамзин принял участие в судьбе обреченного на ссылку в Соловки за «стихи на вольность» А. С. Пушкина и то, что выходили тогда X и XI тома карамзинской «Истории». Эти справки записаны Толстым по книге «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» (Спб., 1866). В книге загнуты уголки страниц, где есть сведения о положении в литературе в те времена; в одной из записных книжек того периода Толстой, например, записывает имена «знаменитых писателей в 1816 году». События этого же времени (1811—1813 гг.) привлекли Толстого и в книге «Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина» (Спб., ч. I, 1862), где есть пометки Толстого в тексте переписки Ка-

рамзина с великой княгиней Екатериной Павловной. В пользу того, что и это издание могло иметь отношение к планам «Декабристов», говорит запись Толстого в записной книжке от 27 августа 1878 г.: «Карамзин в доме Е. Ф. Муравьевой, матери Никиты»[9]. В названной выше книге на странице 143 в письме Карамзина к супруге от 7 февраля 1816 г. читаем: «Я переехал к доброй Екатерине Федоровне Муравьевой...». Позднее Толстой уточнит эту запись по книге «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву»: в более близкие к восстанию годы Карамзин жил уже «на Моховой в доме Мижуева».

«Записки» И. И. Дмитриева называются: «Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника» (М., 1886). «Сподвижник Карамзина и министр императора Александра I в лучшую пору его царствования, И. И. Дмитриев говорит, как очевидец, о событиях, ставших теперь достоянием истории»,— читаем в предисловии племянника автора, М. А. Дмитриева, к этим «Запискам».

Подобным же источником «мельчайших подробностей» об эпохе могла быть для Толстого и книга Е. П. Ковалевского «Граф Блудов и его время» (Спб., 1866). Напечатанная в книге (страница 107) эпиграмма Д. Н. Блудова на врагов Карамзина списана Толстым в записной книжке «В» (к теме «В России литературное, 1816 год»). Комментатор считает, что в этой книге (страница 117) Толстой мог прочитать об оригинальном издании «Для немногих» переводов В. А. Жуковского (в записной книжке «А» этот источник упомянут Толстым в перечне названий). Д. Н. Блудов в молодости был одним из основателей литературного кружка «Арзамас». В семье Блудовых Толстой был в 1856 г., а в 1903 г. говорил об их доме: «Это был очень интересный дом, где собирались писатели и вообще лучшие люди того времени. Я, помню, читал там в первый раз «Два гусара».

Блудов был человек, когда-то близкий к декабристам и сочувствующий в душе всякому прогрессивному движению. Но он все-таки продолжал свою службу при Николае» [10]. (Блудов, кстати, был в составе Верховной следственной комиссии по делу декабристов). В книге Ковалевского «Граф Блудов и его время» (Спб., 1866) использованы отчасти записки и отзывы декабристов С. Г. Волконского, Е. П. Оболенского, Н. И. Тургенева. Едва ли не более всех других дала Толстому необходимые сведения об избранном им времени книга декабриста Н. И. Тургенева «Россия и русские». Помимо того, что книга была одним из источников «Войны и мира», она и в 70-е годы представляла для Толстого исключительный интерес: «Россия и русские» — книга, содержащая массу сведений, суждений, мыслей, оценок положения в России в годы первых десятилетий XIX века. О пристальном внимании Толстого к материалу этой книги говорят, например, относимые исследователями к декабрю 1878 — февралю 1879 гг. записи к «Декабристам» на отдельных листах, основанные на тексте шестой главы I тома книги (глава «Мое пребывание в России с 1816 по 1824 год»). Кстати, эта глава в яснополянском экземпляре не имеет помет Толстого, характерных для периода чтения источника в годы писания «Войны и мира».

Последнее обращение Толстого к роману «Декабристы» датируется 1884 г. Но декабристы и их время будут интересовать писателя и в 80-е и в 900-е годы. К этому времени, возможно, относится появление в библиотеке Ясной Поляны еще нескольких изданий о декабристах. Таковы, например, «Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова» (М., 1888). В конце 1895 г. составитель А. И. Дмитриев-Мамонов прислал Толстому из Омска свой труд «Декабристы в Западной Сибири. Очерк по официальным документам» (М., 1895). Книга хранится в Ясной Поляне полностью разрезанной.

Толстой, видимо, просматривал книгу об основателе «Русской старины», большом знатоке декабристских рукописных архивов М. И. Семевском (Тимощук В. В. Михаил Иванович Семевский), вышедшую в 1895 г. Книга частично разрезана. К этому же периоду относится брошюра Т. И. Буткевича «Религиозные убеждения декабристов» (Харьков, 1900), не вызвавшая, однако, большого интереса у Толстого: часть брошюры не разрезана.

Следует назвать «Воспоминания» Н. А. Белоголового (М., 1898), врача, встречавшегося в 90-е годы с Толстым. Он знал много интересного о декабристах, среди которых провел детство и юность в Иркутске. В его воспоминаниях, в частности, немало сведений о личности С. Г. Волконского, с которым, по возвращении его из Сибири, Толстой встречался в России и за границей. О С. Г. Волконском Толстой говорил в 900-е годы с А. Б. Гольденвейзером, Д. П. Маковицким. 1 июля 1905 г. Толстой написал внуку декабриста Г. М. Волконскому: «Декабристы, больше чем когда-нибудь, занимают меня и возбуждают мое удивление и умиление»[11].

В октябре 1901 г. и январе 1906 г. Толстой читал «Записки» С. Г. Волконского. Они сохранились в Ясной Поляне в издании сына декабриста (изд. 2-е, 1902). Есть также, видимо, полученные от того же издателя «Записки княгини Марии Николаевны Волконской» (Спб., 1904).

В пору работы над «Хаджи-Муратом», особенно над главой о Николае I, начинается новый период активного чтения и собирания Толстым материалов о времени декабристов. В этот период в библиотеке собирается несколько работ о времени Николая I, написанных С. С. Татищевым. Все эти издания имеют пометы Л. Н. Толстого, в том числе и присланный П. А. Сергеенко очерк С. С. Татищева «Воцарение императора Николая» (Русск. вестник, 1893, № 3, 4).

Летом 1903 г. Толстой читает двухтомное издание Н. К. Шильдера «Император Николай Первый, его жизнь и царствование» (Спб., 1903), находя в книге «очень много интересного»[12]. (Книги были присланы в Ясную Поляну издателем А. С. Сувориным.) К этому времени, видимо, можно отнести пометы Толстого в статьях о Николае I, опубликованных в «Русской старине» за 1903 и 1904 гг. под названием «Император Николай I и европейские революции». В этом же журнале, надо полагать, Толстым тогда же читались и отдельные материалы о декабристах.

В 1904 г., оставляя работу над главой о Николае в «Хаджи-Мурате» и намереваясь писать о нем отдельно, Толстой обращался к В. В. Стасову с просьбой прислать записки декабристов, не издававшиеся в России. Сообщая о получении книг, Толстой пишет: «Занят Николаем и вообще деспотизмом, психологией деспотизма, которую хотелось бы художественно изобразить в связи с декабристами»[13]. Стасов выслал Толстому из секретного отделения Публичной библиотеки заграничные издания записок С. П. Трубецкого, Е. Оболенского, И. Якушкина, 8 мая 1904 г. Стасов написал Толстому: «Видели ли вы в новой книге «К свету» статью «Жены декабристов»? Интересно и важно»[14]. Это была статья П. Е. Щёголева «Жены декабристов и их юридические права» в сборнике «К свету» (Спб., 1904). Статья в значительной мере посвящена поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины». Возникает вопрос, знал ли Толстой написанное о декабристах Н. А. Некрасовым? В 1858 г. он читал поэму Некрасова «Несчастные». Надо думать, что «Русские женщины», опубликованные в 1872 г., были знакомы Толстому до 1878 г.; в Ясной Поляне хранится четырехтомное собрание сочинений Некрасова в издании 1879 г., не раз читанное Толстым. Сохранился номер «Русского богатства» (1902, № 11—12)со статьей П. Гриневича «Муза мести

и печали», где можно было прочитать об огромном влиянии на современников и потомков поэмы «Несчастные». В архивных бумагах Толстого за 1878 г. сохранился присланный ему в записи М. А. Веневитинова со слов С. В. Комаровской в 1873 г. отзыв о произведениях Некрасова с точки зрения якобы «исторических ошибок». Напротив, в воспоминаниях жившего в Иркутске среди декабристов доктора Н. А. Белоголового Толстой мог прочитать иное: что Некрасов при описании путешествия Волконской и Трубецкой пользовался многими достоверными источниками.

Упомянутый выше сборник «К свету» со статьей П. Е. Щёголева о «Русских женщинах» в Ясной Поляне есть; текст статьи объемом почти в 50 страниц полностью разрезан среди прочего неразрезанного материала.

Через В. В. Стасова в 1904 г. Толстым были получены записки барона А. Е. Розена «В ссылку» (М., 1900), сохранившиеся в Ясной Поляне. Как писал Стасов, книга была «не из собрания библиотеки» и, видимо, осталась у Толстого. Из записок Д. П. Маковицкого известно, что записки Розена читались Толстым в 1904 и 1905 гг. Комментаторы «Декабристов» считают, что в вариантах I главы романа, а также в записной книжке «Б» (70-е годы) есть сведения о декабристах Чернышевых, заимствованные Толстым из записок Розена, видимо, знакомых писателю раньше (впервые они вышли в Лейпциге в 1870 г.).

26 июня 1905 г. дочерью декабриста Д. И. Завалишина Толстому было передано мюнхенское издание (1904 г.) его «Записок декабриста». Знакомство Толстого с Завалишиным относят к 1881 г. Завалишин работал тогда над второй редакцией записок, и у Толстого была мысль издать их за свой счет. По свидетельству Маковицкого, Толстой, перечитывая «Записки» Завалишина в июне — октябре 1905 г. и отмечая не раз «самохвальство» Зава-

лишина, тем не менее отозвался о них как о «самых важных из записок декабристов». Ценность, по мнению Толстого, им придавало и то, что мемуарист, не будучи близок ни с одним из декабристов, «писал про их теневые стороны».

Летом 1905 г. Толстой читал «Записки» И. Д. Якушкина (М., 1905). Яснополянский экземпляр «Записок» почти полностью разрезан. В записную книжку «А» Толстой вписал эти «Записки» в 1878—1879 гг., когда он мог познакомиться с ними в заграничных изданиях (60-е годы и 1874 г.) или по неполному варианту в № 8—9 «Русского архива» за 1870 г. В 1904 г. Толстой просил В. В. Стасова прислать «Записки»; видимо, таким путем и поступила эта книга в толстовскую библиотеку.

В январе 1906 г., как следует из Дневника Толстого, он читал книгу С. Максимова «Сибирь и каторга». И хотя на материале этого источника писался рассказ «За что?», загнутые Толстым уголки остались и на страницах, посвященных декабристам: это отрывок о коменданте Лепарском и его отношении к ссыльным; материал о тюремной общине декабристов, их жизни и деятельности на поселении и т. д.

Автор ряда работ о декабристах П. Е. Щёголев послал Толстому летом 1908 г. именной экземпляр своей книги «А. С. Грибоедов и декабристы» (Спб., 1905). 8 июня 1908 г. Толстой писал автору: «Очень благодарен вам... за присланное прекрасное издание о Грибоедове... и за обещание (если я верно понял) прислать Русскую Правду... Если декабристы и не интересуют меня, как прежде, как материал для работы, они всегда интересны и вызывают самые серьезные мысли и чувства» [15].

«Русская правда» П. И. Пестеля сохранилась в Ясной Поляне в издании 1906 г. В мартовском номере журнала «Былое» за 1906 г. Толстой читал о Пестеле статью Н. П. Сильванского. Есть также у Толстого в издании этого

времени статьи «Взгляд на тайное общество в России» (1816—1826) М. С. Лунина и «Разбор донесения следственной комиссии в 1826 г.» Н. Муравьева. (К истории декабристов. М., 1906).

Из прочих работ о декабристах П. Е. Щёголева у Толстого есть статья «Первый декабрист Владимир Раевский» в номерах журнала «Былое» (1906—1907). Толстой, возможно, читал опубликованные Щёголевым «Записки Бестужева».

Следует сказать, что в последние годы жизни Толстого на страницах русских журналов «Былое» и «Минувшие годы» появлялось много материалов о декабристах.

Так, в журнале «Былое» в 1906—1907 гг. печаталось, кроме большой работы Н. П. Сильванского о Пестеле, статья М. И. Семевского о государственном строе в России конца XVIII — начала XIX века, статья П. Е. Щёголева «Николай I — тюремщик декабристов» и его же статья о декабристе Шаховском, статьи М. О. Гершензона «Семья декабристов» и «Западные друзья Герцена». «Минувшие годы» поместили материалы о «Русской правде» Пестеля, статью М. И. Семевского «Декабристы-масоны», «Воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г.», материалы к биографии Розена и т. д.

Эти журналы, сохранившиеся в полных комплектах, неоднократно просматривались и читались Толстым. Статья П. Е. Щёголева «Петр Григорьевич Каховский», читанная Толстым 12 февраля 1909 г. (в № 1—2 «Былого», 1906), по свидетельству Н. Н. Гусева, была последним материалом о декабристах, привлекшим внимание писателя. Уместно назвать еще сохранившееся в Ясной Поляне издание 1910 г. «Эпоха Николая I» под ред. М. О. Гершензона (возможно, присланное Толстому редактором), содержащее резкую критику правительства Николая I.

Таковы свидетельства интереса к декабристам у Толстого в последнее десятилетие его жизни, в период, когда Маковицкий записал в январе 1905 г. известный отзыв писателя о декабристах: «Это были люди все на подбор, как будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их вытянул»[16].

Таким образом, даже самый беглый обзор названных здесь более чем 50 изданий разнородных материалов о декабристах и их времени, хранящихся со времен Л. Н. Толстого в яснополянской библиотеке, свидетельствует о широкой осведомленности Толстого относительно избранной им эпохи. Однажды в беседе с Г. А. Русановым в 1883 г. Толстой сам об этом сказал: «Декабристы были слишком всем известные лица. Осталась масса записок, мемуаров, писем их эпохи, и я положительно терялся в этой массе»[17].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 349.

[2] Толстая С. А. Дневники. [Ч. 1.]. 1860—1891. М., 1928, с. 37—38.

[3] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 383.

[4] Там же, т. 17, с. 475.

[5] Там же, т. 62, с. 389.

[6] Толстая С. А. Дневники, с. 41—42.

[7] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 83, с. 244.

[8] Там же, т. 17, с. 457.

[9] Там же, с. 446.

[10] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 131.

[11] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 75, с. 134.

[12] Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. М., 1960, с. 455.

[13] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 75, с. 103.

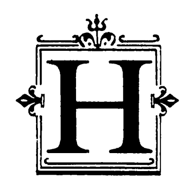
[14] Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906. Л., 1929, с. 344.

[15] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 78, с. 163.

[16] Цит. по кн.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 17, с. 527.

[17] Русанов Г. А. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 1883—1901. Воронеж, 1972, с. 38.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДОМЕ-МУЗЕЕ

е так давно в Ясной Поляне был найден вложенный в одну из брошюр в кабинете Л. Н. Толстого список книг, озаглавленный «Революционная литература». Список написан карандашом на узком листе бумаги рукою дочери Толстого Т. Л. Толстой-Сухотиной. В него входят названия 40 изданий, большей частью вышедших в годы первой русской революции и касающихся вопросов революционного движения.

По всей вероятности, этот список был составлен летом 1910 г. В августе дочь, не жившая тогда постоянно в Ясной Поляне, приехала за отцом из своего имения Кочеты. В этот период Толстой приступил к работе над романом «Нет в мире виноватых», где он был намерен описать революцию и ее деятелей. (Роман этот не был написан.) Секретарь Толстого В. Ф. Булгаков отмечает в рукописи «Описания яснополянской библиотеки Л. Н. Толстого»[1], что перед отъездом в Кочеты Толстой «просил своего слугу Илью Васильевича Сидоркова запомнить место, куда он положил революционные книжки: «На случай, если бы они мне понадобились». Видимо, тогда же Татьяна Львовна и переписала по просьбе отца эту литературу, к которой он проявил особое внимание.

На день ухода Толстого из Ясной Поляны 28 октября 1910 г. эти книги оставались — и доныне находятся — на

письменном столе Толстого и в этажерке возле него, но они уже не представляют определенной группы, смешались с другими изданиями.

Обнаруженный список помогает сегодня уяснить, что же именно сам Толстой относил в своей библиотеке к книгам революционным и отложил в интересах своей писательской работы.

Переписка Толстого, свидетельства близких к нему людей как бы комментируют найденный список, дают в руки исследователя те факты, которые помогают установить, как попадала революционная литература в яснополянскую библиотеку, понять значение этих книг для творчества писателя.

В ноябре 1905 г. Толстой сообщал В. Г. Черткову: «Писать о том, что делается в России, не начинаю, потому что слишком многое хочется сказать»[2].

В это время Толстой, как отмечает в дневнике его зять М. С. Сухотин[3], с интересом читал газеты, с жадностью прислушивался к рассказам о совершающемся. «Много народа ходит ко Льву Николаевичу, много особенно левых и сознательных»,— записывает Сухотин в феврале 1907 г. Некоторые из собеседников, вероятно, оставляли или присылали Толстому книжки, брошюры. В библиотеке Ясной Поляны есть издания с надписанной фамилией их прежнего владельца.

После поражения революции Толстой выступил с обличением царизма, требуя прекратить преследования и казни участвовавших в революционном движении. В июле 1908 г. одновременно газеты почти всех цивилизованных стран опубликовали знаменитую статью Толстого «Не могу молчать!».

Во время работы над статьей писателю были доставлены книги из жизни революционеров, например, от посещавшего Толстого московского адвоката Н. К. Муравьева, выступавшего на политических процессах.

В записях домашнего врача Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкого за 14 марта 1906 г. отмечено чтение Толстым статьи из газеты «Русь» о подавлении карательным отрядом Семеновского полка вооруженного восстания на Московско-Казанской железной дороге в декабре 1905 г. «Рад, что прочел,— сказал Толстой.— На серьезные мысли наводит». К этим же материалам писатель возвратился в апреле 1908 г., в период, непосредственно предшествующий написанию статьи «Не могу молчать!». Возможно, тогда же была читана Толстым маленькая книжка, остававшаяся в его кабинете до последнего дня пребывания Толстого в Яснополянском доме, под названием «Царевы слуги» с надписью «От автора» на первой странице. Текст представляет собой небольшое драматическое произведение о столкновении солдат и офицеров Семеновского полка и московских рабочих — на подмосковной станции в 1905 г.

На обороте последнего листа напечатано, что сбор от продажи книжки идет в пользу газеты «Рабочее знамя». Внизу указано: «Типография Московского окружного комитета РСДРП». Автор обозначен на книжке как «Никандр», видимо, это псевдоним. Книжка относится к редким изданиям; сведений о ней и ее авторе в библиографических источниках пока не обнаружено.

В декабре 1908 г. С. А. Толстая записывает в дневнике, что Толстой «усиленно собирает материал о казнях, о революционерах, о процессах и т. п.». Д. П. Маковицкий в записях за 28—29 декабря 1908 г. отмечает чтение Толстым революционных брошюр и статей из журнала «Былое». В начале 1909 г., когда была начата повесть о революционерах «Павел Кудряш», Толстой поручил своему секретарю Н. Н. Гусеву получить у сотрудника «Русских ведомостей» С. П. Мельгунова книги, которые «он обещал приготовить». Фразу Толстого: «Революционеры мне прислали разные брошюры» приводит Д. П. Ма-

ковицкий в записи от 31 января 1909 г., указав, что Толстой получил «кипу брошюр революционных»[4].

Живое внимание писателя к современности, встречи, беседы с людьми обусловили поступление в Ясную Поляну литературы о текущем моменте, революции и ее участниках, литературы неоднородной, освещающей события с самых различных позиций. На некоторых изданиях сохранились надписи Толстого: «нужное», «может понадобиться».

Со времен революционного трехлетия доныне сохранились в толстовском доме общественно-политические газеты и журналы более чем 20 наименований.

В кабинете Толстого есть «Сборник революционных песен» в нелегальном гектографированном издании. Сборник содержит «Интернационал», «Марсельезу», «Варшавянку», «Машинушку», «Похоронный марш», «Беснуйтесь, тираны», «Красное знамя», «Последнее прости». Брошюра А. А. Борового об анархистах «Революционное миросозерцание. 1907—1910 гг.» — осталась на день ухода Толстого из Ясной Поляны на его письменном столе открытой на 23 странице. Небезынтересно вспомнить, что, изучая анархизм, Толстой сказал 9 марта 1908 г. по поводу чтения книги Б. Шоу «Невозможность анархизма»: «Очень умно. Он за социализм против анархизма. Мне это очень интересно»[5].

Вопросы о том, как представлял себе Толстой тактику различных партий в России, что он знал о большевиках, знал ли о В. И. Ленине — вопросы, требующие исследования. И даже скромные факты, устанавливаемые через библиотеку Толстого, приобретают в этом смысле немалый интерес. Например, для Толстого не была чем-то неизвестным русская революционная эмиграция. 9 апреля 1908 г. он слушал с большим интересом рассказы приехавшего из-за границы М. С. Сухотина о русских революционерах-эмигрантах. В числе близких знакомых Сухо-

тина в Женеве был бывший народник политический эмигрант Е. Е. Лазарев, известный Толстому еще с 70-х годов. Лазарев лично знал Ленина, Плеханова, Луначарского, Мануильского. В толстовском доме есть несколько социал-демократических женевских изданий. Такова брошюра «Две Европы» О. А. Когана-Ерманского — нелегальное издание 1904 г. об отношении пролетариата и буржуазии Европы к русско-японской войне. На обложке книжки и на титульном листе стоят овальные штампы Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. На задней обложке книжки в завершение большого списка социал-демократических изданий с именами Маркса, Энгельса, Ленина напечатано: «Со всеми требованиями о книгах обращаться в адрес экспедиции РСДРП». Далее по-французски: «Швейцария. Женева, улица Коллин, 3, В. Ульянов».

Толстой с В. И. Лениным не встречался. Считалось, что из работ Ленина он прочитал лишь статью об отношении к III Государственной думе «Против бойкота» в издании 1907 г. Ничего более на эту тему до сих пор не было известно.

Революционная литература в Ясной Поляне помогает установить в этом отношении новые факты, свидетельствующие об осведомленности Толстого в вопросах революционной тактики большевиков, развития русской социал-демократии и роли В. И. Ленина.

В дни революции 1905 г. была завоевана свобода печати. Имя Ленина, суждения о нем как вожде русской социал-демократии, а также о тактике большевиков стали появляться на страницах русских изданий.

С многочисленными отчеркиваниями Толстого хранится в Ясной Поляне книга С. С. Гарта (Зусмана) «Революция и наши партии» (1907). Автор не социал-демократ, но широко цитирует статьи из социал-демократиче-

ских газет, в частности — из нелегального большевистского «Пролетария».

Среди прочих отрывков Толстой отчеркнул в начале раздела о самостоятельном значении российской социал-демократии как идейной руководительницы пролетариата, на странице 54, 12 следующих строк: «В своем блестящем памфлете «Что делать?», появившемся еще в 1902 г., главный вдохновитель большевиков г. Ленин доказал, что пролетариат, предоставленный самому себе, неизбежно сбивается на безыдейный экономизм, на будничную тред-юнионистскую борьбу английских рабочих. Только интеллигенция, проникнутая идеологией пролетариата, как ее открыл Маркс, может поднять пролетариат до сознания своих истинных классовых задач и повести его на борьбу за социализм. В переживаемый Россией исторический момент истинно социал-демократическое руководительство пролетариата имеет большое значение».

Данная пометка Толстого — существенное дополнение к тому, что известно о знакомстве писателя с названной выше статьей В. И. Ленина. По мнению секретаря Толстого В. Ф. Булгакова, книга Гарта читалась Толстым тотчас по ее выходе, в 1907 г. К тому же году, видимо, можно отнести пометки Толстого в тексте ленинской статьи «Против бойкота». Кстати, в этом издании исследователи признавали бесспорно толстовской лишь одну помету. Однако есть и вторая, которая не противоречит интересу Толстого к вопросам революционной тактики (и по виду она типично толстовская): на странице 9 в ленинской статье отчеркнуто: «Борьба с конституционными иллюзиями, говорили большевики в 1905-ом и в начале 1906-го года, должна стать лозунгом момента, ибо именно в данный период объективное положение вещей ставит на решение борющихся общественных сил вопрос о том, восторжествует ли на ближайший период прямой путь непосредственной революционной борьбы...»

В библиотеке Ясной Поляны есть еще одна работа В. И. Ленина. В № 12 легального марксистского журнала «Жизнь» за 1899 г. разрезаны, по-видимому Толстым, последние листы статьи П. Нежданова «Полемика по вопросу о рынках». Здесь же далее разрезана статья В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках (ответ г. П. Нежданову)». Статья занимает четыре страницы, вышла под псевдонимом «В. Ильин». (Вопрос о рынках Толстого интересовал, об этом есть записи в его Дневнике; в № 4 «Жизни» разрезана статья А. Изгоева «Теория рынков в нашей литературе»).

Среди известных Толстому книг был сборник «Сознательная Россия» (№ 4), где в передовой статье анализируется развитие российской социал-демократии, упомянуты «Искра», имена Плеханова и Ленина — как автора, лучше всего разработавшего теорию русской революции.

Заслуживает упоминания журнальная статья М. Рейснера «Теория государства в учении марксизма» (1908); во второй части статьи Толстой отчеркнул положение об организации революционной армии, о приходе пролетариата к власти, об уничтожении классов и государства. Автор в 1905 г. примкнул к большевикам, некоторые его статьи в журнале «Vorwärts» были переведены Лениным и печатались в «Пролетарии». В числе изданий революционного времени в кабинете Толстого хранится также сборник статей К. Каутского «Очередные проблемы международного социализма» в переводе с немецкого языка В. Величкиной (В. М. Бонч-Бруевич) и Н. Ульяновой (Н. К. Крупской). Крупская переписывалась с Толстым по поводу издания популярных книг для народа.

В библиотеке Ясной Поляны можно найти литературу о преобразовании государственного устройства в России; довольно значительна группа материалов о Государственной думе. Интересно, что у Толстого был «Протокол Первого северного съезда Всероссийского крестьянского сою-

за» — революционно-демократической организации, высоко оцененной В. И. Лениным. Пометки Толстого сохранились на страницах материалов о рабочем движении, о петербургской социал-демократической организации в журналах «Былое» и «Минувшие годы». В кабинете Толстого хранится и агитационная литература революционного периода, в том числе — переиздание одной из лучших народовольческих брошюр — «Царь-голод» А. Н. Баха, излагавшей в популярной форме «Капитал» К. Маркса.

На письменном столе Толстого и теперь лежит очерк «Вооруженное восстание в Москве» — листы из сборника «Текущий момент» (1906).

Предчувствуя историческое значение русской революции, Толстой говорил летом 1905 г.: «Современное движение в России — движение мировое, важность которого еще мало понимают. Это движение... как французская революция когда-то, может быть, даст своими идеями толчок на сотни лет»[6].

Опубл.: В мире книг, 1973, № 2, с. 81—83.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рукопись хранится в архиве ГМТ.

[2] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 89, с. 27.

[3] Дневник М. С. Сухотина опубликован в «Лит. наследстве», т. 69, кн. 2, М., 1961.

[4] Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. У Толстого (1904—1910).— Лит. наследство, т. 90, кн. 3, М., 1979, с. 316.

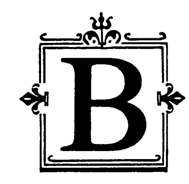
[5] Там же, с. 26.

[6] Цит. по кн.: Ломунов К. Н. Ленин читает Толстого. М., 1972, с. 86.

Л. Н. ТОЛСТОЙ ЗА ЧТЕНИЕМ ЛИТЕРАТУРЫ О МАРКСИЗМЕ В 90-е ГОДЫ

(По материалам яснополянской библиотеки)

опросу об отношении великого русского художника к основоположнику научного коммунизма посвящены статья С. М. Брейтбурга «Лев Толстой за чтением «Капитала» Маркса» (сборник Звенья, 1935 г.) и статья А. И. Толстой и П. С. Попова «Толстой за чтением литературы по научному социализму» (сборник Лев Толстой, материалы и публикации, Тула, 1958). Однако нельзя считать этот вопрос исчерпанным.

Временем первого более или менее сознательного обращения Л. Н. Толстого к произведениям К. Маркса можно считать начало 80-х годов. В истории — это время зарождения русского марксизма, у Толстого — это период работы над статьей «Так что же нам делать?» Как указывает писатель в вариантах этой статьи, еще в прежние годы у него было примерно три периода, когда он увлекался чтением сочинений по политэкономии ряда авторов, в том числе и Маркса. Ко времени создания данной статьи он снова «обратился к этой науке и к живым представителям ее и к ее писателям» для решения волновавшего его вопроса. Нет сведений о том, какие именно

из произведений К. Маркса мог читать в те годы Толстой; естественно предположить обращение к «Капиталу». Книга могла быть взята им на время у кого-то в Москве, может быть, у профессора политической экономии Петровской сельскохозяйственной академии И. И. Иванюкова, который напечатал тогда в «Русской мысли» большую работу «Синтез учений об экономической политике», а затем издал книгу о социализме. Толстой интересовался его взглядами, в 1884—1885 гг. он часто бывал в доме у Иванюковых. Интерес Толстого к социализму, марксизму в последующие годы укрепился. В его дневниках конца 80-х — начала 90-х годов не раз встречается имя Маркса. В яснополянской библиотеке писателя собирается немало книг, касающихся политэкономии и марксизма. Можно, например, назвать работы Ф. Масарика «Die wissenschaftliche und philosophishe Krise innerhalb des gegenwärtigen Marxismus» (1898); Cornelissen'a «En Marche vers la société nouvelle» (1900), (в этой книге, местами разрезанной, неоднократно цитируются Маркс и Энгельс, упомянуты имена социал-демократов), G. Gunton'a «Wealth and progress» (1887), где в первой же главе автор подчеркивает большие заслуги Маркса в развитии политико-экономической науки.

В августе 1895 г. Толстым была прочитана «Социальная эволюция» Б. Кидда. Здесь Толстой, видимо, обратил внимание на раздел «Modern socialism», полностью разрезав его текст; здесь есть много материала о Марксе и Энгельсе. Думается, что Толстой не мог оставить без внимания присланную ему «The encyclopedia of social reform», вышедшую в 1897 г. в Нью-Йорке и Лондоне. Здесь на страницах 860—862 убористого текста есть статья профессора Бём-Баверка о К. Марксе с обзором «Капитала», а на странице 558— краткая справка об Энгельсе; страницы 1262—1276 занимает статья о социализме.

Статьи о марксизме появлялись тогда в русских журналах. Так, получаемая в Ясной Поляне «Русская мысль» была в 90-е годы ареной борьбы марксистов и народников. В № 9 этого журнала за 1896 г., по всей вероятности Толстым, разрезана первая часть открытого письма С. Ушакова (Г. В. Плеханова) к Гольцеву, представителю воинствующих противников марксизма, под названием «Несколько слов в защиту экономического материализма». В журнале легальных марксистов «Жизнь» разрезана и, видимо, читалась Толстым большая статья П. Берлина «К вопросу о значении философии Гегеля для основных положений марксизма». В «Научном обозрении» (№ 10 за 1897 г.) разрезан текст воспоминаний Эдуарда Эвелинга «Чарльз Дарвин и К. Маркс», а в № 11 на страницах 1—14 — текст речи о свободе торговли, произнесенной К. Марксом 9 января 1849 г. в Демократическом обществе в Брюсселе.

Беседуя в 1895 г. с легальным марксистом В. А. Поссе о его мировоззрении, Толстой сказал: «Меня вот все упрекают... что я пишу о том, как лучше устроить жизнь, ...не зная, что сказал и что открыл Карл Маркс. Ошибаются. Я внимательно прочел «Капитал» Маркса и готов сдать по нему экзамен»[1].

Таким образом, несмотря на отсутствие точных свидетельств о времени и обстоятельствах первого чтения Толстым произведений Маркса, можно утверждать, что «Капитал» был прочитан Толстым, по крайней мере, в первое двадцатилетие жизни этого гениального труда.

Второй раз Толстой взял в руки «Капитал» тоже в определенных творческих целях: в связи с работой над статьей «Рабство нашего времени». Названные выше исследователи датируют это обращение Толстого к Марксу концом 1899 г. или 1900 г. К этому времени в толстовской библиотеке появляется 3-е немецкое издание «Капитала»[9] (Гамбург, 1883) и русский перевод книги под ре-

дакцией доктора математики В. Д. Любимова (1898—1899). Из двух томов этого издания на русском языке второй у Толстого не разрезан.

В период вызревания творческого замысла статьи о капиталистическом рабстве у Толстого, с его критикой существующего строя, неоднократно возникали мысли, так или иначе связанные с проблемами, освещаемыми в «Капитале». Достаточно привести несколько примеров из дневников писателя 90-х годов.

В Дневнике за 16 ноября 1890 г. читаем: «Низшие рабочие классы всегда ненавидят и только ждут возможности выместить все накипевшее, но верх теперь правящих классов. Они лежат на рабочих и не могут выпустить: если выпустят, им конец. Все остальное игра и комедия. Сущность дела — это борьба на жизнь и смерть»[2]. Этой же теме «О противоречии экономическом» Толстой посвятил несколько страниц в пятой главе трактата «Царство божие внутри вас». 26 мая 1895 г. Толстой, записав свои размышления по поводу современного рабства, отметил: «Специализация труда есть произведение рабства. Предела специализации нет. Для того, чтобы специализация была законна, она должна быть прежде всего свободна. А то люди вступили на путь специализации и поддерживают ее скрытым рабством»[3].

Мысли о цене произведений труда и условиях его продажи вписаны в Дневник за 17 мая 1896 г. по поводу «статьи об искусстве»: «за картину, стоившую мастеру 1000 рабочих дней, дают 40 т[ысяч] рабочих дней»...[4]

22 ноября 1896 г. в Дневнике зафиксировано намерение описать «угнетение крепостных и потом точно такое же угнетение земельной собственностью или, скорее, лишением ее»[5].

Проезжая 5 мая 1896 г. мимо цементного завода Гиля, находившегося в семи километрах от Ясной Поляны, Толстой размышляет: «С малым капиталом невыгодно ника-

кое предприятие. Чем больше капитал, тем выгоднее: меньше расходов. Но из этого никак не следует, чтобы, по Марксу, капитализм привел к социализму»[6]. Толстой ошибочно считает, что условия труда на капиталистическом предприятии не сплачивают, а, наоборот, разобщают рабочий класс.

Упоминание в данном случае имени Маркса, факт скопления таких записей на определенном отрезке времени (1895—1896 гг.), возможно, обусловлены чтением Толстым литературы о марксизме. Определенно об этом нельзя что-либо сказать. В любом случае интерес Толстого к Марксу в эти годы был закономерен, и появление в доме Толстого «Капитала» нельзя считать случайным.

К тому же весной 1898 г. произошел очень значительный в этом отношении факт, устанавливаемый опять-таки через яснополянскую библиотеку.

В библиотеке хранится книжка в 211 страниц — «Экономическое учение Карла Маркса. Изложение и критический разбор Л. Слонимского» (Спб., 1898). В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» упоминает эту книгу в числе русских работ, посвященных марксизму.

На толстовском экземпляре — автограф: «Неутомимому и доброму искателю правды от скептика 20/IV—98 г.» Автор, как указано в заглавии, критически разбирает Маркса, во многом с ним не соглашаясь. «Искатель правды» Толстой, кажется, менее обращал внимание на ход мыслей «скептика» — автора, но оставил в книге массу помет, прежде всего относящихся непосредственно к текстам Маркса или к их изложению, близкому к подлиннику. «Капитал» цитируется здесь в переводе на русский язык по второму, даниельсоновскому, изданию, вышедшему в начале 1898 г. (Первое издание стало в то время уже библиографической редкостью.) В этой книге Толстой отчеркнул свыше 300 строк, иногда отмечая целые страницы. Количество строк, отчеркнутых здесь с ци-

татами из текста «Капитала», превышает отчеркивания в тексте «Капитала» в издании под редакцией Любимова, относимые исследователями к 1907 г. и описанные в статьях С. М. Брейтбурга, А. И. Толстой и П. С. Попова.

Пометы в книге Слонимского однородны, они сделаны карандашом, довольно равномерно распределены по всему тексту.

Первую пометку Толстого мы находим в разделе II «Теория ценности Маркса и значение ее в экономической литературе». Это отрывок в 11 строк, излагающий определение цены труда у Рикардо.

Помимо отчеркивания на полях, Толстой подчеркнул здесь часть фразы: «...чтобы рабочие классы повсюду имели потребность в удобствах...»

На 16 странице Толстой отметил отрывок в 13 строк с изложением сущности рассуждений Маркса о ценности труда и капитале, когда ценность труда определяется количеством средств, необходимых для содержания работника и его семьи. Здесь же указано, что этому удовлетворяет некоторая часть рабочего дня, в остальное же время создается прибавочная ценность, присваиваемая капиталистом. Приводимая далее мысль о том, что рабочий продает капиталисту не то или иное количество своих рабочих часов, заранее определенных при найме, а продает без всяких условий свою рабочую силу, самого себя,— очень близка к тому, что написал Толстой в Дневнике еще 14 февраля 1891 г. за чтением книги Gronlund'a «Our destiny»: «Хорошо тоже то, что я кажется давно уже где-то записал, что нелепо говорить об одинаковой обязанности условий, в кот[ором] на одной стороне выдача 0,00001 состояния (положим, поденная плата), с другой — целый весь день 14-часового труда, т. е. вся жизнь дня»[7].

Определив в предисловии «Капитал» как «знаменитую книгу», которая «должна быть признана наиболее

выдающимся и типическим продуктом соединения немецкой учености и диалектики с английскими промышленными идеями и доктринами», и в то же время намереваясь поправлять Маркса, Л. Слонимский, после введения, подробно задерживается на анализе первой вступительной части «Капитала». Здесь, на странице 45, внимание Толстого было остановлено описанием товара «рабочая сила», как источника создания стоимости. В отчеркнутом отрывке, занявшем 18 строк, содержится определение рабочей силы по Марксу (со ссылкой на 151 страницу «Капитала»): «Рабочая сила продается как товар только при двух условиях: если владельцы и носители этой рабочей силы свободно располагают ею, в силу своей личной свободы, и если они не имеют для продажи никакого другого товара, кроме своей способности к труду».

С цитируемой ниже выдержкой из варианта «Рабства нашего времени» прямо перекликаются пометы, сделанные Толстым на двух следующих страницах книги Слонимского. (Помимо отчеркнутых здесь трех отрывков в 11, 5 и 8 строк, видно, что был по-толстовски загнут вдвое уголок 46 страницы). Речь здесь идет об условиях продажи рабочей силы, о том, что рабочий не обладает свободой выбора и решения, если вынужден продавать свой труд для поддержания жизни; гнет нужды заставляет его принять любые условия капиталиста; в этом отношении эти две стороны неравноправны. В статье Толстого мы найдем слова о том, что фабричные и заводские рабочие, «чтобы существовать, должны продаваться в полную власть хозяев фабрик и заводов». В книге Слонимского Толстой отчеркнул далее мысль автора о том, что сделки при продаже предмета по чрезвычайно низкой цене оспариваются различными законодательствами, этот метод следовало бы применять и к договорам между рабочим и капиталистом. Особо выделены Толстым — под-

черкнуты слова, означающие этот принцип «laesio enormis»: «неумышленное преступление». Едва ли Толстой мог согласиться с тем, что чрезмерная дешевизна рабочей силы является неумышленным преступлением капитализма. Не отсюда ли пошло марксистское заглавие «Самый дешевый товар», написанное Толстым над одним из первых набросков «Рабства нашего времени»?

Далее отмечено Толстым изложение, по Марксу, вопроса о том, что рабочий продает капиталисту не свой труд, не какое-то количество рабочего времени, а свою рабочую силу. Здесь же есть определение Марксом рабочего времени как «времени, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу» (со ссылкой на 225 страницу «Капитала»). В вариантах «Рабства нашего времени», подытоживая свои мысли 80—90-х годов по рабочему вопросу, Толстой развивает то же положение: «Рабочий имеет плату за труд, представляющую для фабриканта одну десятимиллионную его состояния, т. е. ничто; фабрикант же ищет с рабочего, ослабевшего, уставшего работать, исполнения условия, т. е. еще $^{1}/_{4}$, $^{1}/_{2}$ года 12-часового личного, опасного, вредного для здоровья труда, т. е. части жизни, может быть, всей жизни человека»[8].

Немало параллелей и иллюстраций в статьях Толстого мы найдем к материалу, выделенному на 75 странице той же книги. Автор передает здесь мысли Маркса о значении нравственных и исторических условий в определении ценности товара: «С другой стороны объем так называемых необходимых средств к жизни, как и способ удовлетворения их... составляет также исторический продукт и поэтому зависит большею частью от степени культуры страны, между прочим, и от того, при каких условиях и с какими привычками и житейскими требованиями образуется класс свободных рабочих» («Капитал», 156—157 страницы). Этот текст помещен в под-

строчном примечании; на той же странице Толстым загнут вдвое нижний уголок. Под влиянием чтения этого места из «Капитала» Толстой мог внести в Дневник 16 января 1900 г., т. е. в дни работы над «Рабством нашего времени», такую запись: «Загоняет на фабрику и нужда, и соблазн. При неравномерном распределении богатств нельзя провести черту между нуждой и соблазном. Люди жили без чая и сахара, без кожаных сапог; нужда это или соблазн пить чай и купить сапоги, когда все пьют и носят?»[9]

Используя в своих целях тезис Маркса о привычках, Толстой осуждает в «Рабстве нашего времени» привнесенные условиями труда на фабриках «более роскошные привычки», развращающие прежних жителей деревни, ушедших в город: «часы с цепочкой, шелковые платки, табак, вино, говядина, пиво и т. д.»

На 108 странице загнут вдвое нижний уголок листа и подчеркнуто четыре строки в изложении, по Марксу, истории первоначального накопления: «Отнятие земли у крестьян образует основу всего процесса. История этой экспроприации представляет свои особенности в различных странах и проходит различные фазисы в неодинаковом порядке».

Пять строк, отчеркнутых Толстым на 92—93 страницах, посвящены определению капиталистического производства как производства, основанного на отделении рабочей силы от средств и орудий труда, что стало возможным после обезземеливания крестьян. В V главе статьи Толстого «Неужели это так надо?» (статья писалась в 1898— окт. 1900 г.) мы находим марксистское выражение «отчуждение земли».

Толстого заинтересовала на 107 странице привлеченная Слонимским из «Капитала» (678 страница) историческая справка из речей английского государственного деятеля Гладстона, произнесенных в 1864 г. при обсуж-

дении бюджета, где утверждалось, что зарплата рабочих не увеличилась, а это значит, что массы народа стоят на грани пауперизма и «человеческая жизнь в девяти случаях из десяти есть только борьба за существование». В приведенной там же фразе профессора Фаусетта Толстой подчеркнул слова: «что богатые становятся все богаче, тогда как в быте рабочего класса не замечается улучшения».

На 113 и 114 страницах книги Слонимского мы находим загнутые вдвое уголки и самые большие из отмеченных когда-либо Толстым отрывки из «Капитала». Это, во-первых, 29 строк у Слонимского с 791 страницы «Капитала» (приводим тексты Маркса полностью): «С уменьшением числа магнатов капитала, монополизирующих все выгоды этого преобразовательного процесса, увеличивается масса бедствий, гнета, вырождения и эксплуатации, но в то же время и раздражение непрерывно пополняющегося и механизмом самого капиталистического производства вышколенного, объединенного и организованного рабочего класса. Монополия капитала делается уздою для системы производства, которая при ней и под ее крылом выросла и процвела. Сосредоточение средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда не выносят уже своей капиталистической оболочки. Последняя разрывается. Час капиталистической частной собственности настает. Экспроприаторы в свою очередь экспроприируются. Капиталистическая система производства и приобретения, и следовательно капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной, созданной личным трудом частной собственности. Отрицание капиталистического производства порождается им самим, с необходимостью естественного процесса. Это — отрицание отрицания. Индивидуальная собственность вновь восстанавливается, но уже на основе приобретений капиталистической эры — кооперации

свободных рабочих и их общей собственности на землю и на произведенные трудом средства производства. Превращение раздробленной, основанной на личном труде собственности в капиталистическую происходит несравненно медленнее и труднее, чем превращение фактически общественной капиталистической собственности в прямую общественную собственность. Там дело шло о экспроприации народной массы немногими узурпаторами, а здесь дело идет об экспроприации немногих узурпаторов народною массою».

Нижний уголок этой страницы загнут вдвое Толстым.

На следующей странице отчеркнуты первые 17 строк. 10 из них являются цитатой с шестой страницы предисловия к I тому «Капитала» (здесь Толстым был загнут вдвое верхний уголок листа): «...собственный интерес господствующих ныне классов повелевает им устранить все легально контролируемые препятствия, задерживающие развитие рабочего класса. Оттого я уделил так много места, между прочим, истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Одна нация должна учиться у другой. Даже если общество напало на след естественного закона своего движения... оно не может ни перескочить, ни устранить декретами (wegdekretieren) естественные фазисы развития.

Но оно может сократить или смягчить муки родов».

Толстой, очевидно, читал, хотя здесь нет пометок, помещенное далее, на 115 странице, повествование о «Коммунистическом манифесте» и обоснование в нем вопроса о неизбежности победы пролетариата. В данных и последующих пометах Толстого отразился его давний обостренный интерес к определению социалистами, социал-демократами черт будущего общества, к предсказанию путей его построения.

Предлагая сам наивный, несбыточный и вредный для дела революции религиозно-нравственный путь к дости-

жению лучшего будущего, Толстой ни на минуту не сдавал позиции беспощадного обличителя царства капитала и жаждал его уничтожения. По поводу статьи французского буржуазного публициста А. Дежардена, прочитанной им в № 12 за 1894 год журнала «Revue des deux mondes», Толстой писал 30 января 1894 г. своему знакомому Ш. Саломону: «Я не согласен с ним только в том... что если программа социалистов неисполнима, то настоящее положение вещей может и должно оставаться, каким оно есть, с собственностью земли и капитализмом. Я думаю, что настоящий порядок вещей еще менее может продолжаться, чем государственный социализм — осуществиться»[10].

«...Я никогда не слышал,— писал Толстой 17 октября 1896 г. Дж. Кенворти,— от какого-либо социалиста, коммуниста или анархиста о том, по какой системе и как будет действовать коммунистическая или социалистическая организация...»[11]

В свете этих толстовских высказываний ясно, почему он, считавший всю «материалистическую школу» заблуждающейся относительно пути к благу людей, в то же время обратил внимание у Слонимского и на защиту немецким экономистом профессором Брентано пути постепенного разрешения рабочего вопроса без коренных социальных реформ (страница 134), и на требование Марксом для разрешения жестоких социальных антагонизмов упразднения капитализма (страница 135). Толстого привлекают, например, проблемы «высших и сложных форм труда», труда управления и надзора в будущем обществе (страницы 136, 138).

В последующих разделах книги Слонимского Толстой отметил отдельные положения о взглядах предшественников Маркса в немецкой экономической литературе Г. Тюнена и К. Родбертуса, критику Родбертуса Энгельсом.

В книге освещается также критика Марксом Готской программы.

На страницах 178—180 Слонимский обвиняет Маркса в наивном утопизме по поводу его набросков картины будущего. В этой части книги тоже сохранились следы чтения Толстого.

Интересны пометки на следующих страницах: отчеркнут большой отрывок текста Эрфуртской программы (на странице 181), слова из заключительной части программы о требованиях германской социал-демократической партии «для охраны рабочего класса» (11 строк на 183 странице), та же тема развивается в отчеркнутых 24 строках на 184 странице. В конце страницы начинается текст декларации «независимых» после раскола в социал-демократической партии, продолжающийся на следующей странице. Всю 185 страницу Толстой отчеркнул. Отдельно отчеркнут на той же странице отрывок о сущности буржуазного парламента, а на следующей — о том, что «молодые» германские социал-демократы, отказываясь от парламентской борьбы, в то же время активно способствуют сосредоточению капиталов и гибели крестьянского землевладения. Внимание Толстого к судьбе крестьянства сказалось и в следующей помете — на 187 странице, в словах о Каутском, который критиковал попытку соединить идеи социал-демократов с идеями крестьянского землевладения.

Последняя пометка Толстого в этой книге (на странице 188) относится к оценке знакомой ему книги Б. Кидда «Социальная эволюция».

В приложении к книге Л. Слонимского Толстой мог прочитать письмо К. Маркса об экономическом развитии России. Помет здесь, однако, нет.

Когда же читал Толстой эту книгу? Очевидны, как бы лежат на поверхности, связи этого чтения с писанием «Рабства нашего времени», т. е. с началом 1900 г.

Но с таким же успехом Толстой мог пользоваться тогда и непосредственно I томом «Капитала». Что касается данной книги, то, по-видимому, надо иметь в виду прежде всего дату ее поступления в библиотеку, точнее — дату автографа — 20 апреля 1898 г. У Толстого было обыкновение сразу или в ближайшее время знакомиться с новой литературой, тем более на интересовавшие его темы. В мае — июне 1898 г. в жизни Толстого был ряд обстоятельств, очевидно, отодвинувших несколько это чтение (переезд из Москвы в Ясную Поляну, поездки по тульским и орловским деревням для организации помощи голодающим, болезнь). Дневник в это время велся нерегулярно. Тем не менее вскоре, в июльских заметках в записной книжке, появилось имя Маркса и короткие суждения о его теории. 3 августа, в Пирогове, Толстой переписал эти заметки в более развернутом виде в Дневник, расположив их в виде нескольких пунктов. Записи представляют собой критические замечания Толстого, адресованные тем, кто хотел «уничтожить злоупотребления властью», используя насилие. «Совершенно ясно, что выгоднее все делать сообща, но рассуждения для этого недостаточно»,— отмечает он далее. В 5-м пункте Толстой указывает на «ошибку» марксистов, состоящую, по его мнению, в том, что они считают, будто рост сознания следует из экономических причин, а не из религиозного мироощущения. Неверие Толстого в возможность народного правительства приводит его к заключению: «Главная недодуманность, ошибка теории Марк[са] в предположении о том, что капиталы перейдут из рук частных лиц в руки правительства, а от правительства, представляющего народ, в руки рабочих». Ясно, что эта часть Дневника написана как критика в ответ на воспринятые Толстым положения марксистской теории экономического преобразования жизни, что как раз привлекло внимание Толстого в книге Слонимского. Убедительно выглядит

в этом отношении четвертый пункт здесь же в Дневнике. Обнаруживая все то же глубокое непонимание будущей социалистической организации общества, Толстой говорит: «Если бы даже случилось то, что предсказывает Маркс, то случилось бы только, что деспотизм переместил[ся] бы: то властвовали капиталисты, а то будут властвовать распорядители рабочих».[12] Здесь можно усмотреть прямую связь с книгой Слонимского, именно со словами о таких уполномоченных, с буквальным совпадением понятия и названия «распорядители»; с тем же неверием в то, что эти люди будут «свободны от человеческих слабостей», мы встречаемся на 178 странице разбираемой книги. Данный отрывок отчеркнут Толстым, включая подстрочное примечание, где сообщаются подсчеты Фурье, сделанные в 1822 г., сколько потребовалось бы таких распорядителей. Таким образом, можно считать, что книга Л. Слонимского «Экономическое учение Карла Маркса» читалась Толстым скорее всего в июле 1898 г. и явилась одним из источников разностороннего знакомства писателя с «Капиталом», марксизмом и отчасти социал-демократическим движением.

Это не исключает того, что названная книга снова могла оказаться в руках у Толстого в период создания «Рабства нашего времени», когда он пользовался уже и подлинником «Капитала», цитируя Маркса в одном из вариантов своей статьи.

Сам факт появления «Капитала» в библиотеке Толстого пока не прояснен, можно только повторить предположение исследователя творчества Толстого С. М. Брейтбурга, что книга была получена от редактора-переводчика. Надпись на титульном листе немецкого экземпляра «Любимов» и «1898. 25 сентября», сделанная черными чернилами по прежней, почти стертой, надписи фиолетового цвета, позволяет думать, что переводчик В. Д. Любимов передал Толстому и эту книгу, может быть, по

окончании своей работы, тем более, что сам он, как указано в русском издании «Капитала», использовал для перевода не 3-е, а 4-е немецкое издание. Рассматривать эту надпись как дарственную нельзя, поскольку она тонко зачеркнута чернилами, возможно, самим Любимовым. Книга, сменившая несколько владельцев, была переплетена в России (в подклейке корешка переплета виден русский шрифт). В книге содержатся пометки, наслоившиеся в процессе чтения ее разными лицами. Те, что принадлежат Толстому, были выделены в прежних, указанных выше работах. К этому можно было бы только добавить, что отчеркивание ногтем шести строк в четвертой главе II отдела «Превращение денег в капитал» на странице 143 можно считать толстовским. В отрывке говорится о несоответствии стоимости товара его цене; в вариантах «Рабства нашего времени» начало одной фразы определенно отражает ту же связь: «Рабочий, всегда обманутый, нигде не получающий цены своей работы и своей жизни...»[13] Вполне можно причислить к пометкам Толстого и загнутый нижний уголок на странице 238 с описанием тяжелого труда пекарей, мельников, условий детского и ночного труда.

Введенный Толстым в «Рабство нашего времени», в изложении по Марксу, отрывок об изгнании деревенского населения с земли соответствует тексту на 755 странице, здесь также остался загнутый Толстым нижний уголок. Перед началом VII отдела, куда входит этот отрывок, вложена закладка — открытый, со сгибами вдоль и поперек, конверт без почтовых знаков на имя А. С. Зонова. Эта закладка, на наш взгляд, стоит внимания и сама по себе. Если конверт попал к Толстому с книгой, можно думать, что один из единомышленников Толстого А. С. Зонов как-то участвовал в доставлении ему «Капитала». При этом следует иметь в виду, что одна из встреч Толстого и Зонова произошла в Москве в начале 1899 г.,

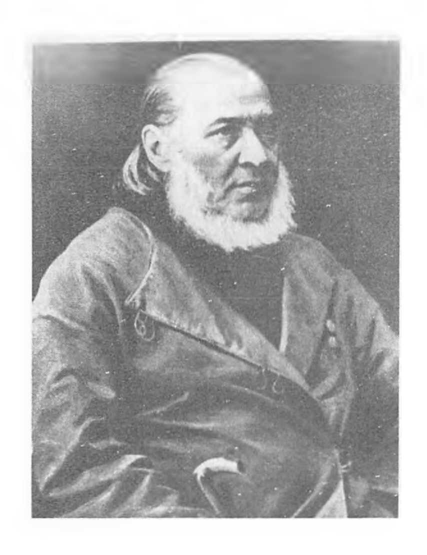
а в начале 1900 г. Зонов был арестован за распространение в гектографированном виде запрещенных произведений Толстого и на некоторое время отдален от него. В таком случае книга могла быть читана Толстым для «Рабства нашего времени» уже в январе 1900 г., в самом начале работы над статьей. Русским переводом «Капитала» Толстой в это время едва ли пользовался, поскольку в книге нет соответствующих этому времени следов чтения.

Хочется предположить, что, уже имея у себя «Капитал», Толстой ввел осенью 1899 г. в пятую редакцию «Воскресения» фразу о том, что Богодуховская, сойдясь с народовольцами, «прочла «Капитал» Маркса и решила, что она должна работать для революции»[14]. Эта деталь в последних рукописях романа была перенесена Толстым в характеристику представителя революционного марксизма из рабочих Кондратьева: «Он теперь изучал первый том Маркса и с великой заботливостью, как большую драгоценность, хранил эту книгу в своем мешке»[15]. Правомерно возвести к тому же источнику фразу о Новодворове, который, вернувшись из-за границы после встреч с главарями революционного движения, привез мысли «о прибавочной стоимости» и «железном законе»[16]...

Можно усмотреть влияние знакомства с «Капиталом», хотя это очень условно, в дневниковой записи Толстого за 18 декабря 1899 г.: «Хорошо бы было хоть приблизительно цифрами, а потом графически выразить то количество труда — рабочих дней, которым пользуются в своей жизни богатые люди. Более или менее приблизительно это выражается деньгами. Если я проживаю 10 р. в день, это значит, что на меня, не переставая, работают 20 человек»[17]. В записной книжке отражена та же зависимость, но исчислять труд Толстой предполагает путем сравнения разных видов труда с «простыми, подлежа-

Л. Н. Толстой. 15 февраля 1856 г. Ясная Поляна. *(Фотография С. Л. Левицкого).*

С. Т. Аксаков. *(Фотография, Москва).*

СЕМЕЙНАЯ

ХРОНИКА

и

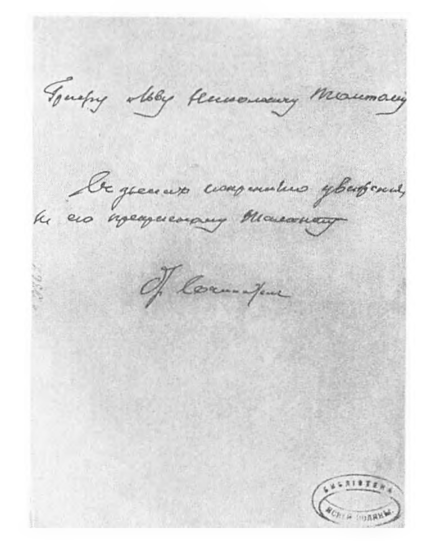
ВОСПОМИНАНІЯ.

С. Аксакова.

МОСКВА.

1856.

Титульный лист книги С. Т. Аксакова «Семейная хроника и воспоминания».

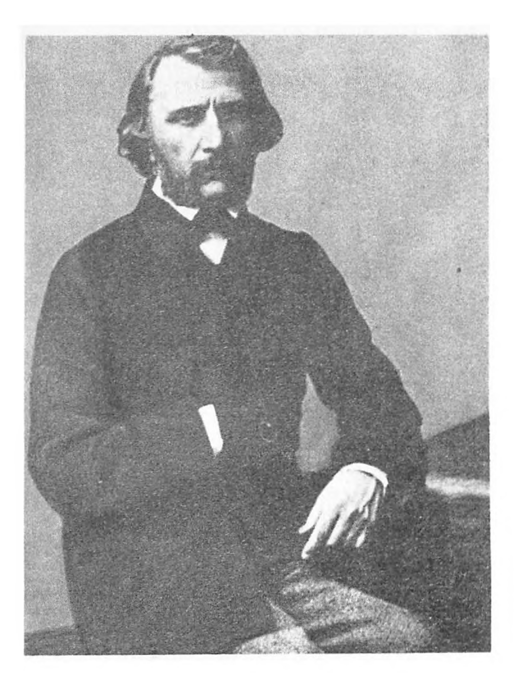

Графу Льву Николаевичу Толстому

В знак искреннего уважения к его прекрасному таланту

С. Аксаков

Дарственная надпись С. Т. Аксакова на обороте обложки «Семейной хроники и воспоминаний».

И. С. Тургенев. *(Фотография, Ясная Поляна).*

М. Н. Толстая. *(Фотография, Москва).*

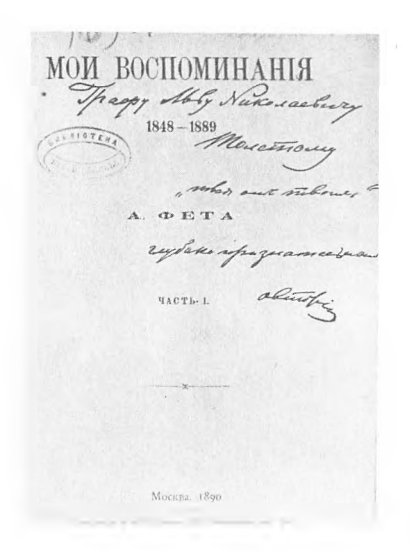
Н. Н. Толстой. *(Фотография, Москва).*

А. А. Фет в военном мундире. *(Фотография, Ясная Поляна).*

Обложка книги А. А. Фета «Мои воспоминания» с автографом.

Обложка книги А. А. Фета «Вечерние огни» с автографом.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Графу Льву Николаевичу

1848–1889

Толстому

„твои от твоих“

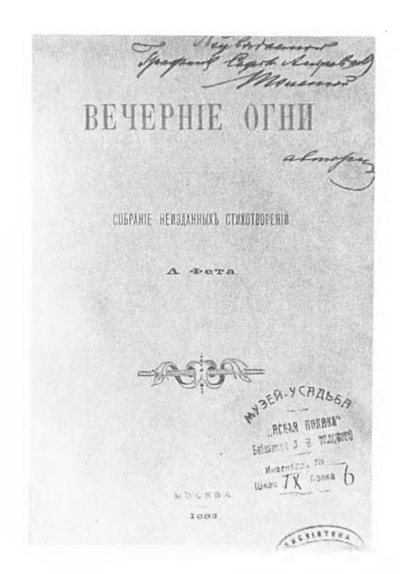
А. ФЕТА

глубоко признательный

ЧАСТЬ I.

автор

Москва. 1890

ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ

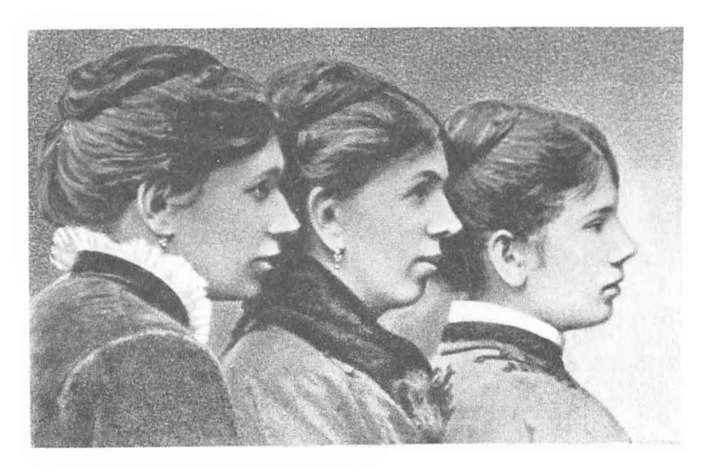
автор

СОБРАНІЕ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. Фета

МОСКВА

1883

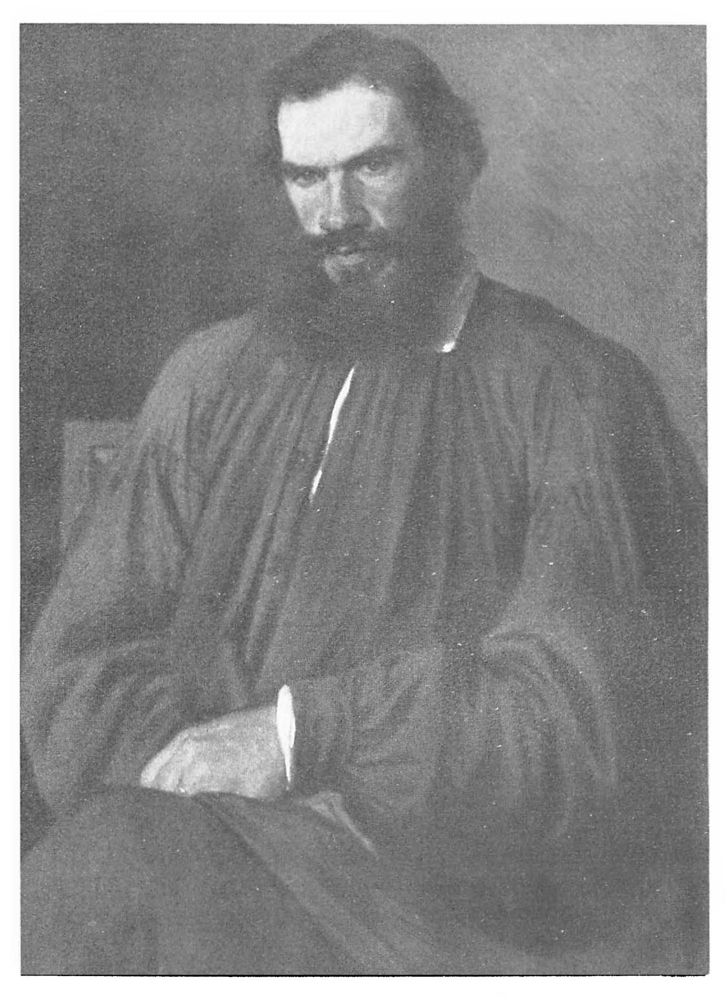
Сестры Берс.

А. А. Фет. *(Фотография)*.

Н. И. Горчаков.

Общий вид кабинета Л. Н. Толстого с диваном в Доме-музее. Ясная Поляна.

Л. Н. Толстой. *(Художник И. Н. Крамской).*

Л. Н. Толстой за работой. *(Художник И. Е. Репин).*

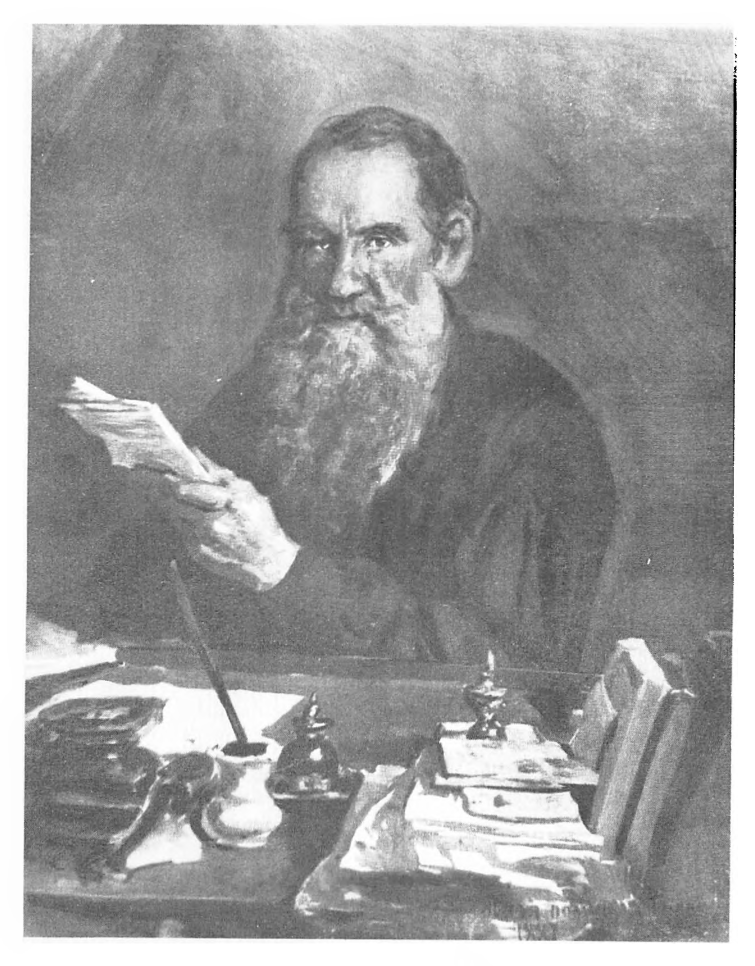
М. Л. Толстая. *(Художник Н. Н. Ге).*

Т. Л. Толстая. *(Художник И. Е. Репин).*

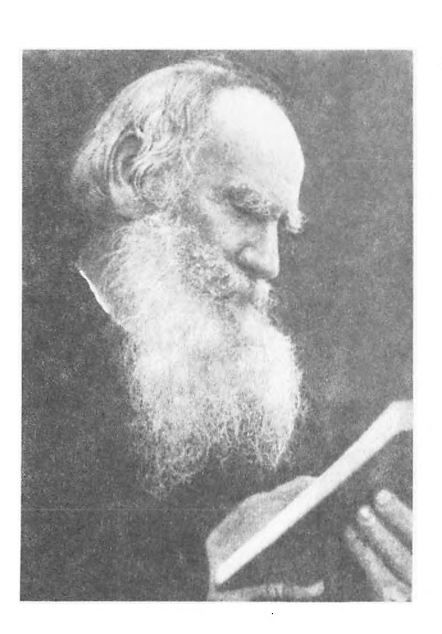

Л. Н. Толстой. *(Скульптура выполнена И. Е. Репиным).*

Л. Н. Толстой за письменным столом. *(Скульптор И. Я. Гинцбург).*

Л. Н. Толстой. *(Художник И. Е. Репин)*.

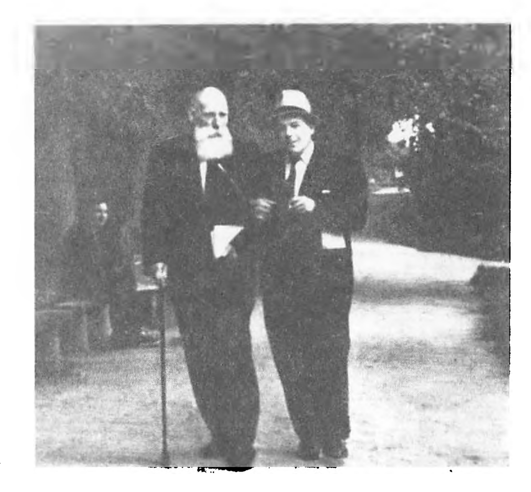

Л. Н. Толстой за чтением *(Фотография Ясная Поляна).*

С. А. Толстая-Есенина. *(Фотография).*

В. И. Толстой и Н. П. Пузин. *(Фотография, Ясная Поляна).*

С. С. Толстой и Н. П. Пузин. 1959 г. *(Фотография, Спасское-Лутовиново).*

Г. А. Лопатин. *(Фотография)*.

Н. И. Тургенев. *(Фотография)*.

Обложка брошюры «Две Европы».

K. L. — Les deux Europes.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Prix: 20 cent., — 15 pf., — 2 d., — 5 cts.

К. Л.

ДВѢ ЕВРОПЫ

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Coulouvreniere, 27.
1901

Обложка книги Н. И. Тургенева «Россия и русские».

LA RUSSIE

ET

LES RUSSES

PAR

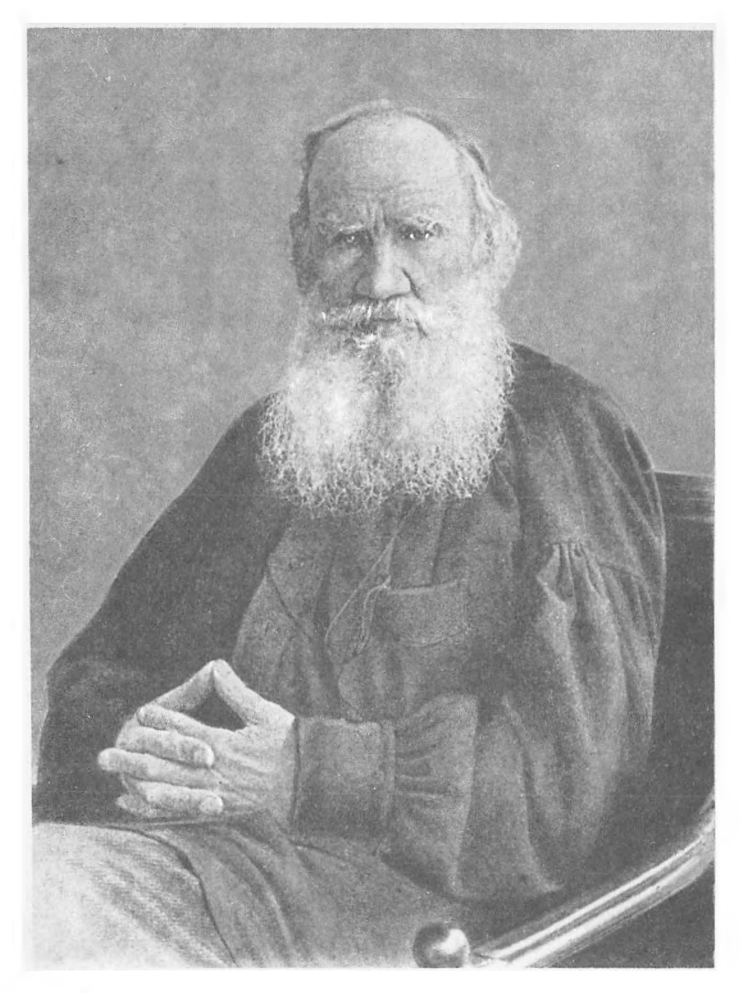
N. TOURGUENEFF.

TOME II.

Tableau moral, politique et social de la Russie.

BRUXELLES
MELINE, CANS ET COMPAGNIE.
LIVOURNE. MÊME MAISON. | LEIPZIG. J. P. MELINE.

1847

Л. Н. Толстой. 1910 г. *(Фотография фирмы «Шерер, Набгольц и К⁰»).*

щими учету трудами, как н[а]п[ример], столярным, стеклянным и т. д.»[18].

3 июля 1900 г. гостивший в Ясной Поляне А. Б. Гольденвейзер записал в дневнике: «Лев Николаевич хотел эпиграфом к своей новой работе «Рабство нашего времени» взять изречение Маркса о том, что с тех пор, как капиталисты стали во главе рабочих классов, европейские государства потеряли всякий стыд»[19]. Толстой, однако, не сделал это изречение эпиграфом, но в главу VIII ввел соответствующий текст из «Капитала», переписав его из немецкого издания, где на странице 786 осталась толстовская пометка, приводимая прежними исследователями этого вопроса. Можно прибавить, что здесь же между страницами 786—787 в книге осталась закладка, тоже, видимо, толстовская. Вслед за выписанной по-немецки цитатой у Толстого идет ее русский текст. В комментарии к дневнику А. Б. Гольденвейзера (М., 1959) В. С. Мишин пишет, что это перевод Толстого. С этим, однако, нельзя согласиться, в чем нас убеждает имеющаяся в яснополянской библиотеке книга Н. Кабардина «О русских нуждах» (Спб., 1900). Видимо, только что получив эту книгу, летом 1900 г. Толстой стал ее читать, продолжая думать о своей статье. В начале книги широко цитируется «Капитал» по второму русскому изданию. На седьмой странице, где, кстати, остался характернейший, загнутый вдвое Толстым уголок листа, он встретил цитату Маркса: «С развитием капиталистического производства в продолжение мануфактурного периода, общественное мнение Европы потеряло остаток всякого чувства стыда и совести... Нации стали цинично хвастаться всякою мерзостью, которая была средством для капиталистического накопления. У капитала из всех пор с головы до пяток сочится кровь и грязь... Если бунт и усобица станут приносить прибыль, то он будет поощрять их. Доказательство — контрабанда и торговля не-

вольниками». Здесь кончается в книге толстовское отчеркивание карандашом на полях. Намереваясь использовать этот текст в своей работе, Толстой его ограничил, отыскал и прибавил немецкий оригинал отрывка и поправил стиль перевода так: «С развитием капиталистического производства во время промышленного периода общественное мнение Европы потеряло последний остаток стыда и совести. Нации стали цинически хвалиться всякою мерзостью, которая была средством для капиталистического накопления». Эти исправления Толстой сделал черными чернилами прямо по тексту книги Кабардина и потом вписал отрывок в один из вариантов статьи[20]. Известно, что в дальнейшем Толстой этот вариант исключил. Но в статье есть другая цитата из «Капитала». Авторы, упомянутые в начале данной работы, А. И. Толстая и П. С. Попов, констатируя этот факт, дают параллельно толстовскому тексту точный перевод по советскому изданию «Капитала» 1949 г. Создается впечатление, что Толстой препарировал текст Маркса. Но это не так. В той же книге Н. Кабардина, на пятой странице Толстым была отчеркнута карандашом именно эта цитата (приводимая по второму русскому изданию «Капитала» со ссылкой на 645 страницу) и в точности перенесена в окончательный текст IV главы «Рабства нашего времени»: «Сельское население сначала насильственно обезземеливали,— говорит К. Маркс,— изгоняли и доводили до бродяжничества, а затем, в силу жестоких законов, его пытали, клеймили каленым железом, наказывали плетьми, с целью подчинить требованиям наемного труда»[21]. Единственное изменение, внесенное Толстым в текст «Капитала»,— добавление слов «говорит К. Маркс».

В книге Кабардина были прочитаны Толстым выдержки из «Капитала», содержащие более подробное освещение процесса поглощения земледелия частным при-

своением земли. Внимание Толстого было привлечено материалом о положении крестьянства в изложении по III тому «Капитала» с цитатами Маркса и Энгельса о прямой зависимости нищеты народных масс от роста накоплений и постоянного возрастания капитала. Разрезаны также несколько страниц раздела, где автор касается вопроса перенесения теории Маркса на русскую почву, вопросов развития капитализма в России.

Поддерживая мысль Кабардина (страница 3 в его книге) о том, что описанное Марксом «развитие Англии не приложимо к другим странам», Толстой, закрывая глаза на объективный ход истории, упрекает в «Рабстве нашего времени» представителей политэкономической науки в том, что «за образец общего порядка было принято не положение людей всего мира за все историческое время, а положение людей в маленькой, находящейся в самом исключительном положении Англии...»[22] Это замечание, конечно, прежде всего было обращено к «Капиталу». Очень может быть, что страницы «Капитала», посвященные английским рабочим, побудили Толстого обратиться в письме от 27 января 1900 г. к его английскому биографу Эйльмеру Мооду с просьбой поскорее прислать книжку Allen'a Clark'a «The Effects of the Factory System» «и еще новейшие книги или статьи об этом предмете, т. е. о положении рабочих теперь»[23]. Наряду с несколькими английскими изданиями на эту тему, с 1900 г. в толстовском доме находится «Летопись труда» Моррисона-Давидсона. Эта книга дала Толстому эпиграф к «Рабству нашего времени» — цитату из Р. Оуэна. Косвенным источником статьи Толстого можно считать посвященную вопросам жизни капиталистической Англии книгу Дж. Гобсона «Проблемы бедности и безработицы», имеющуюся в библиотеке в русском переводе 1900 г., с пометами Толстого.

Книга Аллена Кларка сохранилась в Ясной Поляне

в издании 1899 г. наряду с другими его работами. В 1904 г. она вышла на русском языке в издании «Посредника» под названием «Фабричная жизнь в Англии». Здесь сказано, что автор, простой рабочий, «по частям разбирает весь вопрос, как бы составляя обвинительный акт против английской фабричной промышленности». Кларк несколько раз с совпадением мыслей, а иногда с уточнениями, обращается к книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844). Так в 1900 г. могло состояться первое знакомство Толстого с одной из работ Энгельса.

Марксистская подоснова многих положений статьи Толстого, очевидно, содействовала неприятию статьи русской цензурой. Издатель «Северного курьера» В. В. Барятинский, у которого предполагалось печатать статью «Рабство нашего времени», писал Толстому 13 апреля 1900 г., что министр внутренних дел Д. С. Сипягин и начальник главного управления по делам печати Н. В. Шаховской «предупреждают, что появление ее на столбцах «Северного курьера» неминуемо повлечет за собой третье предостережение, иначе говоря смерть газеты. Что они нашли в ней такого ужасного,— писал Барятинский,— такого «колеблющего основы», это их тайна...»[24] Статья Толстого впервые вышла в Англии.

Совпадение в биографии Толстого периода написания острейших публицистических произведений 80—90-х годов, когда с такой резкостью и беспощадностью ставились им вопросы об источниках народных бедствий, о лишении земли крестьян, о капиталистической эксплуатации, с периодом большого и пытливого внимания к марксизму — закономерно. Пусть «никто не был так далек от понимания современного рабочего движения, от его идейного содержания, как Толстой,— так писала в статье «Лев Толстой» в 1910 г. Р. Люксембург, близко подошедшая в оценке Толстого ко взглядам В. И. Ленина.— ...Это был

всегда и везде вечно ищущий социальный исследователь, с великим характером, с сердцем, до остатка преданным трудящемуся народу, всем эксплуатируемым и угнетенным»[25].

Опубл.: Яснополянский сборник, Тула, Приок. кн. изд-во, 1970, с. 164—178.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2, с. 252.

[2—15] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 51, с. 105. Там же, т. 53, с. 34. Там же, с. 93. Там же, с. 121. Там же, с. 85. Там же, т. 52, с. 9. Там же, т. 34, с. 511. Там же, т. 54, с. 9. Там же, т. 67, с. 24. Там же, т. 69, с. 174. Там же, т. 53, с. 206. Там же, т. 34, с. 502. Там же, т. 33, с. 220. Там же, т. 32, с. 395.

[16] Цит. по кн.: Жданов В. А. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, с. 409.

[17] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 53, с. 234.

[18] Там же, с. 377.

[19] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 66.

[20] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 34, с. 496.

[21] Там же, с. 157—158.

[22] Там же, с. 153.

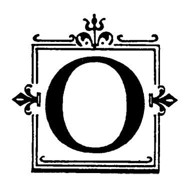
[23] Там же, т. 72, с. 290.

[24] Там же, с. 349.

[25] О Толстом. Литературно-критический сборник под ред. Фриче. М.— Л., 1928, с. 126, 124.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И Г. А. ЛОПАТИН

I

бразы русских революционеров 70—80-х годов не раз находили воплощение на страницах произведений Толстого. Расходясь во взглядах с народниками и народовольцами, писатель не мог, однако, не отметить их горячую убежденность, их самоотверженность, смелость и готовность переносить любые испытания во имя народного дела. Характерны в этом отношении образы революционеров в романе «Воскресение». Интерес к этим людям не ослабевает у Толстого до конца жизни.

В ряду лиц, так или иначе связанных с Толстым, можно назвать ссыльнопоселенца в Нерчинске М. М. Чернавского, которому в 1888 г. писатель адресовал свое «Письмо к революционеру»; в 1898 г., отвечая на письмо Н. Е. Федосеева, писавшего ему о притеснении духоборов, находившихся в Верхоленской ссылке, Толстой спрашивал: «Кто вы? За что сосланы?». В 1887 г. и 1890 г. Толстой хлопотал в Петербурге о разрешении доктору А. М. Богомольцу на поездку к его жене на каторгу. Он знал о судьбе погибшей на каторге революционерки Н. А. Армфельд. Толстого интересовала личность революционерки М. Ветровой. Он с пристальным вниманием читал

в 1900 г. письма Акимовой-Вольфсон, участвовавшей в 1895 г. в подготовке покушения на царя. Многие годы писатель был знаком со старым народником Л. П. Никифоровым, который был женат на сестре Веры Засулич. В 1892 г. Толстой работал «на голоде» с В. Величкиной, арестованной в 1894 г. и проходившей по процессу народнической организации «Народное право». С 1895 г. Толстой был знаком с К. П. Злинченко, членом киевского кружка народовольцев, ставшего впоследствии большевиком; тогда же он встречался с юным Горюшиным, членом нелегального социал-демократического кружка, затем — «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Простой перечень этих имен, в сочетании с бывшей в распоряжении Толстого литературой о тогдашних революционерах, например, статьями в русской периодике, позволяет предполагать обширную и достаточно глубокую осведомленность писателя в вопросах общественного движения конца XIX века.

II

До 1961 г. у нас не было сведений о знакомстве Толстого и русского революционера Германа Лопатина. В 1961 г., с выходом 69 тома «Литературного наследства», где были опубликованы записи зятя Л. Н. Толстого М. С. Сухотина «Толстой в последнее десятилетие жизни», появились основания предполагать, что Толстой виделся с Лопатиным. Однако и здесь комментатор пишет о Г. А. Лопатине следующее: «Когда и где произошла его встреча с Толстым — неизвестно».

Всего один раз Толстой написал фамилию Лопатина своей рукой. 25 ноября 1888 г., как отмечено в его Дневнике, он «пошел ходить... Встретил Стороженко» (профессора Московского университета по кафедре истории литературы.— *Т. А.)*. Когда у них зашла речь о пессимиз-

ме и религии, Толстой «разгорячился и доказывал ему, что он (Стороженко.— *Т. А.)* фарисей и дармоед». Стороженко в ответ неожиданно «заговорил о Лопатине Герм[ане], революционере, и рассказал о нем. Я, мол, вот что»[1].

Возможно, что Стороженко был знаком с Г. А. Лопатиным, виделся с ним и рассказал о нем Толстому.

Сама форма дневниковой записи «О Лопатине Германе, революционере» объясняется тем, что Толстой отличает этого Лопатина от своих знакомых Лопатиных (их фамилии Толстой обычно пишет через «а»: Лапатины).

Довольно спокойная и сделанная как бы между прочим запись эта говорит скорее в пользу того, что имя Лопатина-революционера Толстому было в то время уже известно.

Эта запись Дневника толстоведами никак не комментируется.

29 ноября 1901 г. в Крыму Толстой беседовал с посетившим его А. М. Горьким. Сухотин пишет об этой беседе: «Л. Н. рассказывал об известном революционере Германе Лопатине. Теперь он сидит в Шлиссельбурге. Раньше его сажали и выпускали. Он рассказывал Л. Н., как он приспособил свое воображение к тому, чтобы выносить одиночное заключение»[2]. Остановимся пока на этой части записи Сухотина.

В 1888 г. и как раз в тот самый день, когда Толстой слышал о Лопатине от Стороженко, а сам Лопатин уже четыре года провел в заключении, находясь в Шлиссельбурге, Толстой читал статьи путешествовавшего по России американского писателя Дж. Кеннана о политических заключенных в Петропавловской крепости и сибирских ссылках. Несколько позднее он написал автору: «Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов... Об ужасах, совершаемых над политическими,

и говорить нечего. Мы ничего здесь не знаем. Знаем только, что тысячи людей подвергаются страшным мучениям одиночного заключения, каторге, смерти и что все это скрыто от всех, кроме участников в этих жестокостях»[3].

Интерес к участи заключенных, их состоянию побудил Толстого еще в 1878 г. посетить Петропавловскую крепость. Поэтому, независимо от того, встречался ли писатель когда-либо с самим Лопатиным, интерес Толстого к психологии заключенного в одиночке Лопатина вполне естественен.

Он разовьет эту тему в повести «Божеское и человеческое» (1904—1905 гг.).

Комментируя дневник М. С. Сухотина, литературовед Л. Н. Кузина пишет, что рассказ Лопатина о себе, об одиночном заключении «в свою очередь дает материал для творческой истории повести Толстого «Божеское и человеческое» (см. главу из этой повести — Меженецкий в тюрьме, в одиночной камере)»[4].

Рассмотрим этот момент подробнее, обратившись к дальнейшей записи Сухотина и к тексту повести.

Толстой рассказывал Горькому, что Лопатин в одиночке «мысленно переносил себя, куда ему вздумается. Например, он идет по такой-то улице, смотрит на магазины, на людей, входит в такой-то дом, поднимается по лестнице, входит к приятелю, говорит то-то, ему отвечают и т. д. и т. д.»[5]. У Толстого заключенный в камере Петропавловской крепости Меженецкий, испытывавший припадки галлюцинаций, «взял себя в руки и начал совсем другую жизнь». «...В воображении он шел по Петербургу, с Невского на Надеждинскую, стараясь представить себе все то, что могло встретиться ему на этом переходе: вывески, дома, городовые, встречающиеся экипажи и пешеходы. В Надеждинской он входил в дом своего знакомого и сотрудника, и там они, вместе с пришедши-

ми товарищами, обсуживали предстоящее предприятие. Шли прения, споры. Меженецкий говорил и за себя, и за других...»[6]

В этом отрывке нет ничего, противоречащего рассказу Лопатина. Более того, можно отметить другие любопытные параллели в той же повести. В спокойных, благоразумных рассуждениях Меженецкого: «Вечно держать меня здесь они не могут и не станут... надо беречь жизнь, чтобы выйти сильным, здоровым и быть в состоянии продолжать работу»,— проявляется свойство, присущее и Лопатину. Еще о совсем молодом Лопатине, но уже проведшем два года в заключении и восемь месяцев в крепости на Кавказе, К. Маркс писал Ф. Энгельсу 5 июля 1870 г.: у него «веселый характер, терпелив и вынослив, как русский крестьянин, который довольствуется тем, что имеет»[7]. В иносказательном отрывке письма Ф. Энгельса к русскому экономисту, переводчику «Капитала» Н. Даниельсону от 4 июля 1889 г., где под «болезнью» имеется в виду заточение Лопатина в Шлиссельбургской крепости, выражена надежда на исключительную силу духа Лопатина: «Человек с таким несокрушимым организмом, без сомнения, справится с болезнью, и мы можем надеяться в один прекрасный день снова увидеть его здесь полным сил и здоровья»[8]. Меженецкий у Толстого по окончании срока одиночного заключения «был вполне свеж, здоров и в полном обладании своих душевных сил»[9].

Надо думать, не случайно у Толстого и «занятия» Меженецкого в камере: он занимался по памяти «историей, математикой и иногда, по воскресеньям, литературой». «Занятие математикой состояло в том, что он делал наизусть выкладки и геометрические задачи. (Он особенно любил это занятие)»[10]. Вспомним, что Лопатин учился в университете на естественном отделении математического факультета. Правдоподобно и дальнейшее

сопоставление: «Занятие историей,— читаем у Толстого,— состояло в том, что он, избрав какую-нибудь эпоху и народ, вспоминал факты и хронологию... По воскресеньям он вспоминал Пушкина, Гоголя, Шекспира и сам сочинял». Г. А. Лопатин рассказывал о своих беседах с Марксом, как раз об истории и литературе: «Самые разнообразные темы входили сюда: и мировая литература, которую Маркс не по-дилетантски, а серьезно изучал на всех «двунадесяти» языках, которыми владел в совершенстве, и история...»[11]

Известно также, что Лопатин писал стихи. Написанные в Шлиссельбургской крепости, они вошли в сборник о жизни и борьбе народников — «Под сводами» (1909). Толстого очень интересовали тогда революционеры-шлиссельбургцы. Один из них, Н. А. Морозов, прислал Толстому этот сборник с надписью: «Глубокоуважаемому и дорогому учителю Льву Николаевичу Толстому от преданного ему всем сердцем составителя этой книги и от тех, кто был вместе с ним под этими сводами. Н. Морозов, 14 мая 1909 г.».

У Толстого о Меженецком далее читаем: «Перед сном он еще делал маленькую экскурсию, в воображении ведя с товарищами — мужчинами и женщинами шуточные, веселые, иногда серьезные разговоры, иногда бывшие прежде, иногда вновь выдумываемые». Последняя черта также напоминает Лопатина, общего любимца в дружеском кругу: «Он имел всюду друзей и приятелей. Его рассказы, полные блеска и юмора, чаровали слушателей»,— читаем в биографии Лопатина, составленной П. Л. Лавровым[12].

В рассказе Толстого Меженецкий мысленно иногда «ехал на юг и подговаривал народ, начинал бунт и вместе с народом прогонял помещиков, раздавал землю крестьянам». Действительно, юг России и Украины, где было сильно развито движение народничества, не раз привлекал Лопатина, ездившего туда в 70-е годы; можно

вспомнить, например, его интерес к Чигиринскому бунту[13]. Мысли Меженецкого: «в воображении его революционная партия везде торжествовала, правительственная власть слабела и была вынуждена созвать собор» — близки были в жизни Лопатину. В одной из последних редакций повести Меженецкий изображен как глава кружка: «человек, как его считали все, непоколебимой силы воли, непобедимой логичности и весь преданный делу революции»[14].

На этом, однако, параллель образа Меженецкого и личности Германа Лопатина можно считать исчерпанной. В образе Меженецкого можно при желании отметить ряд свойств и действий, вплоть до его трагического самоубийства в камере, не совпадающих с личностью и жизнью Лопатина. Например, в ранних рукописях повести революционер, позже названный Меженецким, участвовал в неудачном покушении на императора, затем замышлял покушения на правящих лиц, вплоть до взрыва царского поезда. Революционная деятельность его протекала то в Петербурге, то в Киеве. В мечтах своих в камере он представляет себя сбрасывающим взрывчатые бомбы на «дворцы, сенаты, государственные советы». В окончательном тексте сказано, что Меженецкий и его друзья убили губернатора Кропоткина, Мезенцева и самого Александра II. Толстой не мог отождествлять образ народника 70-х годов Меженецкого с Лопатиным, бывавшим тогда в России лишь временами и не участвовавшим тогда непосредственно в выступлениях народовольцев.

III

Эпизод казни, развитый Толстым в «Божеском и человеческом», входил прежде, в виде замысла рассказа о казни революционера. в четвертую редакцию романа

«Воскресение». Исследователи (Н. К. Гудзий, Е. С. Серебровская) считают, что Меженецкому соответствовал там Набатов. Можно, однако, указать еще одного «предшественника» Меженецкого в романе — политического заключенного Неверова, который, не выдержав заключения, повесился.

Как и Меженецкий, он отбывает заключение в Петропавловской крепости. Как и Меженецкого, его мучили видения, галлюцинации.

Обратим внимание на то, что день Меженецкого строго распределен во времени — ложиться в 9, в 5 вставать, занятия (в воображении) — определенные до и после обеда.

«Так он жил год, два, три, иногда отступая от этого строгого порядка жизни, но большей частью возвращаясь к нему. Управляя своим воображением, он освободился от непроизвольных галлюцинаций». Это шло от Лопатина. Толстой рассказывал Горькому о Лопатине: «Время проходит незаметно; и при этом он управляет воображением, а не воображение им, что бывает со многими заключенными, доходящими до галлюцинаций». Это психологически интересное для Толстого наблюдение над состоянием сильного духом узника-одиночки и почти в том же словесном выражении мы найдем в романе «Воскресение». По поводу самоубийства Неверова Новодворов говорит: «Да, поэт, фантазер, такие люди не выдерживают одиночки... Я вот, когда попадал в одиночку, не позволял воображению работать, а самым систематическим образом распределял свое время. От этого всегда и переносил хорошо»[15].

В то время, когда Толстой писал эти строки, Герман Лопатин, арестованный в 1884 г., давно уже сидел в крепости. Он писал тогда брату, на 13-м году страшного одиночного заключения, что здесь, в условиях, когда он фактически заживо погребен, ему остается только «переделы-

вать в воображении на разные фасоны давно минувшее и пережитое»[16].

В связи с некоторым совпадением образа Меженецкого с образом Новодворова, в романе «Воскресение», можно поставить вопрос: случаен ли сам этот факт, использованный писателем за пять лет до развития его в «Божеском и человеческом» и за два года до беседы с Горьким? Нет ли в «Воскресении», среди «политических», образа, основой для которого хотя бы в какой-то мере послужил Герман Лопатин? В работах исследователей Н. К. Гудзия, Е. С. Серебровской, В. А. Жданова, занимавшихся историей создания романа, об этом не сказано ничего. Но постановка этого вопроса вполне возможна.

IV

В четвертой редакции «Воскресения» в числе первых появившихся в романе «политических преступников» были только народники. Впоследствии вводятся народовольцы. В черновиках романа читаем слова, совершенно определенно датирующие время действия этих лиц: «Они употребляли наименования: народовольцы, черный передел, учредительный комитет, дезорганизационная группа, секция и подсекция такая-то». Перед нами деятели самого начала 80-х годов, схваченные правительством по делу убийства царя 1 марта 1881 г. или несколькими годами позже, как мы увидим дальше.

С начала до конца, несмотря на верность своему тезису о непротивлении злу насилием и осуждение методов революционной борьбы, писатель будет говорить об этих людях с явным сочувствием, а иногда и с восхищением их самоотверженностью. Это отношение автора объединяет разные, более или менее близкие Толстому образы. Все вместе противопоставленные произволу правительства, они

выступают в романе представителями лучших людей России и сравниваются здесь с декабристами и Герценом. Узнав о гибели Неверова, Крыльцов в романе говорит о правительстве: «Они знают свое дело, им совершенно все равно, погибнут, не погибнут десятки — сотни людей, да каких людей! Напротив, им именно нужно, чтобы погибли лучшие»[17].

В процессе работы Толстого над корректурами «Воскресения» В. Г. Чертков в письме от 24 февраля 1899 г. выразил опасение, как бы «так симпатично» описанное революционное движение не затмило бы в сознании читателя толстовской проповеди «христианского жизнепонимания». Чертков настойчиво советовал «показать и обратные стороны медали», «ошибочность и ложность» теории революционеров. Исследователями выявлены вписанные в текст романа детали, слова, авторские характеристики, намеренно снижавшие высокий пафос образов революционеров. И все-таки художник-реалист искал компромиссное решение, работая над окончательным текстом романа.

«Поддаваясь обаянию личной самоотверженности революционеров,— отмечает исследователь творчества Толстого В. А. Жданов,— Толстой не мог понять и принять теоретические предпосылки их деятельности»[18].

Так, отказавшись от объяснения поступков революционеров мотивами мести и «энергией злобы» в отношении к правительству, заменив их в романе мотивами блага народа, Толстой не принимает Новодворова за его якобы презрительное отношение к народу.

В пятой редакции романа, где Новодворов характеризовался Толстым в целом более положительно, хотя менее конкретно, писатель как бы одобряет его, когда Новодворов «разгорячился и говорил очень хорошо, доказывая, что власть одна у народа, и он один может распорядиться»[19]. Однако Толстому был более симпатичен народ-

ник Набатов, участник «хождения в народ», который истинно по-толстовски говорит Новодворову: «...обижен народ. Надо, чтобы не обижали его. В этом все наше дело»[20]. «Странное представление о задачах революции»,— говорит в ответ Новодворов, возражая Набатову, а тем самым и Толстому.

«В «Воскресении»... нет, кажется, ни одной мелкой бытовой подробности, которая не основывалась бы на реальных фактах,— писал изучавший историю создания романа В. А. Жданов.— ...Особенную заботу Толстой проявлял о правильном изображении общественной жизни и лиц, в ней участвующих, будь то сход крестьян, тюрьма и крепость... каторга»[21].

Образу Новодворова у Толстого «повезло»: он сложился в общем сразу и определенно, может быть, в силу его исключительности. Это был, по словам писателя, «знаменитый революционер», самый «видный» в группе политических; «он имел большой успех в революционных кругах». Новодворов — «руководитель партии» народовольцев. Но какой «Народной воли», какого периода?

В вариантах пятой редакции романа, где образ Новодворова еще не был развит, он предстает перед нами одним из тех, кто мечтал «составить народную партию». Он и его соратники еще «признавали убийство шефов жандармов, царей, генералов, губернаторов необходимым и законным»[22].

В дальнейшем положение проясняется. Толстой находит нужным приводить большие высказывания Новодворова: «Я думаю... что если мы хотим делать свое дело, то первое для этого условие... то, чтобы не фантазировать, а смотреть на вещи, как они есть. Делать все для масс народа, а не ждать ничего от них; массы составляют объект нашей деятельности, но не могут быть нашими сотрудниками до тех пор, пока они инертны, как теперь,— начал он, как будто читал лекцию.— И потому

совершенно иллюзорно ожидать от них помощи до тех пор, пока не произошел процесс развития, тот процесс развития, к которому мы приготавливаем их»[23].

В вариантах «Воскресения» Толстой ввел в суждения Новодворова резкую фразу, снятую потом в окончательном тексте романа. Она, видимо, не случайна: «Массы всегда грубы и неразвиты, и не могут понимать мотивы нашей деятельности»,— говорит Новодворов. Напомним, что роль интеллигенции в понимании Германа Лопатина состояла «в привитии сознания к грубой силе народа и в борьбе с малопонятным ему центральным оплотом всех зол»[24]. Стоя на позиции народнической субъективно-идеалистической социологии, Лопатин недооценивал роль пролетариата и преувеличивал значение интеллигенции в будущей революции.

С Новодворовым спорит Крыльцов, один из вожаков народовольцев, «глава дезорганизационной группы, имевшей целью терроризировать правительство так, чтобы оно само отказалось от власти и призвало народ». Резкой противоположности во взглядах Новодворова и Крыльцова нет.— «Мы спорим, что лучше... прежде образовать народ, а потом изменить формы жизни, или прежде изменить формы жизни, и потом — как бороться: мирной пропагандой, террором?» — говорит Крыльцов[25]. В этой фразе Толстой как бы пытается разделить позиции старых и молодых народовольцев. Крыльцов по своим взглядам, может быть, представляет в романе реальную молодую партию «Народной воли», во главе которой стоял П. Ф. Якубович[26]. Новодворов в оценке методов борьбы выступает как руководитель старых народовольцев. Его позиция соответствует лопатинской критике терроризма молодых народовольцев.

Лопатин писал, например, в 1871 г.: «везде, где партия действия шла к перевороту путем заговора, она терпела целый ряд неудач до тех пор, пока революционные идеи

не пробивались мало-помалу в массы»[27]. Известно, что Лопатин, однако, допускал применение террора в целях принуждения правительства к созыву собора. В «Воскресении» у Толстого есть об этом: деятельность Новодворова «состояла в подготовлении к восстанию, в котором он должен был захватить власть и созвать собор».

В передовой статье № 10 «Народной воли» Г. А. Лопатин, например, выражал веру в то, что при захвате власти народ «поддержит всей дикой мощью непобедимой стихийной силы истинных представителей и заступников его интересов в недрах будущего земского собора»[28].

В письме к революционерке-народнице М. Н. Ошаниной-Полонской Лопатин касается программы установки «Народной воли» на то, чтобы захват власти использовать для осуществления «социалистического идеала... с помощью составленного из наших товарищей правительства»[29].

Толстой о Новодворове говорит: «На соборе же должна была быть предложена составленная им программа. И он был вполне уверен, что программа эта исчерпывала все вопросы, и нельзя было не исполнить ее»[30]. (Весь этот отрывок при печатании романа в 1900 г. был исключен цензурой).

Интересно проследить, как Толстой излагает биографию Новодворова. Соответственно будут приведены отрывки из первой биографии Г. А. Лопатина, составленной близко знавшим его П. Л. Лавровым в 1888 г.[31] Обстоятельная характеристика Новодворова впервые дана в шестой (последней) редакции романа, написанной в 1899 г. В этот период работы Толстого над корректурами «Воскресения» третья часть, где действуют политические, претерпела очень большие изменения; вместо прежних шести глав материал занял 28 глав.

Рассказав о политических заключенных-женщинах, Толстой пишет, что «из мужчин же самым важным ли-

цом считался магистр естественных наук, смелый революционер... Новодворов». Далее сказано, что он «признавал истинным только дарвинизм и законы материального мира». Еще в самых первых набросках образа Новодворов был «естественник и философ». Новодворов «считался всеми теми, кто его знал, чрезвычайно умным человеком. И он действительно должен был быть признан человеком огромного ума, если под умом разуметь количество усвоенных чужих мыслей». (Толстой, стремясь намеренно снизить образ Новодворова, не находит в нем «самобытного ума».)

Далее о Новодворове у Толстого:

«С самых первых шагов жизни Новодворов, еще будучи Степашей, имел огромный успех и представлялся и родителям и учителям в гимназии чудом ума»... «Он знал все, что было написано по избранному им предмету... Оставление при университете и обещание кафедры удовлетворило его ненадолго... В диссертации он рискнул высказать не чужие, а свои мысли о пангенезисе. Диссертация его, напечатанная в журнале, была осмеяна. И в это время поднялась студенческая история». (Эта деталь о студенческой истории затем у Толстого отпала.)

У Лаврова читаем о Лопатине: «...учился в гимназии, получил золотую медаль, в 1862 г. поступил в Петербургский университет на естественное отделение математического факультета. Уже в университете при тех «историях», которые неизбежно повторяются в каждом университетском поколении, он являлся естественным руководителем. ...В 1866 г. он кончил курс со степенью кандидата, написав диссертацию о самопроизвольном зарождении, вопросе, в то время еще мало разработанном. Предмет был разобран так полно и защита диссертации была такая блестящая, что, несмотря на теоретическое разногласие молодого защитника самопроизвольного зарож-

дения со всеми его оппонентами, ему предложено было остаться при университете. Но роль кабинетного ученого не была привлекательна для его живой натуры. Он отказался».

Если отвлечься от некоторых оттенков в освещении одних и тех же фактов в романе — совпадение, как видим, полное.

Далее Толстой пишет, что Новодворов «поехал за границу и после свидания с главарями революционного движения вдруг переменил свои взгляды и вернулся революционером и скоро занял удовлетворявшее его самолюбие положение руководителя партии». В окончательном тексте сказано: «из постепеновца-либерала сделался красным, народовольцем».

Сжав здесь в одной фразе тринадцатилетний период жизни Лопатина, видимо, не важный для автора, Толстой имеет в виду, однако, самое основное: сближение его с Марксом, вступление в 1883 г. в партию «Народная воля» и возврат на родину одним из лидеров революционной интеллигенции.

Усвоив «данные положительной экономической науки», Новодворов «высказывал их, как он умел, с большой убедительностью». Теперь это были «мысли о прибавочной стоимости и железном законе». (Чтобы развенчать героя, Толстой отмечает: «Прежде это были мысли о ножках каракатицы и пангенезисе».)

Параллель Новодворова и Лопатина просматривается и далее. «Он очень многое знал благодаря своей огромной памяти и потому привык окончательно решать всякие научные вопросы... Тогда уже его мнение было непоколебимо». Новодворов «был человек большого образования, ясного ума, твердой логики»,— без всякой иронии пишет Толстой в одном из вариантов романа[32].

Маркс после первой же беседы с Лопатиным писал о нем Энгельсу: «Очень ясная, **критическая** голова...»[33]

«Его теоретические рассуждения были всегда оригинальны и богаты фактическою подкладкою». «Его начитанность была поразительна для молодого человека в 25 лет»,— писал о Лопатине Лавров.

V

В толстовских образах революционеров есть очень устойчивая, раздражающая автора черта — это «самомнение», «самоуверенность», не раз подчеркнутые в Новодворове. Арестованный, ссыльный, он сознавал себя «опасным врагом правительства» и «все старался бежать».— Это тоже деталь из биографии Лопатина, напомним, что в феврале 1883 г. Лопатин бежал из Вологодской ссылки. Толстой мог об этом знать так же, как и то, что в Вологодскую губернию Лопатин ездил в 1870 г. с целью организации побега из ссылки П. Л. Лаврова[34]. Оба они и в ссылке не оставляли революционной пропаганды. Именно в Вологодской губернии, в ссылке, познакомился с Новодворовым «опропагандированный» им потом революционер Кондратьев.

Новодворов, пишет Толстой, «постоянно выражал веру в важность революционного дела, надежду на то, как то, что сделано им, принесет плоды, как он вновь вернется и как станет теперь действовать, составлял руководство для оставшихся о том, как они должны вестись, давая чувствовать свое значение в этом деле»[35]. «Раз избрав направление, он уже никогда не сомневался и не колебался и потому был уверен, что никогда не ошибался»[36].

Впрочем, «самомнению» революционеров Толстой сам же находит объяснение. Они знали и были уверены в том. «что они люди очень опасные и важные, в чем и подтверждало их то, что их беспрестанно схватывали и сажали... в крепость и держали там месяцами в стро-

гом одиночестве»[37]. В окончательном тексте романа «самоуверенность» революционеров объяснена Нехлюдовым так: когда он ближе узнал, сколько они «безвинно перестрадали», он понял, что они не могут быть иными.

Кстати, самоуверенность — это и черта характера Г. А. Лопатина. П. Л. Лавров об этом рассказывает: «Правда, что он сознавал силу и размер своих способностей и полагался, иногда чрезмерно, на свои физические силы[38], на свой изворотливый ум, на свое знание людей и уменье обращаться с ними. Он был до крайности самоуверен и не раз поплатился за это. Но всякий человек имеет неизбежно и те недостатки, которые обуславливаются как раз самими его достоинствами».

Толстой не раз отмечает в романе смелость и решительность Новодворова, его огромную энергию и надежду на успех. Когда Крыльцов (в одном из вариантов романа) говорит: «Как мы все устали», Новодворов в ответ крикнул по-французски: «Говорите за себя!» Почему именно по-французски? Случайно ли это?

Уместно привести опять-таки из беседы Толстого с Горьким в 1901 г. (в записи Сухотина) эпизод из жизни Лопатина: «Лопатин обладал большим хладнокровием,— рассказывал Толстой.— Раз ему нужно было уехать из России. Он имел паспорт французского подданного. За ним следили. На границе жандармский офицер заподозрил, что это Лопатин, и арестовал его. Лопатин притворился ни слова по-русски не понимающим и все время протестовал на чистейшем французском языке. Офицер сказал, что по телеграфу где-то наведет справки о нем. Через несколько часов офицер влетел в комнату, куда был посажен Лопатин, и радостно закричал ему по-русски: «Вы свободны!» «Vous dites?» — спокойно спросил Лопатин. Ну тогда офицер вполне убедился, что это не Лопатин, угостил его ужином и вином и усадил на ближайший поезд. Переехав границу, Лопатин послал офи-

церу телеграмму с благодарностью за угощение и подписался — Лопатин»[39].

Даты этого события в рассказе Толстого нет. По аналогии хочется напомнить здесь слова Ф. Энгельса из его письма к П. Л. Лаврову от 2 апреля 1883 г. о только что вернувшемся Лопатине: «Мы все были радостно удивлёны известием о том, что наш смелый, до безумия смелый Лопатин снова благополучно вернулся на волю. Будем надеяться, что, сохранив смелость, он оставил безумие в России. Надеюсь увидеть его здесь на днях»[40].

Толстой сообщает о Новодворове и некоторые его внешние данные. Это — «курчавый рыжеватый человек в очках»; здороваясь с Нехлюдовым, он «блеснул через очки своими голубыми глазами» и «нахмурившись, подал ему свою узкую руку». О Лопатине у Лаврова написано: «Ни одна его фотография никогда не передала проницательности и привлекательности взгляда сквозь очки его серых глаз».

Ведя разговор, Новодворов умеет пошутить; в ранних редакциях романа он назван «добродушнейшим»; Толстой подмечает его восторженную сентиментальность в обращении с теми, в кого он влюблен. (Это тоже реальная черта личности Лопатина.) Большей же частью Новодворов говорит резко, иронически, своим громким басом; деятельность свою «умел красноречиво объяснить очень убедительными доводами». Лавров о Лопатине пишет: «Его уменье говорить было замечательно. Правда, что его манера относиться шутливо, насмешливо и критически к людям и вещам иногда производила впечатление излишнего балагурства, скептицизма и презрения к людям, но для людей, более близко знавших его, это впечатление скоро изглаживалось. Под слоем шутки и насмешки они открывали глубокое и серьезное убеждение...» В одном из набросков романа Толстого среди политических было «два брата» Новодворовых. У Лопа-

тина был брат-революционер В. А. Лопатин, арестованный по Процессу 193-х.

Подчеркивая сходство Новодворова с Лопатиным, нельзя, однако, забывать слова Толстого о том, как он относился к прототипам: «Нужно наблюдать много однородных людей, чтобы создать один определенный тип»[41]. Следует также отметить, что характеристика Новодворова в чем-то не совпадает с прообразом. Так, только в конце работы над романом автор «одел» Новодворова в «гуттаперчевую куртку», в которой до того «появлялись» совсем другие лица из заключенных-политических. Колебания испытывала тема отношений Новодворова с женой: в окончательном тексте сказано, что он расходится с ней потому, что «между ними нет истинной любви» (так было в жизни у Лопатина); в черновой редакции сказано, что охлаждение наступило после смерти ребенка. Изменилась и тема участия Новодворова в студенческой «истории». В последних редакциях Толстой делает его «сыном купца», чтобы дать возможность Нехлюдову проявить классовую антипатию к «поповичам-революционерам», т. е. разночинной интеллигенции. (Не потому ли Толстой решил так, что Лопатин, принадлежавший на самом деле к небогатой дворянской семье, был уроженцем купеческого Нижнего Новгорода?) Все это, однако, малосущественные детали. Что же касается возможных неточностей в портрете[42], то едва ли у Толстого была надобность полностью повторять облик одного из важнейших тогда «государственных преступников», заточенного в крепость.

VI

Обратимся теперь вновь к ссыльным революционерам в «Божеском и человеческом» — представителям того же поколения, что и Новодворов.

Повесть Толстого сначала была напечатана в Англии, а в 1906 г. вышла отдельной брошюрой в России, в обратном переводе, с довольно необычным названием: «Божеское и человеческое. Новый рассказ, героями которого являются революционеры 70-х и 80-х годов, народовольцы, социал-демократы и сектанты». Судя по заглавию, к числу социал-демократов относился «руководитель всех, Роман», стойкий революционер, убежденный в своей правоте, с которым сталкивается в Красноярской тюрьме оказавшийся на перепутье народник-террорист Меженецкий. Этот образ привлекает нас тем, что в нем развиты характеры и мысли, присущие Новодворову. Еще определеннее и резче выражено здесь то, что было намечено в «Воскресении».

Так, новые революционеры считают, что террор привел только к реакции, торжествовавшей при Александре III и вернувшей общество назад, почти к крепостному праву. Лопатин в своей автобиографии по поводу заговоров, «преждевременных нетерпеливых попыток интеллигентного меньшинства к насильственному ниспровержению существующего общественного строя» говорит, что это приводит только к задержке на несколько лет общественного развития[43]. «Реакция — произведение именно 1-го марта» (когда был убит царь); «прямая борьба с правительством — неправильная трата сил»,— говорит у Толстого Роман.

«С народом, стоящим на той степени развития, на которой он стоит теперь, ничего сделать нельзя»,— считает Роман.— «Нужно воспитать народ, нужно приучить его к солидарности», «нужно подготавливать армию рабочих», «пропагандировать социализм среди рабочих». «И не только не бороться открыто с правительством, а пользоваться им для достижения своих целей». В книге писателя В. Ф. Антонова «Русский друг Маркса Г. А. Лопатин» отмечено, что Лопатин считал невозможным вести

в тогдашней России работу для осуществления пролетарской революции; но он делал вывод из учения Маркса о необходимости развертывания в России политической борьбы, которая на первых порах приведет не к социалистической революции, а к буржуазно-демократическим преобразованиям страны.

В повести Толстого Роман говорит о роли «большой промышленности и выросшей на ней социалистической организации народа» в воспитании чувства солидарности. «Мнения авторитетов и статистические цифры», приводимые Романом, служат уяснению им сущности развития капитализма и пролетариата. Таковы же были в жизни взгляды Лопатина, не считавшего «случайностью» развитие капитализма в России, в отличие от большинства народников. «Такой капитализм, такое самодержавие,— писал он,— суть необходимый результат нынешнего общественного устройства, его законное детище»[44].

«Это общий экономический закон»,— говорит у Толстого Роман о капитализме и пролетариате, а его «сторонница-брюнетка» добавила: «Прочтите Каутского». Тут следовало бы, конечно, сказать: «Маркса». Но у Толстого это, собственно, и имеется в виду, имя Маркса есть в черновой редакции повести, возможно, еще не правленной ввиду цензуры. Обратим особое внимание и на то, как здесь зовут революционера. Меженецкий «не мог не согласиться в том, что народ таким, каким он знал его, не готов к революции, но не мог согласиться с тем, что народ должен быть обезземелен и проведен через все бедствия пролетариата для того, чтобы отвоевать себе свободу. Он спорил... Но *Герман* (курсив наш.— *Т. А.*) слушал его, снисходительно улыбаясь, и приводил в подтверждение своего взгляда мнения социалистических деятелей Европы, а главное, сочинения Маркса, Энгельса, Каутского». Слушая Германа, Меженецкий думает, как и Набатов в «Воскресении», что эта молодежь, представителем кото-

рой был Герман, отреклась от любви к народу, на место этой любви «ставили пустую, мертвую доктрину, но, в сущности, он терял спокойствие и горячился, потому что чувствовал, что Герман был прав»[45].

Может быть, так и остался бы прав у Толстого Герман, если бы в корректуре повести (с датой 28 мая 1904 г.) В. Г. Чертков, готовившийся впервые напечатать рассказ в Англии, не написал на полях гранок против слов «что Герман был прав» — «Не лучше ли прибавить «в отрицании терроризма», а то получается впечатление, что *автор*[46] считает Германа *вообще* правым?» Толстой написал рядом: «Согласен», хотя, вероятно, не имел этого в виду, а по логике самой фразы прибавка эта неестественна. Писатель оказался не в состоянии поступиться религиозно-нравственной идеей, положенной в основу рассказа, даже во имя исторически разумной мысли[47]. Тем не менее даже преднамеренно сниженная трактовка взглядов и личности выдающегося революционера не затмила его реального облика на страницах произведений Толстого. В конце 1905 г. в новой корректуре повести имя «Герман» было заменено на «Роман». Остается добавить, что «Роман» было по звучанию все-таки близко к прежнему «Герман»; так же, как, может быть, хоть немного приближая к прообразу,— Новодворова Толстой назвал Степаном.

Подобное предположение можно высказать и относительно фамилии Новодворова: в числе привлеченных вместе с Лопатиным по Процессу 21-го был подсудимый Databaseдворский, был в числе тогдашних узников Шлиссельбурга и политический Новорусский. Из этих реальных имен могла сложиться у Толстого фамилия «Новодворов». Стоит заметить еще одну маленькую деталь. Роман у Толстого — революционер, которого «все знали только по имени». Так было принято называть и Лопатина. Именно так сам Толстой в 1888 г. единственный

раз назвал его в своей дневниковой записи — без отчества — «Лопатин Герман».

VII

Приходится только удивляться тому объему сведений о Лопатине, которым располагал Толстой. Узнать об этом из печати или записей он не мог. «В настоящее время,— писал П. Л. Лавров в 1888 г.,— не существует материала для сколько-нибудь полной биографии Лопатина, при всей ее занимательности, при множестве людей, его знавших, им интересовавшихся, слушавших его рассказы, переписывавшихся с ним по самым разнообразным предметам»[48].

Источником сведений Толстого о Лопатине могла быть прежде всего их встреча. Наиболее вероятным временем этой встречи следовало бы считать 1883—1884 гг. К осени 1884 г., как указывает В. Ф. Антонов в своей книге о Лопатине, он направлял деятельность местных кружков во многих городах России и Украины, в том числе: в Москве, Орле, Туле. Во многих из этих городов (в Москве — не раз) он побывал лично; вполне возможно предположить, что где-то здесь — в Москве или Туле — могла произойти его встреча с Толстым. Однако, как следует из письма Г. А. Лопатина к его сестре Л. А. Мартыновой (1910 г.), недавно обнаруженного писателем Ю. В. Давыдовым, этого не произошло. «В старое время,— пишет Лопатин,— Михайловский очень уговаривал меня побывать в Москве у Толстого... Я отвечал, что я дорого бы дал, чтобы познакомиться с Толстым случайно... А простого, случайного знакомства так и не состоялось»[49].

Таким образом, в сообщении Толстому сведений о Лопатине сыграли важную роль рассказы общих знакомых. В 1878 г. возобновилась после долгого перерыва дружба Толстого с И. С. Тургеневым, близко знавшим и очень

ценившим Лопатина. Толстой встречался со знакомым Лопатина — народническим писателем Н. Н. Златовратским, знал о члене Центрального Комитета «Народной воли» В. С. Лебедеве, сосланном в 1882 г. в Восточную Сибирь. В 1885 г. знакомая Толстого, представительница русской революционной интеллигенции А. В. Дмоховская просила Толстого заступиться за сосланного в Сибирь ее зятя А. А. Тихоцкого, привлекавшегося и за то, что в бумагах арестованного Лопатина оказался их харьковский адрес[50]. Дмоховская устраивала Толстому свидания с нелегальными политическими, как свидетельствует писатель А. С. Пругавин[51]. Однако, как отмечает в биографии Лопатина П. Л. Лавров, «множество лиц могли бы доставить о нем в высшей степени интересные сведения, но каждый мог бы точно и подробно сообщить лишь немногие ее эпизоды».

Со своей стороны, Лопатин имел возможность беседовать о Толстом с хорошо знавшим его И. С. Тургеневым и другими современниками. Мнения Лопатина о психологической достоверности образов Толстого, о том, как они выражают мысли писателя, приведены, например, в книге «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников» (М.— Л., 1930).

Как видно из письма отбывавшего заключение одновременно с Лопатиным Н. А. Морозова к своей матери от 7 февраля 1899 г., в Шлиссельбургской крепости знали о новых произведениях Толстого: «Я знаю, что теперь в большой славе последние проповеднические произведения Льва Толстого, но, по-моему, ничто не может сравниться с его старыми романами «Войной и миром», «Анной Карениной»,— писал Морозов[52]. Лопатин, просидевший в заключении почти 16 лет, но оставшийся несломленным, в письме к брату 31 января 1900 г. беспощадно развенчивает толстовские религиозно-нравственные проповеди. Брат рассуждает в своем письме об общении душ путем

переписки, Герман Лопатин ему пишет: «Что с тобой? Не то ты повторял со скуки катехизис, не то начитался Толстого, и вот в твоей душе зашевелились не только Любовь, но и Надежда, и Вера... не явилась из сентябрьских именинниц только Софья в смысле холодной житейской мудрости, и поэтому-то ты с такой простодушной доверчивостью и упованием затянул свою религиозно-гуманитарную «милосердную»[53].

Г. А. Лопатина освободила из заточения революция 1905 г. В последующие годы в печати появилось немало материалов о нем, главным образом в журналах «Былое» и «Минувшие годы». Эти номера журналов, читанные Л. Н. Толстым, до сих пор хранятся в Ясной Поляне.

Личность Лопатина интересовала Толстого до последних лет жизни писателя. Об этом свидетельствуют следующие слова из найденного Ю. В. Давыдовым письма Лопатина к его сестре Л. А. Мартыновой в феврале 1909 г. из Лондона: «Недавно Сергеенко — биограф Толстого — сообщил мне, что Л. Н. участливо справляется о моем здоровье»[54]. В приведенном выше письме Лопатина за 1910 г. он сообщает сестре, что однажды в Париже кто-то из близких к Толстому лиц передал ему от писателя «несколько лестных, ласковых слов».

Опубл.: Яснополянский сборник, Тула: Приок. кн. изд-во, 1974, с. 116—134.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 50, с. 5.

[2] Лит. наследство, т. 69, кн. 2, с. 156.

[3] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 65, с. 138.

[4] Лит. наследство, т. 69, кн. 2, с. 146. Ссылка на использование Толстым рассказа Лопатина есть также в книге В. Ф. Антонова «Русский друг Карла Маркса Г. А. Лопатин» (М., 1962),

правда, с не совсем точным изложением записи М. С. Сухотина.

[5] Там же, с. 156.

[6] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 42, с. 218, 229.

[7] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. (Сборник ИМЭЛ). М., 1967, с. 34.

[8] Там же, с. 549.

[9] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 42, с. 220.

[10] Там же, с. 219.

[11] Цит. по кн.: Волк С. С. Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969, с. 101.

[12] Лавров П. Л. Герман Александрович Лопатин. Пг., 1919, с. 9.

[13] О Чигиринском заговоре Лопатин писал П. Л. Лаврову. А. Н. Бах говорил с Лопатиным о большом восстании крестьян в Ростове-на-Дону в 1879 г. (см. В. Ф. Антонов. Герман Лопатин. Липецк. 1960, с. 91, 125).

[14] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 42, с. 200.

[15] Там же, т. 32, с. 408.

[16] Антонов В. Ф. Герман Лопатин, с. 141.

[17] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 32, с. 408.

[18] Жданов В. А. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М., 1960, с. 418.

[19] Там же, с. 387.

[20] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 32, с. 399.

[21] Жданов В. А. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение», с. 435—436.

[22] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 33, с. 243.

[23] Там же, т. 32, с. 338—339.

[24] Цит. по кн.: Рапопорт Ю. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма. М., 1960, с. 77.

[25] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 32, с. 378, 408.

[26] В период работы над «Воскресением» Толстой пользовался книгой П. Ф. Якубовича «В мире отверженных». Эта книга в издании 1896 г. сохранилась в Ясной Поляне; здесь также есть от-

дельное издание рассказа П. Ф. Якубовича из жизни ссыльных «Кобылка в пути» (1898).

[27] См.: Рапопорт Ю. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма, с. 79.

[28] Цит. по кн.: Антонов В. Ф. Русский друг Карла Маркса Г. А. Лопатин, с. 87.

[29] Цит. по кн.: Рапопорт Ю. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма, с. 75.

[30] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 32, с. 401.

[31] Лавров П. Л. Герман Александрович Лопатин. 1919. Далее высказывания Лаврова о Лопатине приводятся по этому изданию.

[32] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 33, с. 420.

[33] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1964, т. 32, с. 430.

[34] О том, что имя и взгляды П. Л. Лаврова были известны Толстому, свидетельствует его письмо к И. М. Трегубову от 14 мая 1894 г., где упомянуты «Исторические письма» П. Л. Лаврова и его статья об учении Толстого «Старые вопросы», впервые напечатанная в 1886 г. в Женеве в «Вестнике «Народной воли» (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 67, с. 123).

[35] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 33, с. 297.

[36] Там же, т. 32, с. 400.

[37] Там же, т. 33, с. 276.

[38] Новодворов у Толстого имел «очень сильное сложение и здоровье». Лавров пишет о Лопатине: «Его физическая сила и ловкость были способны его выручать в самых трудных обстоятельствах» (с. 25).

[39] Лит. наследство, т. 69, кн. 2, с. 156. Этот эпизод не приведен П. Л. Лавровым. Не приводит его в своих записях и Лопатин. Рассказанное Толстым получает таким образом значение первоисточника. В наше время его использовали писавшие о Лопатине В. Ф. Антонов и И. Ф. Смольников.

— Vous dites?— Что вы сказали? (франц.).

[40] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, с. 268—269.

[41] См.: Мошин А. Ясная Поляна и Васильевка. Спб., 1904, с. 30—31.

[42] В вариантах к роману, например, сказано, что Новодворов был «небольшого роста», «маленький силач». Заметим, что рост Лопатина, по записям полиции, составлял «2 аршина 6 вершков».

[43] Герман Александрович Лопатин. Автобиография. Пг., 1922, с. 66.

[44] Вперед, 15 июня 1875 г. Цит. по кн.: Рапопорт Ю. М. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма, с. 41.

[45] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 42, с. 523.

[46] Курсив В. Г. Черткова.

[47] Тогда же, по замечанию Чёрткова, Толстой исправил в 7-й главе название крепости, где сидел в одиночестве Меженецкий: заменил Шлиссельбургскую на Петропавловскую.

[48] Лавров П. Л. Герман Александрович Лопатин, с. 14.

[49] Письмо хранится в ЦГАЛИ, фонд 1329, оп. 1, д. 17, л. 27—28.

[50] См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 218.

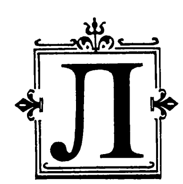
[51] Пругавин А. С. Л. Н. Толстой в Москве. М., 1911, с. 96—98.

[52] Цит. по кн.: Астафьев А. В. Лев Толстой и его современники. Ярославль, 1967, с. 51.

[53] Цит. по кн.: Антонов В. Ф. Герман Лопатин, с. 140.

[54] ЦГАЛИ, фонд 1329, оп. 1, д. 16, л. 84.— Автор приносит благодарность за любезное предоставление копий писем Г. А. Лопатина и помощь в работе писателю Ю. В. Давыдову, а также внучке Г. А. Лопатина — Е. Б. Лопатиной.

ЖУРНАЛ «БЫЛОЕ» В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Летом 1917 г. в Петрограде было возобновлено после почти десятилетнего перерыва издание «Былого», журнала, посвященного истории освободительного движения. В редакционной статье в № 1 (23) освещалась история этого издания, первый номер которого вышел 28 января 1906 г., последний — 28 октября 1907 г. Журнал, снискавший признание в самых широких кругах читателей, испытал немало цензурных преследований, 2 ноября 1907 г. был приостановлен без суда «на основании положения о чрезвычайной охране» петербургским градоначальником Д. В. Драчевским, а 13 января 1909 г. был «запрещен навсегда» приговором Петербургской судебной палаты. Даже в последующие, 1909—1915 гг. цензор Петербургского цензурного комитета А. М. Андрияшев «возвращался к чтению то одной, то другой книги «Былого» и, усматривая в ней признаки преступлений, делал доклады; Комитет принимал постановления об аресте... В таком порядке были присуждены к уничтожению 1, 2, 4, 8, 11 и 12 книги за 1906 г. и 1, 3, 4, 8, 10 книги за 1907 г. Об исполнении судебных приговоров градоначальник извещал Главное Управление по делам печати в следующей форме: «Такого-то числа в типографии С.-Петербургского градоначальства в комис-

сии уничтожены посредством разрезывания на части или посредством разрывания на мелкие части арестованные экземпляры таких-то номеров журнала «Былое»[1].

В течение 1908 г. традиции «Былого» продолжал, в границах возможного, журнал «Минувшие годы».

В Ясной Поляне сохранились все 22 номера «Былого» (№ 1—12 за 1906 г. и № 1—10 за 1907 г.). Некоторые номера «Былого» 1906 г. и годовой комплект журнала «Минувшие годы» сохранились в двух экземплярах.

Вопрос об отношении Л. Н. Толстого к этим изданиям, о времени чтения материалов «Былого» и возможных связях этого чтения с творчеством писателя до сих пор не ставился.

В комментарии к Полному собранию сочинений Л. Н. Толстого и в литературе о Толстом есть лишь несколько кратких упоминаний о «Былом», не всегда точных.

«Мы тихо живем, но жизнь всего мира и всей России доходит до нас со всех сторон и очень волнует»[2],— писала С. А. Толстая дочери Татьяне в начале февраля 1905 г.

В ноябре 1905 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Писать о том, что делается в России, не начинаю п[отому], ч[то] слишком многое хочется сказать»[3].

Живое внимание писателя к современности, встречи, беседы с людьми, размышления о происходящем и намерение писать о происходящем обусловили поступление в то время — разными путями — в Ясную Поляну литературы о современных событиях. С поры 1905—1907 гг. доныне сохранились в толстовском доме русские общественно-политические газеты и журналы более чем 20 наименований.

В 1906 г. «Былое» получали в Ясной Поляне регулярно, этот комплект сохранился не полностью (отсутствуют номера за июль, август, октябрь и ноябрь). В 1909 г. в

библиотеке Толстого появились полные комплекты «Былого» за 1906 г. и 1907 г. Естественно есть смысл их разграничить. Выделить «коренные» яснополянские номера, которыми пользовался Толстой до 1909 г., возможно, исходя из того, что эти экземпляры, просматриваемые или прочитываемые Толстым по получении, разрезаны почти полностью. Исключение составляют немногочисленные материалы, не относящиеся непосредственно к освободительному движению, которые в этот период не были, видимо, интересны для Толстого. Во втором комплекте неразрезанных страниц значительно больше. Журналы 1907 г. и вторые экземпляры 1906 г. однотипны: в большинстве своем это книги из части тиража, отпечатанной в типографии «Энергия». Номера 3, 6 и 7 (1906 г.), как и «коренные» яснополянские — из книгопечатни Шмидт, но отличаются несколько усеченным видом по сравнению с первым комплектом (они без рекламных объявлений, с несколько несовпадающей с первым выпуском пагинацией). Как известно из истории «Былого», успех уже первого номера превзошел все ожидания, книгу отпечатали в количестве 10 000 экземпляров, затем повторили издание опять в 10 000 экземпляров, и отпечатали еще третье издание — тоже в 10 000 экземпляров. В дальнейшем каждая книга расходилась в количестве 27—28 тысяч экземпляров[4]. Таким образом, в Ясной Поляне, видимо, представлены разные издания «Былого». Два яснополянских комплекта различаются и по надписанным, вероятно, С. А. Толстой, библиотечным шифром, они стояли в разных шкафах.

Впечатления Л. Н. Толстого от просмотра первых номеров журнала в начале 1906 г. оказались явно не в пользу «Былого». 2 марта 1906 г. в Ясной Поляне было получено письмо от близкого знакомого Л. Н. Толстого, А. С. Пругавина, сотрудника этого журнала. Сообщая о намерении редакции посвятить мартовский номер «Было-

го» событию 1 марта 1881 г., Пругавин просил предоставить для публикации в номере копию письма Л. Н. Толстого Александру III от 8—15 марта 1881 г. в защиту обреченных на казнь народовольцев. Толстой адресовал Пругавина к П. И. Бирюкову, писавшему тогда для «Былого» статью «Событие 1 марта и Л. Н. Толстой». Однако вскоре, получив февральский номер «Былого» и пересмотрев в тот же день еще и январский, Толстой написал 10 марта 1906 г. П. И. Бирюкову о своем отказе «прямо или косвенно участвовать в этом журнале». Толстого оттолкнуло то, что журнал, поддерживая заблуждавшихся, по мнению Толстого, революционеров, возводил «убийство в подвиг и добродетель»[5].

Вместе с тем широкое освещение в журнале деятельности народников и народовольцев, сообщение сведений о событиях 900-х годов, привлечение обширных документальных источников не могло не быть интересно для Толстого. Журнал печатал в большом объеме воспоминания, записи участников событий. О том, как относился Толстой к материалам такого рода, свидетельствует одно из писем его современника писателя А. И. Эртеля, писавшего еще в 1891 г., когда его самого более всего занимал роман о русских революционерах: «Роман на такую тему пленяет и Л. Н. Толстого, т. е. он его не напишет и даже не собирается писать, но, когда говорит о теме,— глаза его блестят огнем, он всегда глубоко интересуется рассказами о «молодом движении»; то, что не составляются мемуары, бесследно гибнут интимные документы, его очень огорчает; с каким любопытством он слушал то, что мне приходилось говорить ему о революционных воспоминаниях, с каким выражением говорил: «Если бы *моя* просьба для *них* значила что-нибудь, я бы их убеждал, уговаривал, просил бы записывать воспоминания — хотя бы то, что можно записать; со временем из этого составится картина поразительная, потрясающая»[6]. Безусловно, журнал

«Былое» был читан Толстым в последнее пятилетие его жизни самым активным образом.

Об этом есть и вполне точные свидетельства.

В записях Д. П. Маковицкого за 28 мая 1906 г. отмечено, что Толстой из всех получаемых журналов читает более или менее правильно «Русский архив» и «Былое»: «Разбирая почту, он оставлял эти журналы у себя и читал почти каждую книгу и опять перечитывал».

В № 1 «Былого» за 1906 г. остановили внимание Толстого воспоминания М. Ю. Ашенбреннера «Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет». Мысли по поводу чтения «записок Ашенбреннера» выражены в дневниковой записи Л. Н. Толстого 11 марта 1906 г. (Материалы об узниках крепости разрезаны во многих последующих номерах «Былого».

Прежде всего, это касается обширных, живо написанных воспоминаний М. В. Новорусского «В Шлиссельбургской крепости», печатавшихся во многих номерах «Былого» и отчасти в «Минувших годах».)

Через несколько дней, как это отметил в своих записях друг и домашний врач Толстого Д. П. Маковицкий, Толстой будет читать вслух, вероятно, в февральском номере «Былого», статью Н. П. Сильванского «Пестель перед Верховным судом». Здесь содержится живой материал, характеризующий личность декабриста[7].

3 июня 1906 г., как отмечено в дневнике Д. П. Маковицкого, Толстой с волнением прочитал в майском номере «Былого» статью «Последний день Каляева». Террорист И. Т. Каляев, убивший московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, был повешен в Шлиссельбургской крепости в 1905 г. Близкие совпадения деталей казни Каляева и Светлогуба в «Божеском и человеческом», проявившиеся в двойном отказе — от исповеди и от напутствия священника на эшафоте — дали возможность исследователю творчества Толсто-

го В. А. Жданову (Последние книги Л. Н. Толстого. М., 1971) предположить, что Толстой мог воспользоваться этой статьей для последней переработки окончания рассказа, правда, в то время уже отданного в печать.

В № 6 «Былого» (1906 г.) на 8 странице загнут Толстым верхний уголок; автор называет здесь как книжку «преступного содержания, за которую преследовали», «Сказку о четырех братьях». Она названа Толстым еще в вариантах романа «Воскресение» («Сказка о трех братьях»). В незавершенном романе «Нет в мире виноватых» «Сказка о четырех братьях» упомянута в числе революционных книжек, привезенных из Москвы в деревню.

С чтением «Былого» возможно связать рождение сюжета незавершенного произведения Толстого «Отец Василий». Замысел этой работы возникает у автора несколько неожиданно, довольно длительное время отделяет его от писания предшествующего художественного произведения («За что?»). 30 сентября 1906 г. в Дневнике Толстого записано: «Начал было рассказ о священнике. Чудный сюжет, но начал слишком смело, подробно. Не готов еще, а очень хотелось бы написать»[8]. Первый автограф был написан до 3—4 октября. Толстой возвратился к работе 17 ноября, но вскоре свое писание оставил. До самых последних лет сюжет «Отца Василия» представлялся исследователям творчества Толстого совершенно безобидным, а намеченные типы покорного судьбе крестьянина и сердобольного священника «с повышенными нравственными нормами» (В. А. Жданов) располагали ожидать далее поучительную повесть, потерпевшую, однако, крах, ибо «тема сама в себе не имела тенденции для развития». Отвлекал и «прототип из далекого прошлого, хотя бы в сходстве имен: Василием Можайским звали священника, крестившего Л. Н. Толстого»[9].

В 1974 г. в статье А. К. Ломуновой «Незавершенный роман Л. Н. Толстого» было обращено внимание на су-

щественную деталь: к записи о писании Толстого на эту тему приобщена его беседа с Гастевым 18 февраля 1907 г., записанная Д. П. Маковицким. Толстой тогда сказал: «Я теперь пишу рассказ про столкновение в семье такого священника (христианского, православного), доброго отца с детьми революционерами»[10].

В этой связи по-новому следует читать некомментированную ранее дневниковую запись Толстого за 23 октября 1906 г.: «Очень хочется писать священника, но опять думаю о том, какое он произведет впечатление». Заботы о «впечатлении», в цензурном смысле, руководили, видимо, писателем, когда он дал священнику вместо прежнего имени — Иоанна Софоклова — имя батюшки соседней с Ясной Поляной Кочаковской церкви и развернул активное действие рассказа на близлежащих землях (Косое, Воздремы реально существовали в окрестностях Ясной Поляны). Возможно, из этих же соображений (и по ходу развития сюжета) Толстому понадобилось, уводя читателя от реального факта, переменить на противоположные свойства внешности и характер некоторых из героев. И все-таки источник «Отца Василия» отыскивается: в № 8 «Былого» за 1906 г. в «Воспоминаниях чайковца», написанных одним из выдающихся революционеров-семидесятников С. С. Синегубом. Автор живо повествует об удачном побеге из дома, из-под родительского гнета, желавшей «служить народу» дочери сельского священника, которая была увезена С. Синегубом под прикрытием фиктивного брака, затем стала его женой и товарищем по работе. Привлекший Толстого сюжет зародился в сентябре, когда, видимо, и был читан новый, августовский, номер журнала. Подчеркнем более или менее очевидные совпадения в источнике и в написанном Толстым о семье священника:[12]

Дочь сельского священника Соня, 16 лет, жила дома,	Дочь сельского священника Лёня, 16 лет, «жила дома,

страдала «в тисках отцовского деспотизма». Лишь с появлением возможности бежать переменила «свое поведение. Она стала вникать в хозяйство».	плохо помогала матери и тяготилась своей жизнью».
У Сони есть младший брат — гимназист, сестра в епархиальном училище; старший двоюродный брат учится в городе.	У Лёни есть младший брат 15 лет, учится в духовном училище, старший брат учится в городе.
Мать, «худощавая, маленькая», видна «былая миловидность». Зовут ее «Ан. Ал.» (возможно, Анна?).	Мать (в I-ом варианте): «худая, бледная, миловидная». Зовут ее Анна Тихоновна.
Матушка «вела дом строго, аккуратно».	Попадья строго потребовала от мужа «деньги за вчерашнюю всенощную».

Батюшку и там, и здесь зовут отцом Василием. Совпадает время действия — поздняя осень. Совпадает многозначительный факт получения в доме письма, с которого начинают развиваться события в семье священника в рассказе у Синегуба и начали бы, очевидно, у Толстого, но на этом писание обрывается.

Видимо, в этот же период, осенью 1906 г., внимание Л. Н. Толстого привлекла в «Былом» статья В. А. Старосельского «Крестьянское движение в Кутаисской губернии» с описанием событий в Гурии в 1905 г. (в сентябрьской книжке разрезаны страницы 229—242 в окружении неразрезанного материала). Это внимание понятно: еще в январе 1905 г. Толстой с большим интересом слушал рассказ революционера из Грузии М. К. Кипиани об этих событиях; позднее ему писали об этом очевидцы событий И. П. Накашидзе и В. А. Лебрен. Толстой был намерен писать о гурийском движении. Сочувственное упоминание о нем есть в статье «Как освободиться рабочему народу?» (1905).

Следующие данные, свидетельствующие об обращении

Л. Н. Толстого к журналу «Былое», относятся к 1908 г.

В апреле секретарь Л. Н. Толстого Н. Н. Гусев, узнав о желании Толстого получить более обстоятельный материал о казнях, выбрал в яснополянской библиотеке «номера «Былого» со статьями о казнях». Характерно, что, читая в те же дни статьи В. Владимирова в газете «Русь» о карательной экспедиции, Толстой сказал Н. Н. Гусеву: «Такие ужасные факты излагает со своими эпитетами, пояснениями, выводами.— Они только ослабляют впечатление. Надо читателю самому предоставить делать эти выводы»[13]. Журнал «Былое» должен был в этом отношении понравиться Толстому. Позднее, определяя изначальное направление журнала, редакция писала: «Предлагая вниманию наших читателей точные факты и подлинные исторические документы, мы предоставим всем и каждому делать из них свои собственные выводы»[14]. Как отмечает в дневниковой записи за 8 апреля Н. Н. Гусев по поводу упомянутых выше номеров «Былого» со статьями о казнях, «Лев Николаевич весь вечер читал эти книги»[15]. Направление чтения Толстого определяется в написанном 9 апреля письме к судебному деятелю Н. В. Давыдову: Толстой просил сообщить ему «подробности о смертной казни, о суде, приговорах и всей процедуре»[16]. Материалы «Былого», отвечавшие этому интересу Толстого, имеются, например, в апрельской книжке 1906 г.; в воспоминаниях о 1881 г. С. Иванова сообщается о казни С. Л. Перовской, сюда же можно отнести статью Д. В. Стасова «Каракозовский процесс». В названной ранее статье «Последний день Каляева» (в майском номере) довольно обстоятельно описана казнь через повешение. Представляет интерес статья «Хаим Гершкович» (в июньском номере «Былого» за 1906 г.), где есть описание состояния приговоренных перед казнью, подробное описание самой казни Васильева и Гершковича, осужденных за оказание вооруженного сопротивления полиции

в 1905 г. Любопытно, что края полей этой страницы журнала (страница 231) заметно пожелтели, вероятно, выгорели, т. к. журнал у Толстого, видимо, долгое время лежал открытым, и поля выступали из-под положенной сверху другой книги или листа бумаги. Можно добавить, что следом за этим материалом на странице 233 помещено краткое описание казни С. В. Балмашева, стрелявшего в министра внутренних дел Д. С. Сипягина в 1902 г. Этот номер «Былого» с наибольшей определенностью можно считать читанным Л. Н. Толстым 8 апреля 1908 г.

Следует иметь в виду, что чтение книг и статей о смертных казнях, в том числе и в журнале «Былое», нельзя ограничивать целью сбора материала к будущей статье против смертных казней «Не могу молчать!» (май — июнь 1908 г.). Еще до начала работы над этой статьей, 3 мая 1908 г., как пишет Н. Н. Гусев, «Лев Николаевич сказал П. И. Бирюкову, что задумал написать художественное о смертной казни»[17]. Это был один из подступов к роману о революционерах, начатому тогда же, но прерванному. В последующее время Толстой будет возвращаться к этой теме.

Диапазон охвата событий по этому замыслу Толстого был широк. 9 октября 1908 г. он просил А. Б. Гольденвейзера достать ему в Москве в редакции «Русских ведомостей» номера газеты «за какие-нибудь два-три года восьмидесятых годов прошлого столетия».

«Ему хочется,— писал А. Б. Гольденвейзер,— более живо восстановить в памяти общественное настроение этого времени»[18].

4 декабря 1908 г., беседуя с В. Г. Чертковым, Толстой говорит, что персонажи его задуманного произведения, «разные лица в разные периоды их жизни», «должны были столкнуться во время нашей революции»[19]. Немалое значение имели для Толстого и размышления о психологическом состоянии разных лиц, связанных, например,

одним судебным процессом. Еще в марте 1908 г. Толстой говорил о так и не осуществленном замысле: «...возьму первое попавшееся судебное дело о революционерах и опишу, что он переживал, когда решил убить провокатора, что переживал этот провокатор, когда он его убивал, что переживал судья, который постановлял приговор, что переживал палач, который его вешал...»[20]

Все это надо иметь в виду в связи с тем, что 15 декабря 1908 г. Толстой примется за чтение материалов «Былого» для задуманной повести из жизни революционеров.

(О чтении в этот период «Былого» несколько раз упомянуто в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого.)

Накануне, 14 декабря, в Дневнике Л. Н. Толстого была сделана такая запись: «...нынче вешанье, мучанье людей вызвало негодование, недоброе, злое чувство к вешателям»[21].

В статье «Не могу молчать» Толстой называет восставших «лучшим сословием русского народа» и, обращаясь к властям, говорит: «Вам-то уж никак нельзя упрекать революционеров... Если есть разница между вами и ими, то никак не в вашу, а в их пользу»[22]. Надо думать, прежней категоричности при чтении помещенных в «Былом» материалов о революционерах Л. Н. Толстой уже не испытывал.

Цель чтения писателем «Былого» в этот период определяется записью в дневнике С. А. Толстой от 16 декабря 1908 г.: Толстой «усиленно собирает материал о казнях, о революционерах, о процессах и т. п.»[23]

Знакомая Л. Н. Толстого З. М. Гагина, приезжавшая 18 декабря 1908 г. в Ясную Поляну, как пишет Н. Н. Гусев,— «увидала в гостиной кучу книжек и, заинтересовавшись ими, стала просматривать.

— Все революционные,— сказала она.

— Да,— ответил Лев Николаевич,— это я читаю для своей предполагаемой работы»[24]. Есть достаточно точное

подтверждение факта чтения Толстым в это время «Былого»: бланк полученной Толстым частной телеграммы о приезде Гагиной от 18 декабря 1908 г. лежит в июньской книжке «Былого» за 1906 г. между страницами 142—143. Здесь напечатаны воспоминания О. С. Любатович «Далекое и недавнее», посвященные деятельности, судьбам первомартовцев, с описанием их арестов и заключения. В последних числах декабря 1908 г. Толстой начинает писать рассказ на тему о революционерах «Нет виноватых». 28—29 декабря, т. е. непосредственно в дни работы Толстого над новым художественным произведением, Д. П. Маковицкий снова отмечает в своих записях: «Чтение... журнала «Былое». Дата «17 декабря» поставлена Толстым под наброском «Убийцы», который начинается так: «Они все восемеро уже 2-й месяц сидели в тюрьме и ждали суда и решения. Решение могло быть только одно: насильственная смерть — <удавят за шею веревками>. Преступление их состояло в том, что они были уличены в намерении убить взрывом бомбы считавшегося ими очень дурным и вредным человека, называвшегося «великим князем»[25]. Вполне вероятно, что статья о казни И. Т. Каляева — снова была в те дни на письменном столе Толстого. Среди множества соответствующих направлению и теме работы Толстого материалов в «Былом», возможно, тогда были читаны разрезанные в разных номерах журнала: материалы о 1 марта 1881 г. (№ 3), статья о процессе И. М. Ковальского («Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд» Н. А. Виташевского (№ 1), «Из воспоминаний об А. И. Желябове» П. П. Семенюты (№ 4), воспоминания Д. В. Стасова «Каракозовский процесс» (№ 4, на полях страницы 279 сохранился след карандаша), материалы к биографии В. Н. Фигнер (№ 5), статья А. В. Тыркова «К событию 1 марта 1881 г.» (№ 5, здесь же частично разрезан текст воспоминаний О. С. Любатович «Далекое и недавнее» из

жизни революционеров в 1878—1881 гг.), статья «Карийская трагедия» (№ 6). Полностью разрезан в июньском номере большой «Отчет о процессе 20-ти народовольцев в 1882 г.» (страницы 237—300), содержащий описание процесса, биографические справки об участниках, сведения об их деятельности. Видимо, какое-то время лежал у Толстого открытым и выгорел лист журнала (страницы 234—235) с материалом А. Прибылевой-Корба «Некоторые данные о «Письме Исполнительного Комитета к Александру III». В сентябрьском номере разрезан текст статьи С. А. Ивановой-Борейша «Первая типография «Народной воли». В декабрьском номере 1906 г., разрезанном лишь частично, внимание Л. Н. Толстого привлекли материалы о революционерах Л. Ф. Яновиче, Н. П. Щедрине, «Документы по Чигиринскому делу», данные о Стрельниковском процессе 1883 г. в Одессе. Не осталась без внимания и статья П. Е. Щеголева «Из истории конституционных веяний в 1879—1881 гг.»

7 января 1909 г., как отмечено в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого[26], Толстой читал в журнале «Минувшие годы» статьи о рабочих организациях и о 1 марта 1881 г. Свидетельств о чтении Толстым материалов этого журнала почти нет. Единственный источник знания в этой области на сегодняшний день — сами номера журнала, сохранившиеся в доме Толстого. Журнал этот Толстой мог и выписывать, но мог и получать от редакции: на августовском номере, вышедшем к 80-летнему юбилею Толстого, надпись сотрудника редакции В. Я. Богучарского: «Льву Николаевичу Толстому с безграничным уважением 19—28/VIII—08 г.». Здесь же оттиснут штамп редакции журнала. В январе 1909 г. Толстой мог читать последний, декабрьский, номер этого издания. Здесь есть пометы Толстого в статье К. Семенова «Первый год Петербургской Рабочей Организации». (Относительно материалов о 1 марта 1881 г. можно предполо-

жить, что это были статьи из «Былого», например, в № 3 за 1906 г., в журнале «Минувшие годы» специальных статей на эту тему нет.)

Самая прямая связь этого чтения — по времени — с работой Толстого над рассказом о революционерах «Павел Кудряш», который в эти дни, 8, 9 января, Толстой продолжает писать. В рассказе, однако, этот материал непосредственно не отразился.

Сведений о чтении Л. Н. Толстым материалов «Былого» в 1909—1910 гг. в литературе о Толстом практически нет, за исключением нескольких упоминаний названия журнала.

Между тем в истории яснополянского «Былого» в это время произошло значительное событие. В. Н. Мешков, издатель журнала «Минувшие годы», 5 февраля 1909 г. прислал Толстому из Петербурга письмо следующего содержания:

«Дорогой учитель Лев Николаевич! Вас. Як. Яковлев-Богучарский передал мне, что в письме к А. М. Хирьякову Вы выражали желание получить «Былое» и «Минувшие годы». Прочел и газетное известие, что Вы — Вы! — знаменитый современник — хотите, наконец, сказать свое большое слово об исторической эпохе нашей и о ее деятелях. Вы понимаете, с какой радостью я посылаю Вам как материал все книжки «Был.» и «Мин. годов» и, если скоро добуду, то высылаю еще комплект «Исторической библиотеки». И как я желаю Вам здоровья и бодрости, и как надеюсь, что Вы поможете еще раз нам, все-таки гражданам нашей измученной, казнимой родины, вновь найти веру в свои силы, которые еще так недавно казались чем-то!

Любящий Вас. *Н. Мешков.*

P. S. По особым соображениям две книжки к «Былому» посылаю отдельно по почте.

Н. М.»

В это время Толстой, очевидно, просматривал имеющиеся у него номера журнала «Минувшие годы» за 1908 г.: Маковицкий упоминает в своих записях чтение Л. Н. Толстым 4 февраля 1909 г. статьи В. В. Рахманова «Крестьянин-коммунист» (1908, № 8). Вероятно, Толстой желал иметь журнал за следующий год и писал об этом знакомому литератору А. М. Хирьякову. Но издание прекратилось на декабрьском номере 1908 г. Мешков послал Толстому второй комплект за 1908 г. На конверте письма Н. В. Мешкова Л. Н. Толстым написано, видимо, для секретаря: «Благодарить и получил». 25 февраля 1909 г. Л. Н. Толстой сам ответил Н. В. Мешкову: «Очень благодарен вам за присылку книг. Получил их и пользуюсь ими»[27].

Датировка этих занятий проясняется такой записью в дневнике Н. Н. Гусева от 12 февраля 1909 г.: «Вчера Лев Николаевич читал «Былое».— До какой степени,— сказал он,— интересно в «Былом» описание декабристов, про Каховского я читал»[28]. (Имеется в виду статья П. Е. Щеголева «Петр Григорьевич Каховский».— «Былое», 1906, № 1, 2).

В № 4 «Былого» за 1907 г. разрезана и, видимо, была читана Толстым статья В. Якушкина «Заметки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г.», в № 10 — статья П. Е. Щеголева «Декабрист кн. Ф. П. Шаховской», материал «Из записок императора Николая I» и обзор Н. Катина о первом русском издании книги Н. И. Тургенева «Россия и русские» (сохранилась в библиотеке Л. Н. Толстого во французском издании).

С начала 1909 г. интересы Толстого-читателя определялись теми же темами освободительного движения за последние 25 лет, что в течение 1908 г. Так, 14 января 1909 г. (и вторично 7 февраля) Толстой читал в «Русской мысли», в № 6 за 1908 г., статью В. Анучина «Казнь Якова Стеблянского», она произвела на него, по свиде-

тельству Д. П. Маковицкого, «страшное впечатление», а Н. Н. Гусев отметил в дневнике, что Толстой оценил эту статью как «самое сильное из всего, что он читал за последнее время о казни». (В № 6 «Русской мысли», сохранившемся в Ясной Поляне, есть следы чтения Толстым этой статьи.) В это же время Толстой читал роман С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» (в яснополянском экземпляре книги сохранились пометы Толстого), в сентябрьском номере «Былого» за 1907 г. разрезан в разделе «Библиография» обзор произведений С. М. Степняка-Кравчинского.

Возвращение Толстого в феврале 1909 г. к первым номерам «Былого» наиболее вероятно было вызвано просмотром нового комплекта журнала для продолжения работы над романом о революционерах. В феврале продолжается работа над рассказом «Павел Кудряш». 25 февраля в Дневнике Толстого записано: «24-го хорошо писал Павла. Может выйти. Оч[ень] много хорошего и полезного можно сказать». В этот же день в упомянутом письме Н. В. Мешкову, сообщая, что он пользуется присланными журналами, Толстой добавляет: «Как бы рад был, если бы достало сил и уменья, воспользоваться ими как хотелось бы». Сведений о работе над рассказом «Павел Кудряш» далее не имеется, хотя 16 марта в Дневнике Толстого записано, что ему «оч[ень] хочется писать... и Павла»[29].

1—2 апреля Л. Н. Толстой, как отметил Д. П. Маковицкий, читает в № 8—10 «Былого» за 1906 г. «Воспоминания чайковца» С. С. Синегуба. Вместе с рукописями рассказа «Павел Кудряш» хранится список вопросов, составленный Л. Н. Толстым перед поездкой в Москву Н. Н. Гусева в начале апреля 1909 г. Толстой просил своего секретаря обратиться с этими вопросами к его знакомому — присяжному поверенному, часто выступавшему по политическим делам. (Ответы на эти вопросы не удалось

получить, так как Н. Н. Гусев не застал своего знакомого.) Сам список вопросов интересен в характеристике направления чтения Толстого в этот период:

«1. Судящиеся за покушение на жизнь великого князя сидят ли в одиночках, или могут быть вместе некоторые?

2. Могут ли быть сношения между собою?

3. Могут ли быть получаемы сведения извне?

4. Объявляется ли вперед день суда, или только накануне? И много ли может пройти времени между объявлением о времени суда и судом?

5. Допускаются ли свидания с родными? С какими и как?

6. Могут ли быть сношения с уголовными?

7. Как ведут или везут в суд?

8. В каком помещении суд?

9. Состав и процедура суда.

10. Палач.

На все вопросы желательно иметь ответы: самые подробные, как обыкновенно делается и могут ли быть исключения.

1. При военном суде допускаются ли адвокаты к подсудимому? Как? Где?

2. Описание, если возможно, помещения военного суда.

3. В чем состоит увещание священника о том, чтобы свидетель говорил правду?

4. Палачи кто? Сколько получают?

5. В какой тюрьме в Москве содержатся подлежащие 279 статье?* В общей или одиночной? Дают ли свидания?

6. Как делают бомбы?»[30]

Вполне естественно предположить, что в поисках сведений-ответов на все эти вопросы Толстой обращался к материалам «Былого», насыщенным этими деталями.

---

* Статья касалась лиц, осужденных на смертную казнь.

Конкретный характер некоторых вопросов свидетельствует о том, что ему хотелось иметь эти ответы применительно к определенному времени и месту, что не всегда могло найтись в журнале, где преобладали материалы о прошедшем.

Так или иначе, читая в этот период «Былое», Толстой не должен был пропустить, т. е. оставить неразрезанными в новых книжках статьи, запечатлевшие живые черты эпохи. Чтение было много шире во времени, чем сюжетная канва, намеченная для «Нет в мире виноватых». В последние годы Л. Н. Толстой перепробовал целый ряд близких к «революционной» теме замыслов. Времена молодости его персонажей приходились бы на конец 70-х — начало 80-х годов. Очень существенным было для Толстого постичь психологию революционеров, их нравственный облик, их душевное состояние в различных ситуациях. Исходя из всего этого, сделаем попытку «перелистать» вслед за писателем полученные в 1909 г. номера «Былого». Чтение журнала в этот раз было, вероятно, продолжительным. Особенно много статей и публикаций разрезано Толстым в книжках 1906 г. и значительно меньше в номерах 1907 г., возможно, в зависимости от наличия интересовавшего его исторического материала.

В январской книжке 1906 г. на страницах 227—302 в материале «Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году» содержатся подробнейшие сведения о действиях народовольцев, характеристики участников движения, описания террористических актов. На странице 269 здесь загнут вдвое верхний уголок, это относится к тексту об изданиях, прокламациях, структуре, программе «Народной воли» в 1878—1881 гг. На странице 298 Толстой отчеркнул большой отрывок в 32 строки о члене общества «Земля и воля» Д. А. Лизогубе. Его образ, его психология привлекли Толстого еще в период писания «Воскресения»

и «Божеского и человеческого». Отмеченный отрывок посвящен описанию забот сидевшего в тюрьме Лизогуба о передаче партии принадлежащих ему денежных средств. В 5—6 книжке журнала «Минувшие годы» разрезан текст воспоминаний землевольца О. В. Аптекмана периода его содержания в Петропавловской крепости, богатых анализом психологии заключенного.

Февральский номер «Былого» этой же группы имеет разрезанный Л. Н. Толстым текст воспоминаний М. Ф. Фроленко об Алексеевском равелине («Милость»); в редакционной сноске эти воспоминания представлены как продолжение вышеназванного материала о народовольцах. В № 4 «Минувших годов» Толстой разрезал воспоминания об Алексеевском равелине М. Н. Тригони; в № 5—7— воспоминания М. Ф. Фроленко «Из далекого прошлого».

Кстати, если в первом, яснополянском, экземпляре у Толстого не была разрезана статья Н. Волкова «Народовольческая пропаганда среди московских рабочих», в этом экземпляре данная статья полностью разрезана.

В разделе «Историческая библиография» разрезан текст заметки В. В-ва «Убийство 3-х министров». Сюжет о революционерах-террористах, замышлявших покушение на министра, был набросан у Толстого в 1902 г. на одном из этапов писания «Фальшивого купона».

В мартовском номере 1906 г. интерес Толстого, как при первом чтении, так и позднее, вызвали (разрезаны в обоих экземплярах) материалы, посвященные 1 марта 1881 г., «Воспоминания о С. Л. Перовской» С. Ивановой, воспоминания В. Н. Фигнер о шлиссельбургской узнице Л. А. Волкенштейн.

27 февраля — 1 марта 1906 г. Л. Н. Толстой читал записки Л. А. Волкенштейн «13 лет в Шлиссельбургской крепости» в издании «Свободного слова».

В разделе «Историческая библиография» разрезаны

тексты обзоров литературы о Процессе 193-х, о Процессе В. Засулич.

В майской книжке как продолжение материала о Процессе 20-ти помещены (разрезаны Толстым) воспоминания С. Ф. Русовой «Мартын Ланганс». Полностью разрезан в июньском номере «Отчет о процессе 20-ти народовольцев в 1882 г.» (страницы 237—300), содержащий описание процесса, биографические сведения об участниках, материалы об их деятельности.

В июльской книжке журнала 1906 г. разрезано более половины текста. Здесь могли пригодиться Толстому и воспоминания М. Ю. Ашенбреннера «Военная организация «Народной воли», и показания В. Н. Фигнер, и продолжение воспоминаний о Шлиссельбургской крепости М. В. Новорусского, и материалы о С. Г. Нечаеве, и воспоминания Н. А. Виташевского с подробностями жизни заключенных в Новобелгородской тюрьме. Возможно, Толстой обратил особое внимание на воспоминания С. А. Савинковой, матери арестованных по политическим делам сыновей. Точное название этих воспоминаний выписано карандашом почерком Д. П. Маковицкого на обложке журнала. (Вероятно, Маковицкий сделал эту заметку по просьбе Л. Н. Толстого.)

В январском номере 1907 г. разрезано продолжение этих воспоминаний («На волос от казни»).

Все основные материалы разрезаны Толстым в августовском номере «Былого». Ему могли быть интересны сведения о «Земле и воле», материалы «К биографии А. И. Желябова и С. Л. Перовской» (страницы 108—129). В последних приведено прощальное письмо С. Перовской к матери перед судом. Из этого письма Толстой читал выдержки своим близким в Ясной Поляне 18 мая 1908 г. в связи с чтением книги В. В-ва «Русские женщины на эшафоте» (М., 1907).

В сентябрьской книжке 1906 г. в читанных Толстым

в 1909 г. «Воспоминаниях чайковца» семидесятника С. С. Синегуба содержится материал о работе учителей на селе, а затем в рабочей среде; разрезан в этом номере и материал «Первая типография «Народной воли».

В октябрьской книжке разрезан Толстым текст воспоминаний Н. А. Тана «Коронация в Колымске», содержащих подробности описания этапа, жизни в Колымской тюрьме и ссылке, живые эпизоды быта ссыльных. Колымские «Воспоминания из жизни в ссылке» Л. Ергина частью разрезаны и в № 6 за 1907 г. В мартовском номере журнала «Минувшие годы» Толстой мог читать воспоминания Ю. М. Стеклова «Как я бежал из Якутии» (1896 г.).

В ноябрьском номере разрезана статья С. Б. Богданова об одном из первых карийцев Е. С. Семяновском. Следует упомянуть среди разрезанных материалов в № 11 раздел IX (о народничестве в 70-х годах) в статье «Старика» (С. Ф. Ковалика) «Движение 70-х годов по Большому процессу (193-х)». Специально разрезан список псевдонимов революционных деятелей и организаций, привлеченный из розыскных дел N-ского жандармского управления. В общем списке здесь значится: «Ильин (Ленин) — Ульянов Владимир Ильин».

В декабрьском номере разрезаны материалы Н. А. Морозова и М. Фроленко о возникновении «Народной воли», окончание статьи «Старика» о движении 70-х годов, окончание воспоминаний М. Новорусского «В Шлиссельбургской крепости», «Страничка из истории рабочего движения. (Памяти Н. В. Шелгунова)» Вас. Голубева.

Материалы о движении рабочих в самом начале 900-х годов встречаются как в «Былом», так и в «Минувших годах», и, возможно, читались Толстым. Так, например, в № 1 «Былого» за 1906 г. есть статьи В. Бурцева «Северный Союз русских рабочих», Л. Я. Гуревич «Народное движение в Петербурге 9 янв. 1905 г.». В журнале

«Минувшие годы» разрезан, возможно Толстым, текст статьи И. Павлова «Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне» (№ 3, 4). Материал «К биографии Гапона» разрезан в № 7; в № 11 разрезаны воспоминания Е. В. Гешина «Шелгуновская демонстрация».

Остановимся несколько подробнее на материалах, читанных Л. Н. Толстым с карандашом в руках.

В оглавлении апрельского номера 1906 г. Толстой отметил уголком и подчеркнул заглавие статьи С. Иванова «Из воспоминаний о 1881 годе»; в тексте статьи довольно много помет. В отрывке, содержащем рассуждения А. Желябова о политическом терроре (страница 226), Толстой подчеркнул положение о том, что весь смысл политического террора — «именно в последовательности и непрерывности действий». Его интересуют и личные свойства Желябова как руководителя и активного участника предпринимаемых действий. Привлекли внимание Толстого описания встреч автора статьи с С. Перовской, отвечавшей на его вопросы о захвате власти, о побуждениях террористов, о политическом терроре как систематическом приеме борьбы «Народной воли». Без внимания Толстого не осталось и описание состояния С. Л. Перовской перед самым арестом.

В этот период Толстой читал и привезенную ему из Москвы в апреле 1909 г. Н. Н. Гусевым брошюру «Софья Львовна Перовская. Из воспоминаний о С. Л. Перовской (из «Подпольной России» С. Степняка) с приложением извлечения из судебного отчета «С. Л. Перовская и дело 1 марта 1881 г.» (1903). В брошюре есть загнутые Толстым уголки.

В ноябрьском номере 1906 г. разрезаны материалы о «Процессе 17 лиц в 1883 году». В декабрьском номере в тексте «Речей подсудимых в процессе 17» загнуты вместе уголки страниц, содержащих речь М. Ф. Грачевского (страницы 237—241). Здесь характерно для Тол-

стого отчеркивание и нотабене на полях против отрывка о нравственных муках ссыльных, лишенных книг и занятий по специальности, из-за вынужденной бездеятельности.

На странице 241 говорится о страшных нравственных страданиях человека, с которым связан арест и заключение ни в чем неповинных товарищей. Толстой отметил и речь Х. Г. Гринберг «Каким образом я сделалась членом партии Народной воли». Были отмечены загнутыми уголками и страницы с текстами речей А. П. Корба, С. С. Златопольского.

В номерах «Былого» за 1907 г. материалов, разрезанных для чтения, значительно меньше.

20 апреля 1910 г. в беседе с В. Ф. Булгаковым Л. Н. Толстой, возвращаясь к замыслу «Нет в мире виноватых», сказал, что он хотел описать людей, «начиная от палачей и кончая революционерами... Описать и эту революцию...

Тема эта очень меня интересует, и она заслуживает того, чтобы ее разработать»[31].

До конца дней Толстой не расставался с этим замыслом.

Чтение материалов «Былого» и «Минувших годов» в 1909—1910 гг. невозможно датировать точно, но, видимо, наиболее активное чтение шло параллельно с работой над первым вариантом «Нет в мире виноватых», т. е. весной 1909 г.

Можно предположить на основании сохранившегося текста произведения, что в ту пору из прочитанного в процессе продолжения работы ранее других могли понадобиться Толстому материалы о петербургских рабочих организациях конца 90-х — начала 900-х годов. Для этого есть некоторые основания.

Рассмотрим в общих чертах пометки Толстого в статьях на эту тему.

В апрельском номере «Былого» (1907 г.) специально разрезана статья С. И. Сомова «Из истории социал-демократического движения в Петербурге в 1905 году. (Личные воспоминания)», содержащая описание положения в петербургской социал-демократической организации с осени 1904 г., включая 9 января 1905 г., с элементами оценки слабых, по мнению автора, сторон деятельности организации, ослабленной «борьбой фракций большинства и меньшинства». Есть сведения о структуре организации, о гапоновском влиянии, о Путиловской стачке и т. д. Отчеркивания и подчеркивания Толстого (на страницах 23—30) касаются вопросов строения организации, работы в руководящем органе и на периферии (автор был организатором работы в одном из районов города).

Следы чтения, оставленные писателем в тексте статьи К. Семенова «Первый год Петербургской Рабочей Организации» («Минувшие годы» № 12, 1908), представляют большой интерес. В количественном отношении это вообще одна из самых богатых пометками Толстого статей: на 18 страницах с пометами отчеркнуто более 200 строк. Внимание писателя более всего сосредотачивается не на анализе принципиальных позиций, а на живых, конкретных деталях, относящихся к структуре и деятельности организации. Это факт создания «Рабочей Организации», ее отношение к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», деятельность «Союза борьбы», меры конспирации, касса, газеты и их направление, формы пропаганды и агитации, условие названия отдельных кружков, некоторые исторические события (1 мая, Обуховская оборона), провал организации.

Разумеется, Толстой не мог оставить без внимания направление всей этой деятельности. Особо отмечен — отчеркнут целиком, местами с подчеркиваниями и помечен двумя нотабене — текст программы «Рабочей Организа-

ции». Здесь подчеркнута, например, фраза: «Конечною целью рабочего движения является политическое и экономическое освобождение рабочего класса, которое может быть достигнуто только социал-демократическим движением широких масс». Интересно, что Толстой отчеркнул отрывок о «смертных грехах», как говорит автор, «Союза борьбы» «против социал-демократии»: эти «грехи», «особенно выпукло сформулированные впоследствии Лениным в «Что делать?», были экономизм, хвостизм, кустарничество, стачкизм, практицизм, тред-юнионизм, оппортунизм».

В разделе «Историческая библиография» майского номера «Былого» за 1906 г. разрезаны страницы 289—294 с обзором Е. Кусковой по книге В. Акимова «Очерк развития социал-демократии в России».

Толстого интересует вопрос о соотношении экономической и политической борьбы в представлении членов «Рабочей Организации». Он особо отмечает мнения, конкретные выражения тех, кто говорит об этом, их доводы и аргументы. Против одного из таких отрывков, где передается спор членов организации (на странице 281), отчеркнуто 18 строк текста, стоит нотабене и написано «Спор». Очень может быть, что Толстой заметил для себя эту сцену в интересах своих творческих планов. Бросается в глаза и обилие подчеркнутых терминов. Особенно выделена в статье тема агитации и пропаганды: помимо названий печатных органов, отмечены агитационные брошюры, листки, прокламации, положение агитаторов, права пропагандистов, их формы работы, их выступления, беседы, вопросы слушателей.

Наметки многих из этих линий (пропаганда, структура, форма работы) легко находятся даже в строении того, что написано на темы «Павел Кудряш» и «Нет в мире виноватых». Например: Павла «ввели в союз рабочих»; его старший товарищ Аносов говорит о «фракции»; Не-

устроев принадлежал к «партии или фракции, группе»; Егора арестовали в «собрании рабочих», «социал-демократия не увлекла его»; «кружок революционеров» ставит задачей «изменение существующего правительства разными способами»; товарищ по партии вызывает Неустроева на «террористическое дело», привозит ему требование «от исполнительного комитета»; Неустроев «пишет народную литературу и программу деятельности».

В статье А. К. Ломуновой «Незавершенный роман Л. Н. Толстого» (Яснополянский сборник, Тула, 1974) утверждается, что «фамилия и в какой-то мере биография реального лица — революционера К. Г. Неустроева», о котором Толстой якобы читал в «Былом», были использованы при работе над образом Неустроева в «Нет в мире виноватых». Это положение представляется неосновательным по ряду причин. Ограничимся здесь лишь замечаниями о том, что в яснополянском экземпляре этого номера «Былого» (№ 6, 1907) статья о Неустроеве вообще не разрезана, как и окружающие материалы и, по всей вероятности, Толстым не читалась.

Бесспорно, для этой же работы внимательно изучалась Толстым и статья М. С. Александрова «Группа народовольцев» в № 11 «Былого» за 1906 г. (из номеров, присланных в 1909 г.).

Интересно, что в первой части статьи сообщается о «чистых террористах», сгруппировавшихся вокруг Александра Ильича Ульянова, и о его кружке.

Наибольшее количество помет приходится здесь на второй раздел под названием «Среди рабочих». Описан период образования центрального рабочего кружка в Петербурге в 1890 г., работа в районах города. Толстой отчеркнул отрывок о рабочем центре и его руководителе. В 1891 г. представителем интеллигенции и руководителем кружка стал автор статьи, народоволец. На этой же странице Толстой отчеркнул абзац о приглашении в централь-

ный кружок швеи Натальи Григорьевой представительницей Выборгского района. Следующий отмеченный отрывок — о кассе кружка. Далее — о литературе для пропаганды, о том, что автору было поручено написать статью для задуманного «Рабочего сборника». В следующих разделах освещалась издательская деятельность группы, приводились тексты прокламаций.

В разделе IV отмечен отрывок о мерах предосторожности и борьбе с «революционными сплетниками», разглашавшими сведения об организации. Пометки Толстого на страницах 25—26 настолько характерны, что на них надо остановиться подробнее.

Автор статьи приводит данные о некоторых арестованных в 1894—1895 гг. членах этой организации. Из 17 записей Толстой выбрал семь; отчеркнув текст каждой записи, он проставил цифры от 1 до 7 на полях. Это уже был, хотя, может быть, и предварительный, но отбор «кандидатов» в персонажи произведения. Приведем данные об этих лицах (без указания имеющихся здесь сведений о приговорах): 1. «Зотов Борис Львович, брат казненного в Якутске, студент университета IV курса», 2. «Иванов Константин Николаевич, студент-технолог», 3. «Браудо Василий Исаич — окончивший университет», 4. «Федулов Александр Александрович, один из деятельнейших членов группы», 5. «Александров Мих. Степ., земский статистик; обвинялся в пропаганде среди рабочих и в привлечении молодежи к этому делу», 6. «Григорьева Наталья Александровна, швея», 7. «Фадеев Александр Ив., крестьянин».

В тексте лишь начатой Толстым последней, 10-й главы «Нет в мире виноватых» мы найдем любопытный пример трансформации в процессе творческой работы сведений из отмеченного Толстым: «В бедном квартале большого университетского городка, в доме вдовы Перепелкиной, уже второй год жил Матвей Семеныч Никола-

ев, по мирскому званию своему земский статистик, по революционному же положению своему член исполнительного комитета народовольцев и глава кружка распространения социалистических идей между рабочими. Ему было тридцать два года. И он уже восемь лет, с четвертого курса университета, из которого он вышел, не окончив, весь отдался делу революции и занимал среди революционеров видное положение»[32]. (Текст Толстого на этом обрывается.) Так представлен, по всей вероятности, упомянутый выше «земский статистик» М. С. Александров, народоволец, глава кружка, занимавшийся пропагандой среди рабочих.

Прибавим, что в записной книжке Л. Н. Толстого в июне 1909 г. среди набросков к «Нет в мире виноватых» упомянут «статистик»[33].

Все сказанное выше о чтении писателем «Былого» — еще одно подтверждение того, что Толстой, собираясь «писать историческое», и на этот раз старался «быть до малейших подробностей верным действительности»[34].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Былое, 1917, № 1 (23), с. 11, 12.

[2] Цит. по кн.: Жданов В. А. Последние книги Л. Н. Толстого. М., 1971, с. 17.

[3] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 89, с. 26.

[4] См.: «Былое», 1917, № 1 (23), с. 5.

[5] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 76, с. 118.

[6] Эртель А. И. Письма. М., 1909, с. 250.

[7] Следует уточнить запись Н. Н. Гусева в «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910» (М., 1960, с. 552), где назван в этой связи № 3 «Былого»: 10 марта в Ясной Поляне был получен февральский номер журнала. В № 3 продолжение статьи не разрезано.

[8] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 55, с. 248.

[9] Жданов В. А. Последние книги Л. Н. Толстого, с. 246.

[15] Цит. по кн.: Яснополянский сборник, Тула, 1974, с. 103.

[11] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 55, с. 265.

[12] Текст Л. Н. Толстого см. в Полн. собр. соч., т. 36, с. 86—94.

[13] Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973, с. 136—137.

[14] Былое, 1917, № 1, с. 3.

[15] Комментарий к этой записи Н. Н. Гусева в издании его дневника «Два года с Л. Н. Толстым» (М., 1973) требует корректив, которые вносятся сведениями, приводимыми в данной работе.

[16] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 78, с. 120.

[17] Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым, с. 148.

[18] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 260.

[19] Лит. наследство, т. 37—38, М., 1939, с. 530.

[20] Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым, с. 119.

[21] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 56, с. 163.

[22] Там же, т. 37, с. 85, 91, 92.

[23] Цит. по кн.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910, с. 656.

[24] Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым, с. 224.

[25] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 37, с. 381.

[26] Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. У Толстого (1904—1910) — Лит. наследство, т. 90, кн. 3, М., 1979, с. 297.

[27] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 79, с. 86. Письмо Н. В. Мешкова хранится в архиве ГМТ.

Опубликовано в газете «Вечерняя Пермь», 1971, 11 окт.

[28] Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым, с. 237.

[29] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 57, с. 30, 38.

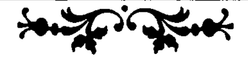
[30] Там же, т. 37, с. 383—384.

[31] Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1957, с. 197.

[32] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 38, с. 198.

[33] Там же, т. 57, с. 252.

[34] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 73, с. 353.

СОДЕРЖАНИЕ

Пузин Н. П., Архангельская Т. Н.

П88 Вокруг Толстого.— 2-е изд.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1988.— 335 с., ил.

В этой книге рассказывается о некоторых сторонах жизни и творчества Л. Н. Толстого, его окружении и потомках, о том интересе, который проявлял великий русский писатель к деятельности русских революционеров.

П $\frac{4603010101-38}{М\ 154(03)-88}$ 38.88 83.3Р1

Николай Павлович Пузин

Татьяна Николаевна Архангельская

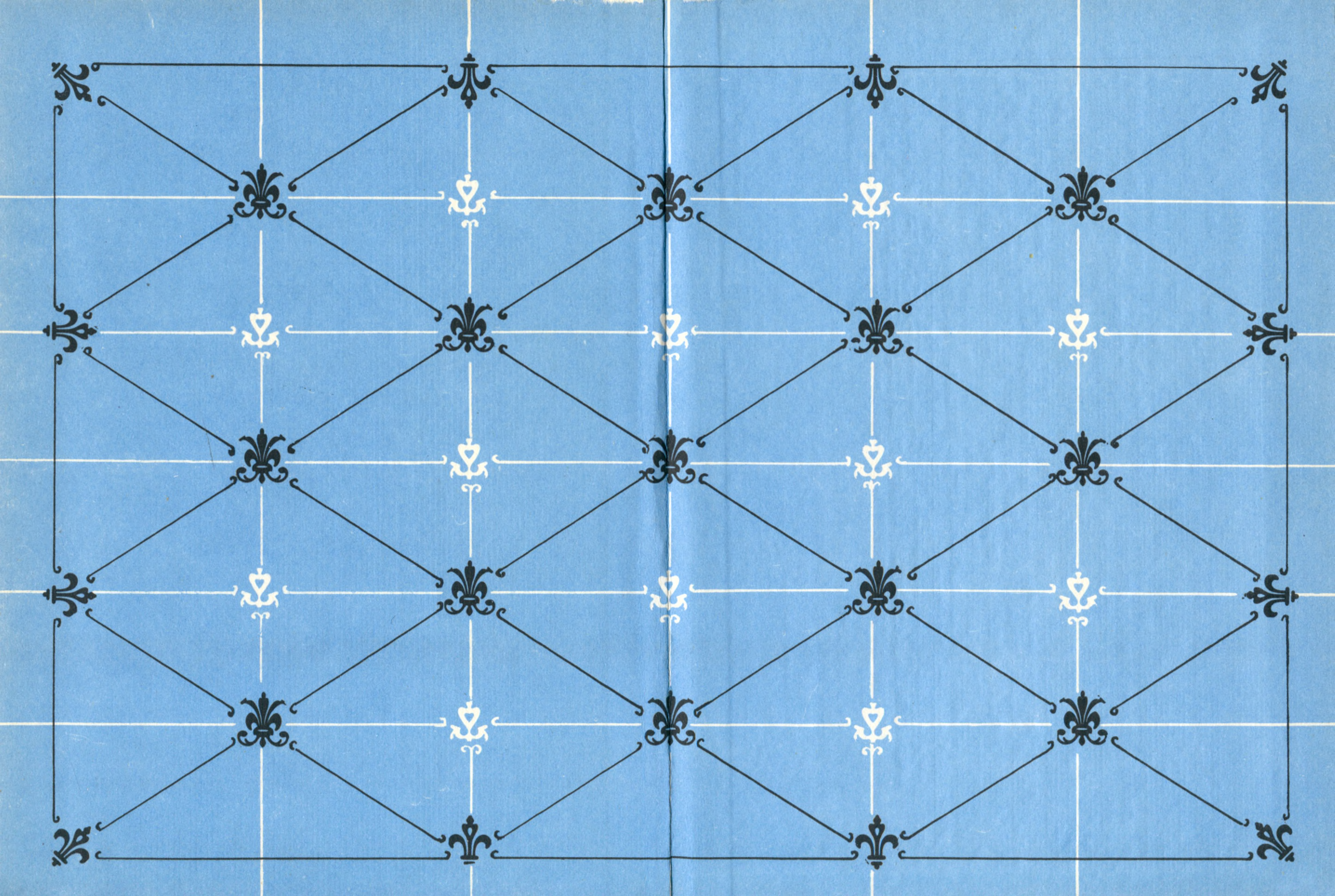
ВОКРУГ ТОЛСТОГО

Редактор С. Д. Ошевский
Художественный редактор В. С. Матвеев
Технический редактор С. А. Тиляева
Корректор Г. Ф. Шалимова

ИБ № 1794

Сдано в набор 28.05.87. Подписано в печать 30.05.88. ЦП 00013. Формат бум. 70×108[1]/32, офсетная № 2. Обыкновенная новая гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 14,7+0,7 вкл. Усл. кр.-отт. 15,75. Уч.-изд. л. 15,22+0,52 вкл. Тираж 30 000 экз. Заказ № 217. Изд. № 38. Цена 1 р. 10 к. Приокское книжное издательство, 300000, г. Тула, Красноармейский пр., 27.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

1р. 10 к.